

**СОВРЕМЕННЫЙ
КАПИТАЛИЗМ И
ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА**

**КРИТИКА
БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ
НАЦИОНАЛИЗМА
И РАСИЗМА**

**КРИТИКА
БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ
НАЦИОНАЛИЗМА
И РАСИЗМА**

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ АН СССР**

СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Ответственный редактор серии
д-р экон. наук
Аболтин В. Я.

Члены редколлегии:
д-р истор. наук
Дилигенский Г. Г.

чл.-корр. АН СССР
Милейковский А. Г.

д-р экон. наук
Чепраков В. А.

Издательство «Мысль»

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ НАЦИОНАЛИЗМА И РАСИЗМА

Ответственные
редакторы книги:

канд. юрид. наук
Тузмухамедов Р. А.

д-р экон. наук
Чепраков В. А.

Москва 1978

1 ФБ
К 82

РЕДАКЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Авторский коллектив

Предисловие и
Глава I
Тузмухамедов Р. А.
Глава II
Кубаров Б. Т.
Глава III
Брагинский И. С.
Глава IV
Уинстон Генри
Глава V
Шлихтер А. А.
Глава VI
Павличук Е. И.
Глава VII
Витухин И. В.
Глава VIII
Акопян Г. С.
Глава IX
Траскунова А. М.
Глава X
Полонская Л. Р.
Ионова А. И.
Глава XI
Чепраков В. А.

Именной указатель
составлен
Якубович К. И.

Критика буржуазных теорий национализма и
К 82 расизма. Отв. ред.: Тузмухамедов Р. А., Чепра-
ков В. А. М., «Мысль», 1976.

287 с. (Ин-т мировой экономики и междунар. отношений
АН СССР. Соврем. капитализм и идеол. борьба).

В книге дана марксистская критика буржуазных теорий нацио-
нализма и расизма, их проявление в развитых капиталистических и
развивающихся странах.

10702-137
К 004(01)-76 50-76

1 ФБ

© Издательство «Мысль». 1976

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Генеральный секретарь Л. И. Брежнев подчеркнул: «Положительные сдвиги в мировой политике, разрядка создают благоприятные возможности для широкого распространения идей социализма. Но, с другой стороны, идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной»¹. Съезд особо отметил необходимость укрепления антиимпериалистического единства трудящихся, коммунистических и рабочих партий и первостепенное значение в современных условиях пролетарского интернационализма.

Пролетарскому интернационализму — одному из главных принципов теории и практики марксизма-ленинизма империализм и буржуазия противопоставляют нацио-

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, стр. 89.

нализм. К национализму, как и к любому общественному явлению, марксизм неизменно подходит с классовых позиций, с позиций защиты интересов рабочего класса и трудящихся в целом. Это объясняется тем, что возникновение наций и национальностей и на этой основе национальных отношений и национального вопроса исторически связано с определенным этапом социально-экономического развития общества, является одним из следствий становления и развития капитализма, складывания и противоборства двух антагонистических классов — буржуазии и рабочего класса.

В условиях буржуазной социально-политической структуры общества попытки разрешения национального вопроса приводят к политическим и военным взрывам. Этому содействует использование буржуазией национализма, представляющего собой психологию, идеологию, политику или социальную практику обособления и противопоставления трудящихся масс одной национальной общности другой такой общности в интересах эксплуататорских классов и в ущерб интересам классовой борьбы трудящихся.

Национальный вопрос и национализм имеют, таким образом, вполне определенные социальные корни.

Коммунистическое движение с самого своего возникновения в принципе против национализма. Уже в «Манифесте Коммунистической партии» было подчеркнуто, что в борьбе пролетариев различных наций коммунисты «отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата...»¹. Марксизм всегда был и остается принципиальным противником национализма и шовинизма. «Марксизм непримирим с национализмом, — писал В. И. Ленин, — будь он самый «справедливый», «чистенький», тонкий и цивилизованный. Марксизм выдвигает на место всякого национализма — интернационализм»². В противовес оружию буржуазии — национализму знаменем рабочего класса стал пролетарский интернационализм. Являясь призывом к классовому сплочению людей труда против эксплуататоров, он обязывает, как писал В. И. Ленин, всех сознательных рабочих «всеми силами восстать против тех, кто разжигает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 437.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 131.

национальную ненависть и отвращает внимание рабочего народа от его истинных врагов»¹.

Учитывая, что национальный вопрос и национализм возникают на базе отношений и психологии, характерных для буржуазного общества, марксизм видит решение национальных проблем и ликвидацию национализма на путях уничтожения эксплуатации человека человеком, на путях социалистической революции.

Правильность марксистско-ленинской теории решения национального вопроса получила всемирно-историческое доказательство на опыте социалистического строительства в Советском государстве. Подводя итог полувековому существованию Союза ССР, Л. И. Брежнев отметил: «Мы имеем все основания сказать, что национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам от прошлого, решен полностью, решен окончательно и бесповоротно. Это — достижение, которое по праву можно поставить в один ряд с такими победами в строительстве нового общества в СССР, как индустриализация, коллективизация, культурная революция.

В нашей стране родилось и окрепло великое братство людей труда, объединенных, независимо от их национальной принадлежности, общностью классовых интересов и целей, сложились небывалые в истории отношения, которые мы по праву называем ленинской дружбой народов»².

Диалектика марксистско-ленинской постановки национального вопроса состоит, таким образом, в интернациональном объединении трудящихся всех наций для обеспечения победы социалистической революции, без которой не может быть полного социального, а следовательно, и национального освобождения. В свою очередь лишь такое освобождение и создание в итоге максимально благоприятных условий развития каждой нации ведет к их сплочению, единству, всестороннему сближению всех наций.

Эта диалектика проявляется также в международных рамках братского содружества суверенных социали-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 383.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, стр. 50.

стических государств. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии указывается: «Вместе с расцветом каждой социалистической нации, укреплением суверенитета социалистических государств все теснее становятся их взаимосвязи, возникает все больше элементов общности в их политике, экономике, социальной жизни, происходит постепенное выравнивание уровней развития. Этот процесс постепенного сближения стран социализма вполне определенно проявляется ныне как закономерность»¹. Сплоченность этих государств позволяет им все активнее и решительнее выступать с инициативными совместными международными акциями. Опираясь на социалистический гуманизм ленинской национальной политики, они и в международных отношениях противопоставляют узкому национализму и шовинизму мир и сотрудничество. Их совместные и последовательные усилия сделали возможным проведение исторического Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Как отметил Л. И. Брежнев, положения, закрепленные в Заключительном акте Совещания, «служат интересам народов, служат интересам людей независимо от их рода занятий, национальности, возраста... Они проникнуты уважением к человеку...»².

Опыт решения национального вопроса в СССР и развития отношений в мировой системе социализма показывает также, что социалистическая революция, ликвидируя классовый антагонизм, уничтожая социальные корни национализма, создает необходимые предпосылки для решения национального вопроса. Жизнь подтвердила взаимосвязь социалистической революции и решения национального вопроса также тем, что не только успехи в осуществлении ленинских принципов национальной политики, но и «любое отступление от них (печальный пример чему — шовинистический курс китайских руководителей) оказывают самое непосредственное воздействие на судьбы социалистического строительства»³. Политический и общественный строй реального социализма, отражая подлинное народовластие и гуманизм, налагает

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, стр. 6.

² «Правда», 1 августа 1975 г.

³ «Коммунист», 1975, № 9, стр. 89.

запрет на национализм и расизм; его незыблемый принцип — пролетарский интернационализм.

Классовый подход к национальному вопросу определяет отношение марксизма и к национально-освободительным движениям. Будучи всегда принципиальными противниками расизма и шовинизма, марксисты в то же время неизменно выступали в поддержку национально-освободительного движения, рассматривая его в качестве составной части борьбы масс против любого гнета капитала. Более того, В. И. Ленин считал «безусловной обязанностью для марксиста отстаивать самый решительный и самый последовательный демократизм во всех частях национального вопроса». В этой связи он подчеркивал: «Это — задача, главным образом, отрицательная. А дальше ее идти в поддержке национализма пролетариат не может, ибо дальше начинается «позитивная» (положительная) деятельность *буржуазии*, стремящейся к укреплению национализма»¹.

Исходя из социалистических классовых основ своей внешней политики, Советский Союз последовательно поддерживал и поддерживает национально-освободительное движение колониальных народов. В условиях, когда на месте рухнувших колониальных империй возникли десятки молодых суверенных государств, «мы, — подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — на стороне сил прогресса, демократии и национальной независимости и относимся к ним, как к своим друзьям и товарищам по борьбе.

Наша партия оказывает и будет оказывать поддержку народам, которые сражаются за свою свободу»².

Опираясь на поддержку Советского Союза и других стран социалистического содружества, народы достигли больших успехов в освободительной борьбе и укреплении национальной независимости. Растущее число стран встает на путь серьезных социально-экономических преобразований, избирает социалистическую ориентацию.

Антиколониальная, антиимпериалистическая борьба зачастую проходила под лозунгом национального освобождения. И до настоящего времени национализм в раз-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 132.

² Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, стр. 14

в развивающихся странах не везде и не полностью исчерпал еще антиимпериалистические, демократические возможности. Однако по мере углубления социального развития молодых государств, обострения в них классовой борьбы все чаще проявляются реакционные черты национализма, выступающие под различными масками, в том числе религиозной. Против этого национализма выступают прогрессивные силы развивающихся стран.

Империализм все активнее использует национализм в целях раскола не только рабочего движения внутри отдельных стран, но и международного коммунистического движения, национально-освободительных движений и между тремя основными революционными потоками современности. Большую услугу империализму в этом оказывают маоисты.

Опасным внутри- и внешнеполитическим орудием империализма является расизм. Расизм был и остается на вооружении наиболее реакционных сил. «Превосходством арийской расы» оправдывал гитлеровский фашизм свою агрессию и чудовищные зверства на оккупированных территориях во время второй мировой войны. В наши дни апартеид и «господство белых» стали узаконенной системой фашиствующих режимов в ЮАР и Южной Родезии. Проявлением этой расовой политики явилась, в частности, их интервенция против Народной Республики Анголы. Сионизм служит оправданием агрессии израильских правящих кругов против ряда арабских стран и арабского национально-освободительного движения, а также попрания национальных прав арабского народа Палестины. Расизм — угроза международному миру и безопасности.

Борьба национализма и расизма, с одной стороны, и интернационализма — с другой, стала составным элементом глобальной борьбы сил прогресса и мира с силами реакции за международную безопасность, демократию и социализм.

В книге подвергается критике ряд теорий национализма и расизма. Авторы не ставили задачей в данной работе охватить все проявления национализма и расизма во всех регионах и странах. Материал книги сгруппирован с учетом того, что национализм проявляет себя неодинаково в зависимости от того, каким общественно-историческим силам и целям он служит.

ИМПЕРИАЛИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ

1. Обострение национального вопроса в капиталистическом мире

Одной из характерных черт современности является укрепление дружбы народов в странах реального социализма, с одной стороны, и национальная рознь, углубление кризиса национальных отношений в мире капитализма, с другой стороны.

Начало второй половины XX в. отмечено во многих районах мира подъемом и развитием национально-революционного движения, направленного против империализма и реакции, и в то же время наблюдаются вспышки расизма, шовинизма, националистических извращений, служащих интересам империализма.

Буржуазные авторы сравнивают обострение национального вопроса в капиталистических странах с бурным ростом национальных движений в Европе XIX в. Однако эти процессы по историческим условиям, масштабам и, главное, объективному месту в процессе общественного развития принципиально различны. Капитализм XIX в. опирался на национально-освободительные движения в Европе. Ныне они противостоят ему в развивающихся странах, где под ударами социализма и этого движения

распалась колониальная система. Кроме того, в промышленно развитых капиталистических странах межнациональные противоречия нередко принимают антимонополистический характер. Национальный вопрос и в этих странах вновь стал серьезным фактором внутривнутриполитической жизни.

Среди факторов, лежащих в основе современного обострения национальной проблемы, следует прежде всего отметить углубление общего кризиса капитализма в условиях развития государственно-монополистического капитализма и научно-технической революции, усугубление старых и появление новых социальных противоречий в странах капитала, интеграционные процессы в капиталистической экономике, ломающие устоявшиеся национально-этнические связи, создающие новые и обостряющие старые национальные проблемы, рост демократических, антимонополистических устремлений рабочего класса, крестьянства, средних слоев населения.

Кроме того, национальный вопрос обостряется под воздействием таких факторов, как ускоряющееся хозяйственно-экономическое сближение и взаимосвязь стран мира при одновременном резком увеличении количества государств на земном шаре в результате национально-освободительной борьбы, роста национального самосознания в них.

Далее, это усиление борьбы между социализмом и империализмом и стремление последнего использовать все, чтобы ослабить коммунизм и пролетарско-революционное и национально-освободительное движение, пытаясь подорвать их изнутри.

Наконец, следует отметить такой общий фактор, как вовлечение в политическую жизнь массы промежуточных социальных слоев, иногда не осознающих объективной необходимости союза с рабочим классом или возглавляемых силами, заинтересованными в национализме и шовинизме.

Как было отмечено в докладе Л. И. Брежнева на торжественном заседании в Москве по случаю 50-летия образования СССР, «и сегодня национальный вопрос остается весьма острым в США, Канаде, Бельгии, не говоря о Великобритании...»¹. Рост межнациональных

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4, стр. 45.

трений и конфликтов в этих странах, как и в других, — одна из отличительных черт современного обострения национальной проблемы во многих районах мира. Ход истории вновь доказывает правоту ленинских слов о том, что национальный вопрос поистине «мировой вопрос, без преувеличения мировой»¹.

Примеров резкого обострения национальных отношений в развитых капиталистических странах в наши дни немало. В США это негритянский, индейский, пуэрториканский, мексиканский «вопросы», в Канаде — противоречия между франкоговорящим и англоговорящим населением, в Англии — кровавый конфликт в Ольстере, шотландский и уэльский «вопросы», расизм в отношении африканцев, индийцев и других национальных меньшинств, переселившихся из бывших колоний, в Бельгии — конфликт между фламандцами и валлонами, в Испании — движения каталонцев, басков, галисийцев и т. д. Тенденции к возникновению национальных противоречий существуют в ряде стран Западной Европы и в связи с массовым притоком иностранных рабочих (Швейцария, ФРГ и др.).

Национальный вопрос служит причиной и межгосударственных трений развитых капиталистических стран. Корень национальных конфликтов таится в самой капиталистической системе, в ее классово-эксплуататорской сущности. В своих классово эгоистических целях монополистический капитализм не только ожесточает социальное угнетение, но использует и усиливает угнетение национальное и расовое. Происходит то, о чем писал более полувека назад В. И. Ленин: империализм «означает расширение и обострение национального гнета на новой исторической основе»².

Вот несколько фактов. В США растет мощное негритянское движение. В основе его лежит угнетение 12% населения страны. Черное население требует политического и социального равенства. В не менее тяжелом положении находятся и другие национальные группы, например лица мексиканского происхождения. Процент безработных среди них вдвое выше, чем в среднем по стране.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 190.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 62.

В эксплуатируемой американскими монополиями и англо-канадским капиталом франкоязычной провинции Канады — Квебеке франко-канадцы живут в худших социальных условиях, чем большая часть населения.

Даже в Швейцарии — излюбленном в буржуазной литературе «образце» национального мира, все больше проявляется национальный конфликт. Франкоязычное население Швейцарской Юры в «немецком» кантоне Берн не пользуется ни формальным, ни фактическим равноправием как в культурно-политическом, так и в социально-экономическом отношении. В Швейцарии возникла и новая национальная проблема, связанная с появлением миллионной армии иностранных рабочих, лишенных многих элементарных социальных, экономических и политических прав.

Обострение национального вопроса в странах капитала вызвано глубокими социально-экономическими причинами и объективно связано с борьбой против засилья монополий. Будучи одним из элементов общедемократической борьбы, она становится задачей борьбы за социалистические преобразования общества. В. И. Ленин отмечал: «При капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет нельзя...»¹

Кроме основной социально-экономической причины обострения национальной проблемы в развитых капиталистических странах действуют и иные, взаимосвязанные с ней и усиливающие межнациональные трения как внутри отдельных государств, так и в международном масштабе. Во многих странах в послевоенные годы усилилась неравномерность и диспропорциональность социального и хозяйственно-экономического развития отдельных районов. Иногда это происходит за счет ухудшения положения ранее быстро развившихся территорий. От этого экономически и социально страдают широкие массы трудящихся таких районов. Таким образом, создается социально-экономическая почва для появления или обострения национального вопроса. Но и в других случаях, если абсолютного ухудшения положения населения не происходит, то вчера еще мирившиеся со своим неравноправным положением массы ныне требуют доли

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 22.

участия в результатах научно-технической революции, роста производительности труда и т. п.

Другой причиной обострения национального вопроса выступает углубление неравномерности развития капиталистических стран в условиях научно-технической революции. Монополии ряда ведущих стран усиливают свое вторжение в экономику других, отстающих стран, углубляя межнациональные трения в них (например, американский капитал в Канаде) либо вызывая межнациональные трения в межгосударственных отношениях (как это случалось не раз в отношениях между США и Францией).

Еще одной причиной ухудшения национальных отношений в странах капитализма является возникновение новых областей межимпериалистических противоречий. Они видны, например, в японо-американских отношениях. На этой основе в ряде стран капитала (Япония, ФРГ, США) иногда поднимают голову крайне националистически настроенные элементы и группы. Логика межимпериалистических противоречий часто толкает правящие круги отдельных стран на использование в своих корыстных интересах националистических настроений среди части населения своих соперников, как это имело место в 60-х годах в отношениях Франции и Канады.

Тот факт, что в основе современного обострения национальных противоречий в развитых капиталистических странах лежат глубокие, прежде всего социально-экономические, причины, объясняет широту фронта сил, которые объединяются вокруг тех, кто борется за национальное равноправие. Так, в Испании (Каталония, Страна Басков, Галисия) это не только рабочие, крестьяне, представители средних слоев, но и католическая церковь.

Но тот же факт объясняет и другую, принципиально еще более важную сторону борьбы за национальные права во многих странах капитала: все чаще национальные требования выдвигаются во взаимосвязи с требованиями демократических реформ и социальных преобразований. Национальный вопрос является частью общей проблемы борьбы против засилья монополий, за демократию, за социализм. Естественна поэтому эволюция части националистов в сторону марксистской программы (Страна Басков, Ирландия, Валлония).

В свете изложенных факторов обострения национальной проблемы в промышленно развитых капиталистических странах, причин, связанных с самой эксплуататорской сущностью капитализма, следует оценивать и шумиху, поднятую в последние годы буржуазной пропагандой о «веке национализма».

Поскольку в основе роста национальных антагонизмов лежат социально-экономические и политические сдвиги, присущие современному капитализму, империалистической пропаганде важно затушевать и скрыть от масс причинно-следственную взаимосвязь вспышек национализма с их социально-политическими корнями, представить дело так, будто истоки этих антагонизмов исходят из чего угодно, но только не из глубинных социальных процессов капиталистического общества. На этом пути буржуазия стремится — и это ей иногда удается — добиться осуществления своей исконной классовой цели — ослабить борьбу рабочего класса, разобшив его по национальному признаку. Этим объясняется встречающаяся иногда поддержка монополиями или отдельными предпринимателями националистических уклонов в профсоюзном и рабочем движении (бельгийская Фландрия).

Действительно, обострение национального вопроса создает нередко почву для национализма. В случаях недостаточной классовой сознательности и организованности, а тем более раскола пролетариата, а также прихода в политическое и демократическое движение представителей ранее пассивных промежуточных слоев возникает возможность направить борьбу за национальные права от общедемократических требований в сторону национализма. Еще В. И. Ленин обращал внимание на стремление буржуазии развратить рабочих националистическими лозунгами¹. Он подчеркивал, что подлинное разрешение национального вопроса возможно лишь на основе полного единства революционной армии пролетариата различных национальностей в борьбе за подлинную демократизацию страны². Этот ленинский тезис весьма актуален и в наши дни.

Современные интеграционные процессы связаны с

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 149.

² См. там же, стр. 59.

притоком в страны Западной Европы (Англия, ФРГ, Франция, Швейцария) многомиллионной армии иностранных рабочих — испанцев, португальцев, итальянцев, греков, турок и т. д. Национальная проблема обретает новый «горючий» материал. С одной стороны, нарастает борьба пришлых рабочих за равенство прав, равную оплату труда и т. д.; с другой стороны, местная буржуазия, наживающаяся на труде этих рабочих, пытается использовать их присутствие для разжигания националистических и расовых предрассудков у местного населения с целью разобщить трудящихся, завоевать определенные их слои.

Следует подчеркнуть, что в странах капитала и во всем несоциалистическом мире национальный вопрос часто, хотя и по-разному, переплетается с религиозными моментами и противоречиями, создавая сложную картину. В Европе это католицизм и протестантство в Северной Ирландии и Швейцарии, в Азии — христианство и ислам на Кипре, в Ливане.

Таким образом, обострение национальных проблем в развитых капиталистических странах — одно из проявлений и следствий процессов, свойственных современному этапу общего кризиса капитализма, его внутренним антагонизмам, а также результат противоречий, вызываемых империализмом в мировом развитии.

Неспособность капитализма найти решение этих проблем подчеркивается и усугубляется резким усилением влияния на внутреннюю политику и жизнь отдельных стран международной обстановки и факторов мировой политики. В этой связи следует отметить всемирно-историческое значение решения национального вопроса в СССР, опыт которого, как отмечалось в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», «получил мировое признание и оказывает неоценимую помощь всем борцам за социальное и национальное освобождение»¹.

Несомненно, всякое обострение национального вопроса, тем более в обществе с антагонистическими социально-классовыми отношениями, развитие межнациональных трений приводит к росту или создает условия для роста национализма и шовинизма.

¹ «Правда», 22 февраля 1972 г.

Учитывая современные социально-экономические процессы в государственно-монополистическом капитализме, можно предположить, что в ближайшем будущем не только сохранятся существующие очаги национальных трений, но могут возникнуть новые, не менее острые.

Развитие нынешних экономических и политических интеграционных процессов также, по-видимому, вызовет двоякого рода обострения. С одной стороны, это будет та или иная форма усиления межгосударственных националистических противоречий, с другой — обострение, связанное с уже упоминавшейся проблемой иностранных рабочих.

Как свидетельствует опыт некоторых очагов обострения национального вопроса (Фландрия, Ольстер), это может привести к таким националистическим вспышкам, которые могут создать дополнительные трудности для рабочего и коммунистического движения. В то же время на примере событий в Валлонии, Стране Басков и Каталонии видно, что коммунистические и рабочие партии могут при конструктивном и гибком подходе оказать существенное воздействие на силы национального освобождения.

Рассмотренное выше обострение национальной проблемы в развитых капиталистических странах и отмеченные глубинные социально-экономические факторы его развития ставят перед империализмом непреодолимые трудности. Правящие круги империалистических государств оказались перед неразрешимой задачей, зачастую противоречащей целям их внешней политики. С одной стороны, они стремятся не допустить объективно происходящее слияние национальной борьбы с борьбой за социальные права трудящихся в самих странах капитализма и поэтому по-прежнему в целях раскола революционных рядов поощряют местный национализм. Но с другой стороны, им приходится предпринимать усилия для нейтрализации и ликвидации центробежных националистических тенденций в своих странах, чтобы прививать чувство принадлежности к единому существующему государству в противовес чувству национально-этнической общности и, следовательно, пропагандировать страновой национализм и проводить шовинистический курс во внешней политике. Последнее в свою очередь ведет к усугублению межимпериалистических противоречий и

усилению национализма во внешней политике стран империализма.

Таким образом, национальный вопрос в странах капитализма оказывается в порочном кругу. Решение его возможно только на путях антимонополистической борьбы и последующего демократического преобразования общества. В этом жизненно заинтересованы не только рабочий класс и крестьянство, но и средние слои.

Империалистические теоретики часто пишут о «центрорежежных тенденциях» в развивающихся странах, объясняя это межплеменной или межрасовой «борьбой за власть», «неподготовленностью туземцев к независимости» и т. д.

Действительно, в развивающихся странах обострение национальной проблемы является важным фактором, действующим не только во внутривнутриполитической жизни, но и в межгосударственных отношениях. При этом второй аспект выражен иногда острее, чем первый. Во многих случаях не без помощи внешних империалистических сил он приводил к серьезным осложнениям вплоть до военных столкновений между молодыми государствами. В ряде случаев национально-этнический фактор взаимодействует с религиозным моментом, еще более осложняя проблему. Взрывы национальных и племенных антагонизмов уже унесли несколько миллионов жизней в Африке и в Азии.

Конкретные социально-экономические факторы, лежащие в основе обострения национальных проблем в Азии и Африке, различаются по отдельным регионам и странам. Вместе с тем и здесь существуют некоторые общие причины национальных конфликтов. Это прежде всего последствия длительного колониального господства капитализма, надолго затормозившего и деформировавшего общественное, экономическое и политическое развитие населяющих их народов. Такие последствия прямо или опосредствованно приводят к вспышкам национальных столкновений.

Освободившиеся государства унаследовали от колониальных империй невиданную этнотерриториальную чересполосицу, когда многие народности и племена оказались по прихоти бывших хозяев расчлененными новыми границами между несколькими соседними государствами. Так, в Западной Африке племена эве проживают

ныне в восьми государствах. В то же время в границах одной страны оказались народы с совершенно различными историческими судьбами. Зачастую сами границы остаются неуточненными.

Факты последнего времени показывают, как много взрывчатого материала накопилось в межнациональных и межплеменных отношениях этих стран. Такое положение часто в своих интересах используют бывшие колониальные державы, инсценируя или подогревая национально-этнические столкновения как внутри молодых государств (Бурунди, Судан, Эфиопия и т. д.), так и между ними (Индия — Пакистан и др.).

Перед многими лидерами и правящими партиями освободившихся стран встала диктуемая объективной необходимостью социально-политическая задача общегосударственного сплочения населения в единую национальную общность. О сложности этой проблемы свидетельствует то обстоятельство, что во многих странах бок о бок живут десятки народностей и племен. Например, в Индии более чем полумиллиардное население говорит на 720 языках и диалектах, причем свыше десяти народностей насчитывают по 20 млн. и более человек. В небольшой Танзании имеется около 100 различных народностей и племен, к тому же некоторые из них частично проживают и в соседних странах.

Другим наследием колониализма оказалось крайне неравномерное экономическое и политическое развитие различных районов и народов бывших колоний, усугубляемое их общей отсталостью.

Столь тяжелое положение этнонациональных отношений в развивающихся странах превращается в подлинную трагедию в результате использования трудностей в этой области империализмом. Он часто заинтересован в разжигании здесь национализма, чтобы внести раскол в единство антиимпериалистических, революционных потоков.

Как отмечал в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «делая ставку на национализм и сепаратизм, империалистические силы пытаются внутренне ослабить развивающиеся страны, противопоставить их друг другу, затруднить их контакты с социалистическим

миром»¹. При этом в своих действиях империализм, как правило, использует существующие в развивающихся странах объективные и субъективные факторы. Среди этих факторов следует отметить следующие.

Во-первых, импульс национально-освободительной борьбы, включающий после достижения государственной самостоятельности стремление освободиться от хозяйственно-экономической зависимости. В условиях отсталости развивающихся стран он часто стимулирует обостренное отношение к идее независимости, к субъективно-психологическому восприятию характера внешнеполитических и внешнеэкономических отношений.

Во-вторых, противоречие между объективной необходимостью достичь экономической самостоятельности и невозможностью достаточно быстро осуществить ее собственными силами.

В-третьих, растущий разрыв в темпах и уровнях экономического развития от развитых стран, усугубляющийся по вине империализма в условиях современной научно-технической революции.

В-четвертых, во многом неоправдавшиеся ожидания в отношении темпов решения социально-экономических проблем и задач, обещанных лидерами населению своих стран в период борьбы за независимость; рост потребностей масс.

В-пятых, возникновение в ряде регионов и стран новых сложных социальных «проблем независимости»: обострение аграрного перенаселения, безработица, диспропорциональная стихийная урбанизация, проблема беженцев, в итоге — рост прослойки недовольных, обездоленных людей, составляющих резерв сил для различных, в том числе националистических, авантюр.

Указанные существенные факторы в условиях усиления роли субъективного момента в мире вообще и тем более в специфических условиях, отягощенных родо-племенными и феодальными отношениями в развивающихся странах, создают сложный субъективно-психологический фактор.

Практика международных отношений знает также отдельные попытки со стороны руководителей некоторых

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 385.

развивающихся стран использовать в своих сугубо узких интересах борьбу двух мировых систем и противоречия великих держав, что в некоторых случаях может привести к ослаблению единства антиимпериалистического фронта сил социализма и национально-освободительного движения.

В последние годы по вине империалистических держав резко обострилась позиция развивающихся стран по проблемам мировой торговли, экономической помощи, финансовой системы мирового капиталистического хозяйства. Несправедливо ущемленные в своих возможностях, озабоченные вместе с тем необходимостью быстрого собственного экономического развития, развивающиеся страны пытаются выступать единым фронтом (особенно через систему международных организаций — ООН, ЭКОСОС, ЮНКТАД, ЮНИДО и др.). Однако при этом без каких бы то ни было исторических и иных оснований лидеры некоторых развивающихся стран иногда противопоставляют их всем развитым странам, включая и социалистические. Эта же позиция противопоставления «бедных» стран «богатым» проявляется в последние годы и в таких важных для человечества проблемах, как перестройка международных экономических отношений, использование морей и океанов, охрана окружающей среды и т. д. Представители ряда развивающихся стран иногда забывают, что в прошлом эти страны были колониями империалистических держав и отсюда — их отсталость; что и в настоящее время они подвергаются экономической эксплуатации империализмом. Да и сама постановка вопроса о «богатых» и «бедных» странах инспирирована, главным образом, проимпериалистическими кругами, чтобы попытаться таким путем противопоставить социалистические страны развивающимся.

Жизнь многократно и неопровержимо доказывала, что определяющий водораздел в развитии человечества неизменно проходит по социально-классовому рубежу. В этом, в частности, состоит объективная основа антиимпериалистического единства социализма и национально-освободительного движения. Выступая на VI специальной сессии ООН, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко подчеркнул: «Мы никогда не примем — ни в теории, ни в практике — ложную концепцию о делении мира на «бедные» и «богатые» страны, которая ста-

вит на одну доску социалистические и известные другие государства, которые много, очень много богатств изъяли из стран, находившихся под колониальным ярмом»¹.

Необоснованна попытка империалистической пропаганды доказать, будто национализм развивающихся стран и народов имеет только «разрушительную силу»², и абсолютизировать его в качестве политической силы в противовес факторам социально-классового и общественно-экономического развития³.

Отмеченные выше факторы обострения национальной проблемы во многих развивающихся странах свидетельствуют о том, что и в будущем в ряде из них сохранятся условия для использования империализмом националистических моментов в целях ослабления этих стран, подрыва их антиимпериалистического единства, внесения раскола в ряды фронта этих стран и социализма в борьбе за национальное и социальное освобождение, демократию и мир.

Поэтому в интересах развивающихся стран для решения национального вопроса необходимо проведение глубоких социально-экономических преобразований общества и сплочение антиимпериалистического фронта со странами социализма. Только на этом пути можно упрочить независимость и противостоять проискам империализма.

2. Теоретическое маневрирование и политическая практика империализма

Буржуазные концепции по проблемам национализма и расизма нередко противоречивы, носят самые различные оттенки. Они охватывают широкий круг «учений» — от решительного отрицания необходимости сохранения национального суверенитета до дифирамбов буржуазному национализму, до разжигания шовинизма. Иногда, казалось бы, взаимоисключающие друг друга концепции

¹ «Правда», 12 апреля 1974 г.

² *K. B. Bruce-Briggs*. Things to come. Thinking about 70' s and 80' s. New York, 1972, p. 73.

³ *Meadows*. Colonialism, Social Structure and Nationalism. The Philippine Case. — «Pacific Affairs», 1971, N 3, p. 352.

служат в конечном счете одной и той же цели — интересам монополистической буржуазии в борьбе с коммунизмом. Использовать националистические настроения для борьбы с социализмом, подрыва содружества социалистических государств — это важнейшая задача буржуазных идеологов. Одни из них делают это под маской борьбы против угрозы национализма. Например, американский профессор С. Чейз в своей книге «Наиболее вероятный мир» пишет: «От национализма к регионализму, к интернационализму, супернационализму, ООН, Международному суду и, наконец, к подлинному мировому правительству...»¹ Английский историк А. Тойнби в книге «Пережить будущее» отмечал: «В наше время национализм становится все фанатичнее и заражает все более мелкие группы населения земного шара... Я думаю, что в современном мире технология все же более мощная сила, чем национализм. Поэтому я ожидаю, что мир объединится политически в тисках националистического сопротивления... Народу каждого суверенного государства придется отказаться от суверенитета своего государства и подчинить его высшему суверенитету в буквальном смысле глобального мирового правительства»².

Другие буржуазные идеологи предлагают использовать национализм. Так, профессор русской истории Лондонского университета, ярый антисоветчик Х. Сетон-Уотсон объясняет, как следует использовать национализм. «Национализм, — пишет он, — в той же мере проклятие, в коей и благодеяние, и национальное государство в лучшем случае лишь несовершенная структура... Однако, терпя несовершенства национального государства и сосуществуя с национализмами, мы должны считать себя счастливыми и научиться укрощать их, нежели раздраженно гнать их прочь»³.

Распознать движущие мотивы национализма, соотношение его с другими социально-политическими явлениями и попытаться повлиять на него в нужном направлении

¹ S. Chase. The Most Probable World. New York — London, 1968, p. 176.

² A. Toynbee. Surviving the Future. New York — Toronto, 1971, p. 65, 66.

³ H. Seton-Watson. Unsatisfied Nationalism. — «Journal of Contemporary History», 1970, N 1, p. 13, 14.

нии — вот задача буржуазных идеологов. Американец профессор С. Крэб пытается подвести к мысли, что национализм молодых государств должен не отрывать их от западных держав, а вести к сотрудничеству с ними. Современный национализм, пишет Крэб, проявляет себя двояко: «Он одновременно призывает создавать новые нации и в то же время — прокладывать новые пути к международному сотрудничеству... Послевоенный национализм повсеместно исходит из той посылки, что судьба нации неразрывно связана с судьбами других наций, новых и старых, и что расширяющееся сотрудничество между ними во взаимозависимом мире в решении общих проблем (а возможно, и для выживания) неизбежно»¹.

Одна из характерных черт буржуазных концепций состоит в полном абстрагировании от реальных социально-классовых и экономических основ современного обострения национальной проблемы и усиления националистических тенденций. Отрывая надстройку от базиса и придавая самодовлеющее значение этнопсихологическим и духовным моментам, буржуазные идеологи пытаются играть на национальных чувствах.

Другая черта буржуазных концепций заключается в том, что, исходя из идеалистической, «внеклассовой» позиции, они уводят читателя от реальности, когда пытаются научнообразно классифицировать элементы нации и национализма². В этих классификациях нет основополагающих классовых и социально-экономических причин национально-освободительного движения и национализма. Такой метод, далекий от научности, дает, однако, возможность отрывать национальное от его социальных корней, уходить от анализа социальных факторов при выдвижении тех или иных взглядов на национальное движение или на национализм. Тем самым облегчается игра на национализме. Отсюда идеализм и метафизичность переносятся и на те многочисленные определения

¹ C. Crabb Jr. *Nations in a Maltipolar World*. New York, 1968, p. 66—67.

² K. A. Silbert, ed. *Expectant Peoples: Nationalism Development*. New York, 1963; B. Ward. *Nationalism and Ideology*. Toronto, 1966; K. R. Minogue. *Nationalism*. London, 1967; A. D. Smyth. *Theories of Nationalism*. London, 1971.

нации и национализма, которые часто проявляются в буржуазной литературе.

Теоретическое маневрирование буржуазных идеологов в области национальных отношений непосредственно связано с политической практикой государственно-монополистического капитала. Целенаправленное использование империализмом национализма в мировой политике в глобальном масштабе началось особенно широко с 50-х годов. Побудительными причинами использования национализма явились возрастающее влияние мировой системы социализма, бурный подъем национально-освободительного движения и крушение колониальной системы империализма, возрождение национализма в развитых капиталистических странах, общее ослабление позиций империализма на международной арене.

Уже в годы президентства Д. Эйзенхауэра по заказу сената в США было осуществлено специальное исследование, в котором был сделан вывод, что «национализм в различных его вариантах может составить наиболее мощный источник сопротивления интернациональному коммунизму»¹.

Истоки методологии использования империализмом национализма во внешней политике кроются в классово-диаметральной противоположности общественно-исторической роли национализма и пролетарского интернационализма в социальном развитии общества. Не случайно поэтому, что ныне буржуазные идеологи пытаются поставить во главу угла развития общества не социально-классовые, а националистические критерии; свести к ним в первую очередь все существо современных общественно-политических процессов.

Национальный вопрос, как уже было отмечено, по сути своей вопрос социальный, что со всей ясностью доказывает и современное его обострение в мире. Методология буржуазных идеологов в национальном вопросе основана не только на отрыве национального от социального и придании всему национальному, в том числе национальным чувствам, самодовлеющего характера. Политическая практика и методика научно-идеологических изысканий империализма в эпоху перехода от капи-

¹ Цит. по: Н. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960, стр. 661.

тализма к социализму строится на сознательном, целенаправленном противопоставлении национализма интересам социального прогресса. По существу игра империализма на национальных чувствах и национализме как в политике, так и в идеологии состоит в попытках превратить их в средство, с одной стороны, деформирования, замазывания и притупления социально-классовых противоречий в несоциалистическом мире в интересах сохранения и упрочения капитализма, а с другой — внесения национальных противоречий в мировую систему социализма и в отдельные социалистические страны в целях подрыва социалистической системы.

Разжигание и использование национализма империалистами во внешней политике прямо направлены против классовых интересов трудящихся, пролетарского интернационализма, объективных социально-классовых целей национально-освободительного движения, особенно на современном этапе, когда оно во многих странах практически перерастает «в борьбу против эксплуататорских отношений как феодальных, так и капиталистических»¹.

Правящие круги империалистических стран собственному населению, а также международной общественности выдают свою классовую позицию за «национальную».

Внешнеполитический, страновой эгоцентризм монополий выражен, например, в концепции «национальных интересов США». Эта концепция пространно излагалась реакционными американскими идеологами — В. Кинтнером, Р. Страус-Хюпе, Р. Осгудом и др. Социально-классовая суть ее, обстоятельно раскрытая советскими учеными², состоит в обосновании того, что США, мол, должны исходить из эгоистических интересов «наций», т. е. правящих кругов. Для обеспечения «национальных интересов» США, говорят они, все средства хороши. Для достижения своих целей монополии изобретали всяческие внешнеполитические доктрины. Империалистические захватнические поползновения неизменно при-

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 194.

² См., например, Э. А. Баграмов. Национальный вопрос и буржуазная идеология. М., 1966, стр. 200—223; Г. А. Арбатов. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма. М., 1970.

крывались ширмой «национальных интересов», противопоставляемых угрозе «коммунистической опасности». Одной из таких концепций была «доктрина Трумэна», провозглашенная в марте 1947 г. в обращении президента США к конгрессу о поддержке Греции и Турции. Толкуя о «национальных интересах» США, он призывал не жалеть доллары на военную помощь другим странам, чтобы обеспечить «безопасность Соединенных Штатов». Империализм хотел оправдать начатую им «холодную войну» против СССР. Эта доктрина оправдывала также гонку вооружений и маскировала огромные прибыли монополий. При президенте Д. Эйзенхауэре доктрина «сдерживания» дополнилась доктриной «массированного возмездия» со ставкой на тотальную войну. Во имя «национальных интересов» США разворачивалось строительство подводного флота, расширялась сеть военных баз за пределами страны, увеличивалось производство стратегических бомбардировщиков. Правительства Дж. Кеннеди и Л. Джонсона еще больше усилили внимание к идеологической борьбе. Родилась концепция «наведения мостов» или «мирного» проникновения в социалистические страны. При президенте Кеннеди началась, а при Джонсоне продолжалась «грязная война» во Вьетнаме. Правящие круги США оправдывали свою агрессию в Индокитае «защитой национальных интересов». Американский народ потерял во Вьетнаме только убитыми более 50 тыс. человек, сотни тысяч были ранены. Большинство американского населения постепенно убедилось, сколь далеки его подлинные национальные интересы от мнимых «национальных интересов».

Подписание Соединенными Штатами 27 февраля 1973 г. мирных соглашений по Вьетнаму нанесло новый удар по буржуазной трактовке национальных интересов. Она не помогла оправдать экспансионистские устремления американских монополий в Индокитае, как и в других случаях. Касаясь кризиса этой концепции, специалист по внешней политике США Макс Уайз признал, что «погоня за «национальными интересами», ориентированными вовнутрь и узкопонимаемыми, в конечном счете привела к положению, явно противоречащему национальным интересам»¹.

¹ «Fortune», June 1972, p. 76.

Рассматриваемая концепция отражает интересы реакционных кругов. Оправдывая ее, президент Йельского университета профессор Брюстер пытался обосновать ее формулой: «США занимают непререкаемое положение в отношении безопасности и экономики остального мира». Но в итоге он заявил, что «было бы странным предположить», что политика США в сегодняшнем мире «должна руководствоваться чем-либо иным, кроме собственного национального интереса» (т. е. интересов монополистической буржуазии). Известный американский социолог и психолог Дж. Гэллап подчеркивал это классово эгоистическое жонглирование квазинациональными интересами, когда говорил, что «не народы, а политики, озабоченные своим «местом в истории», «национальной честью» и т. д., вызывают войны и всякие беды».

Вместе с тем империалистические круги все чаще стремятся играть на национальных чувствах и национализме в других странах. При этом сообразно своей политической стратегии¹ современный империализм использует национализм в целях подрыва или хотя бы ослабления единства противостоящих ему сил, в первую очередь мировой социалистической системы, международного рабочего и национально-освободительного движения. Известно, что национализм играет существенную роль и в межимпериалистических противоречиях.

Повышенный интерес империализма к возможности использования национализма в других странах и регионах находит отражение в официальных документах. В послании президента конгрессу США от 18 февраля 1970 г. «Внешняя политика США в 70-е годы. Новая стратегия мира» поощрялась «гордость за свое национальное лицо» в молодых государствах². Год спустя в очередном ежегодном послании президента конгрессу, 25 февраля 1971 г., был введен в оборот новый термин — «конструктивный национализм», т. е. такой национализм, который не противоречит антисоциалистическим, неоколониалистским целям империализма в его игре на национализме.

¹ Подробнее об этом см.: *Н. Н. Иноземцев. Современный капитализм: новые явления и противоречия. М., 1972, раздел «Особенности стратегии современного империализма. Межимпериалистические противоречия».*

² «Department of State Bulletin», 9.III.1970, p. 1.

Главная стратегическая цель состоит в том, чтобы не допустить обращения его против США либо тем или иным путем смягчить его антиамериканскую направленность и в итоге укрепить позиции американского империализма.

Такие новые термины, как «конструктивный», «позитивный», и тому подобные национализмы монополии используют для притупления классовой сознательности трудящихся, смягчения и деформирования процессов социального расслоения и классовых столкновений в целях подчинения стран и народов. В качестве примера проповеди такой позиции можно привести выступление американского дипломата Р. Маклинтока в феврале 1971 г. в Каракасе в бытность его послом США в Венесуэле. Отметив, что к вопросу о национализме следует подходить осторожно, он подразделил его на «старый, негативный национализм», который может быть использован «неправильно» или «эгоистично» и «стать разрушительным», и на «новый, позитивный». Излагая внешнеполитическую линию США в отношении национализма, американский посол заявил, что «позитивный национализм» может возникнуть и в виде континентального или субконтинентального национализма. В качестве примера посол назвал «Общий рынок» в Западной Европе и Латинскую Америку в западном полушарии¹.

Игра на национализме в развивающихся странах стала одним из важных средств неоколониализма. Она прослеживается в соответствующих доктринах и находит четкое выражение в практическом осуществлении империалистической политики. Примерами выражения этого курса явились концепции «азиатизации» конфликтов в Азии, «африканизации» — в Африке по типу «вьетнамизации» войны во Вьетнаме, при условии, что за внешней империалистической державой остается роль арбитра и сохраняется «право» вмешиваться в критические для них моменты.

История последних 10—15 лет знает вопиющие факты использования и раздувания империализмом национальных противоречий в молодых государствах, например межплеменные резни в Конго в 1960—1965 гг., межрасовые противоречия в Гайане, ставка в течение многих

¹ «Department of State Bulletin», 19.IV.1971.

лет на срыв мирного урегулирования курдской проблемы в Ираке, разжигание сепаратизма на Юге Судана, поддержка раскольнических движений в ряде районов Индии и Бирмы, спровоцированные ЦРУ кхмеро-вьетнамские столкновения в 1970 г., гражданская война в Нигерии, вооруженные столкновения на Индостанском полуострове, греко-турецкие противоречия на Кипре и т. д. Руководствуясь своими реакционными, неоколониалистскими целями, империалистические державы в одних случаях поощряют шовинизм господствующих наций и племен, в других — поддерживают сепаратистские движения национальных меньшинств. Империализм неизменно препятствует демократическому и мирному решению национальной проблемы в развивающихся странах и стремится еще больше накалить атмосферу в них.

Империалистам не раз удавалось обострить отношения многих стран: Саудовской Аравии и Йемена, Марокко и Алжира, Заира и Конго, Судана и Уганды, Чада и Ливии, Гондураса и Сальвадора, Кипра, Греции и Турции и т. д.

Империализм несет непосредственную ответственность за создание взрывоопасных очагов в мире: в Индокитае, на Ближнем Востоке и др.

Весьма опасен клубок национальных противоречий, возникших и подогреваемых империализмом на Ближнем Востоке. Совпадение экспансионистских устремлений израильских сионистских правящих кругов и агрессивных планов империализма позволило последнему использовать Израиль в качестве своего неоколониалистского орудия не только в экономической и финансовой экспансии. Израиль стал также орудием невиданного ранее обострения национальных отношений и роста националистических тенденций в этом регионе мира. Империализм стимулировал волну шовинизма и в самом Израиле. Агрессивными действиями Израиль не только противопоставил себя арабским странам. Он тем самым создал условия, в которых силы, чуждые прогрессу, как вне арабского мира, так и внутри его, могут вызывать антисемитские настроения. Ссылаясь на них, израильские правящие круги в свою очередь раздувают шовинизм внутри своей страны.

После агрессии 1967 г. израильская правительственная машина, и прежде всего разведка, предприняла

огромные усилия для разжигания противоречий между арабскими странами и поддерживающими их неарабскими государствами. В Африке, например, они всемерно пропагандируют идею «угрозы арабского экспансионизма» против «Черной Африки», пытаясь заодно камуфлировать собственную неокOLONиалистскую экспансию.

Израильские правящие круги не ограничиваются попытками столкнуть арабские страны с их южными соседями в Африке (Нигер, Уганда, ЦАР, Чад), а прикладывают немалые усилия для разжигания национальных, расовых, а также межплеменных противоречий в самих арабских странах (палестинцы в Иордании, негроидные племена в Судане и т. д.).

В противоположность проискам империализма Советский Союз, социалистические страны неизменно поддерживают борьбу народов арабских стран, включая борьбу арабского народа Палестины, как и других народов, против империалистической политики агрессии, за справедливый и прочный мир, за обеспечение их свободного развития, социального и экономического прогресса. Отмечая это, Политический консультативный комитет государств — участников Варшавского Договора в своем заявлении в апреле 1974 г. записал: «Достижение этих важных целей общественного развития неразрывно связано с борьбой против тех сил, которые стремятся свернуть арабские народы с прогрессивного пути, вновь поставить их в политическую и экономическую зависимость от империалистических сил»¹.

Во всех происках империализма, имеющих целью сохранить свое господство в развивающихся странах, его усилия направлены прежде всего против прогрессивного развития стран. Играя на национализме и трайбализме, империализм стремится нанести удар, в частности, по стремлениям к социализму в ряде молодых государств. С этой же целью он поощряет различные националистические концепции развития в некоторых из развивающихся стран, в частности теории «мусульманского», «африканского» социализма и т. п.

Империализм в своей игре на национализме в развивающихся странах приспособляется к определенным

¹ Цит. по: «Правда», 20 апреля 1974 г.

тенденциям и факторам, стремится подталкивать эти страны в выгодном для себя направлении.

Важную роль в отношении империализма к национализму в мировой политике играют межимпериалистические противоречия, в особенности между США, Западной Европой и Японией.

В рассуждениях таких теоретиков американской внешней политики, как Р. Страус-Хюпе, В. Кинтнера и С. Поссоны, она выглядит следующим образом. В современном мире возникли «центробежная по своей природе система национальных государств и взрыв нового национализма», что ведет к «драматическому подъему политических столкновений и конфликтов». На Соединенных Штатах лежит миссия «предупредить катастрофу». Политика США — страны, «борющейся за свободу», — должна иметь дело, кроме всего прочего, с таким «идеологическим и социологическим» препятствием на пути международного сотрудничества, как национализм, этой «мощной силой». В этой связи перед внешней политикой США стоит ряд проблем. И первая из них — привести развитые национальные государства «к высокого уровня отношениям сотрудничества»¹.

Однако межимпериалистические противоречия продолжали углубляться, и в 70-х годах о них стали говорить и государственные деятели. Разъясняя послание президента США 1973 г. о внешней политике Соединенных Штатов на 70-е годы, тогдашний помощник президента подчеркнул недовольство «сильными тенденциями к регионализму» в Западной Европе. «Если регионализм будет усиливаться, — сказал он, — то отношения по обе стороны Атлантики будут характеризоваться постоянным конфликтом, и рано или поздно это скажется на наших взаимоотношениях»². Подобные заявления были сделаны и в адрес Японии. В начале января 1974 г. государственный секретарь выступил с осуждением позиции Японии, поддерживавшей требования арабских стран о выводе израильских войск со всех оккупированных земель, чтобы обеспечить себе поставки арабской нефти³. Экономические и политические противоречия между США и

¹ R. Strausz-Hupe, W. Kintner, S. Possony. A Forward Strategy for America. New York, 1961, p. 3, 13, 22, 48.

² Цит. по: «Известия», 5 мая 1973 г.

³ См. «Правда», 5 января 1974 г.

Западной Европой и Японией в определенной степени связаны и с усилением националистических тенденций.

Один из характерных примеров — рост японского национализма¹. Японский профессор К. Мусякадзи еще в 1963 г. писал, что после 1945 г. люди думали, будто японский национализм умер, на деле же послевоенная Япония была не менее «этноцентрической», чем довоенная². В 1970 г. он подчеркивал, что «эгоцентристский национализм вновь появился на сцене, встревожив многих наблюдателей внутри и вне Японии»³. Рост национализма в Японии в 70-х годах, по мнению К. Мусякадзи, был подготовлен в 60-х годах четырьмя факторами: 1) быстрым экономическим ростом страны, начавшимся со времени правительства Икэда (1960—1964 гг.) и «заставившим ее широко распахнуть двери в мир»; 2) «дестабулизацией», т. е. снятием различных ограничений во внутренней политической жизни и запретов 50-х годов, связанных с американской оккупацией; 3) развитием японо-американских отношений, и прежде всего в связи с Договором о взаимной безопасности, сконцентрировавшихся в конце десятилетия вокруг проблемы возвращения Окинавы; 4) возросшим активным участием Японии в Восточно-азиатских и Юго-восточно-азиатских региональных и субрегиональных организациях. Мусякадзи задает вопрос: «Столкнемся ли мы в 70-х годах с возрождением ультранационализма и милитаризма?»⁴ — и отвечает: «Мы не можем не признать того, что таков вероятный ход развития событий»⁴. Мусякадзи отмечает также, что возрождение национализма происходило параллельно и связано с падением престижа США и американцев. Особенно острым и важным для роста национализма в стране стал вопрос о возвращении Окинавы. Правящие круги Японии стремились повернуть чувства населения в националистическое русло. Японо-американское соглашение 1971 г. о возвращении Окинавы пытались всемерно

¹ См. Д. В. Петров. Япония в мировой политике. М., 1973, стр. 71—75.

² К. *Mushakaji*. From Fears of Dependence to Fear of Independence. — «Japan Annual of International Affairs», N 3, 1963—1964. Tokyo, 1964, p. 86.

³ К. *Mushakaji*. The Changing Japanese Foreign Policy Attitudes, the 1960's. — «Japanese Institute of the International Affairs, Annual Review», vol. 5, 1969—1970. Tokyo, 1970, p. 15.

⁴ Ibid., p. 11.

использовать реакционные силы. Мусьякадзи заявляет, что «японский национализм не мог вырасти столь быстро, если бы он не нашел почву в вопросе об Окинаве»¹.

Предвоенный национализм и агрессия во внешней политике Японии опирались на создание и использование военной силы. В послевоенных условиях опорой национализма стало экономическое развитие. На рубеже 70-х годов правящие круги Японии поставили перед собой задачу увеличить политический вес страны на мировой арене в соответствии с возросшей экономической мощью и укрепить позиции японского государственно-монополистического капитализма в борьбе с другими центрами империалистического соперничества — США и странами ЕЭС. Один из прогрессивных ученых Японии М. Цудэ, характеризуя программные установки правительства Э. Сато, писал: «Они основаны на идеологии национализма. Будучи крайне расплывчатыми и туманными, они включают в себя проблемы национального могущества, национальных интересов, национальной обороны, национального престижа, национальных традиций и культуры, представляя собой размалеванный, театрализованный национализм»². К. Мусьякадзи полагает, что будущее японской экспансии зависит от «того, какая из двух тенденций — национализм или рационализм — возьмет верх». По его словам, в Японии 60-х годов появились «реалисты», которые настаивают на том, чтобы отказаться от односторонней связи с США и мыслить во внешней политике «плюралистически». Но «плюрализация японской внешней политики» не означает неременного отказа от национализма и ее целей.

Судя по некоторым признакам, во внешнеполитической пропаганде Японии вновь используется, правда осторожно, довоенный лозунг «великой восточноазиатской сферы процветания». Подчеркивается расовая и историческая общность, а также общность задач ликвидации слаборазвитости в большинстве азиатских стран. В качестве примера можно привести состоявшуюся

¹ K. Mushakaji. The Changing Japanese Foreign Policy Attitudes, the 1960's. — «Japanese Institute of the International Affairs, Annual Review», p. 13.

² Цит. по: И. Латышев. Националистические тенденции в политике правящих кругов Японии. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 3, стр. 45.

в 1970 г. в Маниле первую ассамблею «Азия — одна»¹. При этом японские националисты рассчитывают использовать экономические возможности Японии, уровень ее научно-технического прогресса, а также возрастание дипломатических возможностей страны в условиях нынешней расстановки сил в Азии и бассейне Тихого океана.

Каково бы ни было конкретное внешнеполитическое идеологическое выражение японского национализма, он имеет непосредственной целью содействовать экспансии монополий Японии в Азии и Тихом океане.

3.

Антисоветизм — орудие империализма

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии отмечалось, что «проблемы идеологической борьбы все более выдвигаются на первый план, а правда о социализме — могучее оружие в этой борьбе»².

Не будучи в состоянии ликвидировать социально-экономические корни обострения национальной проблемы в своих странах и в то же время пытаясь использовать игру на национализме в классовых внешнеполитических целях, империализм ищет выхода, в частности, на пропагандистско-идеологических путях. Поскольку его главным противником является социалистическое содружество, то основное внимание он уделяет фальсификации межнациональных отношений в содружестве и его отдельных странах, попыткам различными путями привнести в него национальную рознь и национализм. Особенно много усилий предпринимается в целях дискредитации опыта решения национального вопроса главной страны социализма — СССР.

¹ Выступая на конференции, президент Азиатского банка развития японец Т. Ватанабе, проследив «заслуги» японских националистов в движении в XX в. идеи «азиатского единства», пытался обосновать необходимость «большого сплочения стран Азии», которые, по его мнению, уже «пошли в развитии регионализма дальше, чем можно было ожидать» («Pacific Community», April 1971, p. 578).

² Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, стр. 11.

В империалистических странах не жалеют средств на «исследование» национальных отношений в социалистических странах и на клеветническую печатную и радио-пропаганду в этой области. Антикоммунизм располагает широкой разветвленной сетью специальных исследовательских центров в основных странах капитализма, в которых изучается теория и опыт решения национального вопроса в СССР и разрабатывается методика и аргументация их фальсификации. В США среди нескольких десятков университетских и прочих центров известен созданный в конце 60-х годов центр при Русском институте Колумбийского университета, названный «Программой по национальным проблемам СССР». В Великобритании наряду с центрами при Эдинбургском и Глазговском университетах имеется также лондонский «Центр по исследованию Центральной Азии». Во Франции такими центрами являются парижский «Институт политических наук» и «Исследовательский центр по проблемам СССР и стран Востока» при Страсбургском университете. В ФРГ наряду с системой «Остфершунг», насчитывающей около сотни групп и центров (крупнейший из них — при Кельнском университете), выделяется американо-немецкий «Институт восточных исследований» в Мюнхене.

В этих центрах, деятельность которых координируется из США, руководящие посты занимают либо разведчики, либо специалисты, заработавшие на антикоммунизме и антисоветизме ученые степени и звания, т. е. профессионалы в своей области. Углубляется их специализация. Так, в антисоветизме по национальному вопросу наряду со стародавним «украинским» и возникшим позже «прибалтийским» направлениями в послевоенное время активизировалось «среднеазиатское» направление, предназначенное противодействовать влиянию опыта развития республик Средней Азии на освободившиеся страны. В этой связи, выступая в Ашхабаде на торжествах в связи с 50-летием Туркменской ССР, А. П. Кириленко отметил, что достижения среднеазиатских республик «служат вдохновляющим примером для многих народов мира, борющихся за упрочение национальной независимости, преодоление тяжелого наследия колониализма, ликвидацию нищеты масс и социальный прогресс»¹.

«Правда», 16 ноября 1974 г.

Вместе с тем активизация антисоветизма, по признанию самих его идеологов, связана также с расчетом на дальнейшее ухудшение советско-китайских отношений.

В свою очередь Пекин стал наиболее агрессивным рупором антисоветизма, сомкнувшись с самыми реакционными силами. На XXV съезде КПСС многие деятели международного коммунистического и рабочего движения решительно разоблачали и осуждали антисоветское, антикоммунистическое блокирование маоистов с империализмом.

Много шума в последнее время поднимают сионисты, вытаскивая в интересах империализма надуманный «еврейский вопрос».

Буржуазная пропаганда не случайно активизировала антисоветизм по национальному вопросу именно в последний период, когда экономический кризис потрясает всю систему капитализма и в то же время с особой яркостью проявились итоги ленинской национальной политики. Практическое осуществление партией политики равенства и дружбы народов, как было отмечено в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, явилось одним из самых крупных завоеваний социализма¹.

Решая задачи развития наций и национальных отношений, КПСС исходила из испытанного ленинского метода — классового подхода к явлениям. Она тесно связывала их разрешение с задачами построения социализма, становления зрелого социалистического общества. Мобилизуя советских людей на строительство социализма, партия решала такие важнейшие вопросы, как ликвидация последствий национального гнета, хозяйственной отсталости, упрочения содружества больших и малых народов, обеспечение подлинной свободы развития наций, народностей, национальных и этнических групп, утверждение социалистических национальных отношений, основанных на полном равноправии, братском союзе и взаимопомощи народов.

Глубокие качественные преобразования в нашей стране привели к возникновению социалистических наций. Ныне на социалистической основе продолжается расцвет и сближение наций. Характерная особенность развития национальных отношений в СССР под руководством

¹ См. «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 75.

КПСС состоит в том, что расцвет наций ведет не к ослаблению, а к укреплению классового самосознания трудящихся. Происходит развитие интернационалистских убеждений советских людей. Налицо сближение социалистических наций и народностей в СССР. На основе развития этой тенденции в СССР возникла новая историческая общность людей — советский народ. Советский народ — новая социально-политическая межнациональная общность всех трудящихся СССР, а не «сверхнация», как попытались объявить антисоветчики в стремлении обвинить Советскую власть в насильственно-ассимиляторских попытках. Теоретическое значение марксистско-ленинского положения о советском народе как новой исторической общности заключается в том, что оно является конкретным и наглядным выражением социального и интернационального единства трудящихся при социализме, показывает объективный и совершенно естественный характер такого единства, которое делает нерушимым, непобедимым советский общественный и государственный строй¹. Советские люди, строители коммунизма, мыслят категориями значительно более широкими, чем «мое», «национальное», «республиканское», они мыслят категориями общенародными, общегосударственными, как об этом в свое время мечтал В. И. Ленин².

Есть все основания рассматривать возникновение этой новой исторической общности «как своего рода обобщенный итог тех экономических и социально-политических перемен, которые за полвека свершились в нашей стране»³, говорил Л. И. Брежнев. Этот итог особенно убедительно демонстрирует силу и неисчерпаемые возможности социализма в преобразовании жизни народов под руководством подлинно марксистско-ленинской партии. И это развитие продолжается ускоренными темпами, что видно и по результатам девятой пятилетки.

Все республики Советского Союза экономически составляют звенья единого взаимосвязанного народнохозяйственного комплекса, сложившегося на основе общих экономических целей и интересов всех наций и народно-

¹ См. Э. Баграмов. Развитие КПСС марксистско-ленинского учения о национальных отношениях. — «Коммунист», 1973, № 4, стр. 45.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 44—45.

³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4, стр. 61.

стей. Нет уже исторически возникших разрывов в уровнях экономического развития, нет деления на индустриальные и аграрные республики. Есть сложившийся механизм общесоюзного разделения труда с углубляющейся специализацией и кооперацией производства на основе комплексного развития республик Союза.

На базе быстрого всестороннего экономического, социального и политического развития народов СССР в нашей стране произошла подлинная культурная революция.

Один из важных социальных и экономических итогов осуществления ленинской национальной политики — ликвидация фактического неравенства между народами СССР, особенно между передовыми и ранее отсталыми, одними из которых были народы Средней Азии. «...На основе ленинской национальной политики, ценой напряженного труда всего советского народа, — говорил Л. И. Брежнев, — мы добились того, что столь обычное для старой России понятие, как отсталая национальная окраина, перестало существовать»¹.

Решив национальный вопрос в тех аспектах, в каких он достался советским людям от дореволюционного прошлого, КПСС вместе с тем исходит из того, что национальные отношения и в обществе зрелого социализма — «это реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи»². Партия постоянно держит эти вопросы в поле зрения, своевременно решает их в интересах всей страны и каждой отдельной республики, в интересах коммунистического строительства. В этой связи Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркивал: «Мы не имеем права также забывать, что националистические пережитки всячески подогреваются извне политиками и пропагандистами буржуазного мира»³.

Антисоветизм по национальному вопросу — это извращение, фальсификация марксистской теории и социалистического опыта решения национального вопроса.

Антисоветизм по национальному вопросу является одним из средств классовой борьбы империализма. Он при-

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4, стр. 54.

² Там же, стр. 63.

³ Там же.

зван содействовать объединению усилий государственно-монополистических кругов и империалистических держав против социализма. С величайшим рвением буржуазные политики и пропагандисты хватаются за любую возможность подогреть националистические пережитки «в надежде хоть в какой-то мере ослабить единство народов нашей страны»¹.

Играя на национализме, они хотят также подорвать мировую систему социализма в целом. Ослабить социализм «изнутри», в том числе поощряя национализм, — одна из главных задач внешней политики и пропаганды империализма.

Империалистическая пропаганда, развивая антикоммунизм и антисоветизм в отношении решения национального вопроса, преследует и другую цель — внести раскол между странами социалистического содружества, прежде всего Советским Союзом, и национально-освободительным движением. Антисоветская пропаганда направлена также в адрес населения самих империалистических держав с целью отвлечения народных масс от социальных взрывоопасных внутренних проблем капитализма.

Наконец, это средство подрыва разрядки международной напряженности.

Антисоветская пропаганда по национальным проблемам объясняется, с одной стороны, успехами решения национального вопроса в СССР, а с другой — обострением национальной проблемы в несоциалистическом мире.

* * *

Империализм активно использует национализм в своей внешней политике с целью подорвать мировую систему социализма, ослабить отдельные социалистические страны, внести раскол между тремя основными революционными потоками современности, а также ослабить классовую борьбу в странах капитализма и затормозить социальное расслоение в развивающихся странах.

Рассмотрение комплекса национальных вопросов в современном несоциалистическом мире показывает, что

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4, стр. 63.

лишь глубокие демократические преобразования и перестройка общественных отношений на антиэксплуататорских началах создают условия для решения сложнейшей социально-политической проблемы. Борьба за ее разрешение непосредственно касается самых широких слоев населения во многих странах и поэтому является одной из составных частей борьбы против монополий, империализма как внутри отдельных стран, так и в международных отношениях. Пролетарский интернационализм был и остается испытанным оружием компартий и рабочего движения. Коренные интересы борьбы за социальное и национальное освобождение народов, торжество дела мира, демократии и социализма на земле требуют интернационального сплочения сил прогресса против империализма, реакции.

ШОВИНИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ МАОИЗМА НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИАЛИЗМА

1.

Социально-исторические корни социал-шовинизма маоистов

Определяя главный принцип внешней политики социалистического государства, В. И. Ленин подчеркивал: «Мы — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты»¹. Верность этому принципу, согласно учению В. И. Ленина, «требуется, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала»².

Исходя из принципа пролетарского интернационализма, великий вождь Октябрьской социалистической революции последовательно и решительно боролся против любых попыток извратить это положение, толковать его

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 43.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 166.

в националистическом духе. В. И. Ленин разоблачал оппортунизм лидеров II Интернационала, которые в период первой мировой войны вступили в союз с буржуазией, проголосовав, в частности, за военные кредиты своим правительствам. Такую позицию, как известно, заняла германская, французская, бельгийская, австрийская социал-демократия, русские меньшевики. Лишь большевики, возглавляемые Лениным, несмотря на атмосферу националистического угара, существовавшую в тогдашней России, остались на позициях пролетарского интернационализма. Ленин настаивал на том, что «социалисты (не оппортунисты) каждой страны должны были видеть своего главного врага в «своем» («отечественном») шовинизме»¹.

Уроки борьбы большевиков против социал-шовинизма имеют исключительно актуальное значение и в наши дни, поскольку и сегодня это оппортунистическое течение в международном рабочем движении показывает свою живучесть. Как подчеркнуло международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г., империализм «использует демагогию, буржуазный реформизм, оппортунистическую идеологию и политику, постоянно изыскивает новые методы для того, чтобы подорвать рабочее движение изнутри, попытаться «интегрировать» его в систему капитализма»².

Нынешнее китайское руководство, стоящее на платформе великодержавного шовинизма, ведет ожесточенную борьбу против мирового коммунистического движения. Империалистические силы довольны политикой Пекина, поскольку она противостоит марксистско-ленинскому курсу братских коммунистических и рабочих партий и социалистических стран, интересам единства и сплоченности мирового коммунистического движения.

Возникает вопрос о причинах шовинистической политики маоистского руководства Китая, вступившего после победы революции в 1949 г. на рельсы социализма и одержавшего определенные успехи на этом пути. Чтобы ответить на поставленный вопрос, уместно вспомнить замечание В. И. Ленина об истоках социал-национализма. «Социал-национализм, — указывал Ленин в работе «Под

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 10.

² «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. М., 1969, стр. 287.

чужим флагом», — вырос из оппортунизма, и именно этот последний дал ему силу. Как мог «сразу» родиться социал-национализм? Совершенно так же, как «сразу» рождается ребенок, если протекли девять месяцев после зачатия»¹.

Маоистский вариант оппортунистического отклонения от марксизма-ленинизма также возник не вдруг и имел свою историю, так сказать, «внутриутробного» развития, свои исторические и идеологические корни. Формированию социал-шовинистической идеологии Мао Цзэ-дуна и его сторонников способствовали те социально-политические и экономические условия, которые явились результатом исторического развития Китая.

К 1949 г. Китай являлся страной с абсолютным преобладанием отсталого крестьянского хозяйства, с населением, подверженным сильному влиянию феодально-патриархальных традиций. Значительную его часть составляли также городские мелкие ремесленники, торговцы и другие непролетарские слои, отличавшиеся консервативной, националистической идеологией. К Китаю этого периода в полной мере относился вывод В. И. Ленина, который указывал: «Чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности»².

Подверженность определенных слоев в Китае националистическим и даже расистским взглядам усугублялась распространением китаеццентристских представлений, которые веками культивировались в стране благодаря тому положению, которое она в течение длительного периода занимала в Восточной Азии. Как известно, с древнейших времен и до вторжения западных держав Китай был крупным государством с развитой культурой и многочисленным населением. Господствующие классы феодального Китая насаждали и распространяли шовинистические представления о превосходстве китайцев над другими народами — «варварами» («и-жень») и о Китае

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 151.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 168.

как центре мира — «Срединном царстве» («Чжун-го»). Эти представления воплощались в практических попытках китайских императоров путем постоянных и жестоких завоевательных войн покорить и ассимилировать соседние народы и государства, превратить их в своих вассалов-данников.

Китаецентристские идеи находили теоретическое оправдание в конфуцианстве, которое долгое время было официальным этико-политическим учением в Китае и создавало ореол превосходства и исключительности китайского государства, китайского народа и китайской культуры.

Господство в Китае империалистических держав не привело к исчезновению великокитайских концепций, а, наоборот, даже обострило национализм в стране, испытывавшей унижение со стороны иностранных захватчиков. Стремление китайского народа к национальному возрождению и освобождению от гнета империализма использовалось феодально-милитаристскими и компрадорскими группировками господствующих слоев для разжигания в Китае великоханьской ксенофобии и шовинизма.

Иными словами, наряду с прогрессивной стороной китайского национализма, связанной с выступлениями китайского народа против иноземных захватчиков, за превращение Китая в самостоятельное, процветающее, демократическое государство (представителем этого прогрессивного течения являлся вождь буржуазно-демократической революции Сунь Ят-сен), в Китае всегда давала себя знать и реакционная сторона национализма — великоханьский шовинизм, стремление к возвышению Китая над другими странами, к его превращению в «гегемона мира».

Все это оказало воздействие и на Коммунистическую партию Китая (КПК), в которой с момента ее создания велась острая борьба между марксистами-ленинцами — интернационалистами и мелкобуржуазно-националистическим крылом во главе с Мао Цзэ-дуном.

Социальный состав и условия создания Компартии Китая во многом дают объяснение наличию в ней националистических элементов. Особое значение имело то обстоятельство, что численность китайского рабочего класса, соответствовавшая низкому уровню экономиче-

ского развития страны, была незначительной — менее 3% населения в 1949 г. К тому же заметную часть рабочего класса составляли вчерашние крестьяне, привязанные социальными корнями к мелкой буржуазии и не прошедшие школы интернационализма.

Долгое время руководство КПК не уделяло должного внимания укреплению связей с пролетариатом, а после разгрома чанкайшистской реакцией революционных выступлений рабочего класса и партийных организаций в Шанхае, Ухане, Кантоне и других городах в 1927 г. деятельность КПК сосредоточилась главным образом в сельских районах. Некоторые лидеры партии стали рассматривать крестьянство в качестве гегемона китайской революции. Такое положение складывалось под воздействием маоистов в противовес историческому опыту Великой Октябрьской социалистической революции в России и марксистским рекомендациям со стороны коллективного органа международного коммунистического движения — Коминтерна.

Китайские коммунисты-интернационалисты решительно выступили против развития националистических тенденций в Компартии Китая. Известный деятель интернационалистского крыла КПК Ли Да-чжао, например, призывал к преодолению узконационалистических настроений, порождаемых крестьянскими массами, доводя до их сознания, что рабоче-крестьянские революционные массы мира — друзья китайских трудящихся¹.

Однако в условиях отступления китайской Красной армии в отдаленные провинции и практически прекращения контактов между КПК и Коминтерном в Компартии Китая возобладало влияние националистического крыла во главе с Мао Цзэ-дуном.

Следует подчеркнуть, что этому содействовала общая отсталость страны в области политики, экономики и культуры, слабость китайского пролетариата в сравнении с массами мелкобуржуазных слоев города и деревни, примкнувших к революционному движению в Китае. В результате многочисленных чисток и репрессий китайским коммунистам были навязаны «идеи Мао Цзэ-дуна» в качестве теоретического фундамента деятельности КПК. На VII съезде партии, состоявшемся в 1945 г., в Устав

¹ См. Ли Да-чжао. Избранные статьи и речи. М., 1965, стр. 287.

партии было внесено положение, что «Коммунистическая партия Китая во всей своей работе руководствуется идеями Мао Цзэ-дуна»¹. В результате Мао Цзэ-дун и его сторонники получили возможность установить свое господствующее положение в партийном, а после победы китайской революции и в государственном аппарате.

Образование Китайской Народной Республики явилось важным событием в истории китайского народа. Закончилась эра угнетения Китая международным империализмом. В стране развернулась борьба с остатками феодализма, осуществлялись социальные преобразования. При широкой братской помощи Советского Союза и других социалистических стран в Китае было завершено выполнение задач демократической революции и началось социалистическое строительство. КНР получала братскую экономическую помощь со стороны социалистических государств. Громадное значение имела политическая и военная поддержка мирового социализма для ликвидации в Китае подрывной деятельности гоминьдановского подполья и других реакционных элементов, а вместе с тем для обеспечения безопасности страны в связи с существовавшей тогда реальной угрозой американской вооруженной интервенции.

В таких условиях маоистам было трудно приступить к открытому осуществлению своих великодержавно-гегемонистских устремлений. До поры до времени они были вынуждены их камуфлировать.

Однако и после образования КНР в стране сохранялись условия для проявления шовинистических настроений, не были ликвидированы источники антисоциалистических тенденций. Со стороны руководства КПК не предпринимались меры к укреплению руководящей роли рабочего класса и повышению на этой основе идейно-политической зрелости партии. КПК продолжала расти главным образом за счет мелкобуржуазной среды. В мае 1953 г. из 6,1 млн. членов КПК рабочие составляли 450 тыс. человек, или всего 7,3%.

Отсутствие у руководства КПК пролетарской линии сказалось на его политике в отношении китайской буржуазии. Известно, что маоистская программа на период

¹ Цит. по: «Новейшая история Китая. 1917—1970 гг.». М., 1972, стр. 208.

после победы революции в Китае предусматривала длительный союз с буржуазией и даже в определенной мере дележ с нею власти. Под предлогом необходимости сохранения «союза различных революционных классов» Мао Цзэ-дун фактически растворял гегемонию рабочего класса в этом союзе, пригласив буржуазию «сообща завершить создание политического строя, экономики новой демократии». Союз КПК с национальной буржуазией должен был, по мысли Мао Цзэ-дуна, стать социальной опорой режима «новой демократии»¹. Обосновывая эту линию, маоистская пропаганда превозносила «революционность» китайской национальной буржуазии, а цели союза с ней определяла не как тактику пролетариата в интересах использования противоречий между национальной буржуазией и противостоящими рабочему классу силами, а как выражение стремления к национальному единству и претворению националистического лозунга создания «великого Китая» и «единства нации».

Преобразование капиталистической торговли и промышленности, проведенное в КНР в середине 50-х годов, привело к тому, что китайская буржуазия стала выполнять функции управленческого аппарата на смешанных предприятиях. Путем введения выплаты фиксированного процента для национальной буржуазии в зависимости от величины капитала стимулировалась активизация ее деятельности как в области экономики, так и в определенной степени в политике. Буржуазия сохранила свою эксплуататорскую сущность, она была поставлена в привилегированное по сравнению с трудящимися положение, получая помимо фиксированного процента также значительно более высокую заработную плату (вне зависимости от количества и качества труда примерно в 3,5 раза выше по сравнению с рабочими и служащими за аналогичную работу), а также ряд других льгот. К 60-м годам выплата фиксированного процента производилась китайской буржуазии не в счет погашения стоимости национализированных частнокапиталистических средств производства, так как, по оценке советских ученых, эта стоимость тогда уже была возмещена полностью и сверх ее. Иными словами, китайская национальная буржуазия

¹ Мао Цзэ-дун. О новой демократии. — «Избранные произведения», т. II. Пекин, 1968, стр. 440—441.

благодаря маоистскому руководству превратилась в социальный слой, живущий за счет трудящихся и по-прежнему извлекающий нетрудовые доходы¹.

Буржуазные элементы имеют в КНР свои политические институты в виде Ассоциации торговцев и промышленников, а также восьми «демократических» партий, которые сохраняются до настоящего времени². Китайская национальная буржуазия представлена в правительстве и в важных государственных экономических и научных учреждениях.

Так, в составе Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 3-го созыва насчитывалось свыше 250 депутатов от этих буржуазных партий, 6 из 18 заместителей председателя Постоянного комитета ВСНП также представляли их. Ряд постов министров и заместителей министров занимали представители китайской буржуазии.

Представительство буржуазных элементов сохранилось и на сессии ВСНП 4-го созыва, состоявшейся в январе 1975 г. В ее президиуме находилось 24 члена буржуазных партий и Ассоциации торговцев и промышленников, в том числе 8 представителей Демократической лиги, 6 представителей Ассоциации, 3 члена Революционного комитета гоминьдана. В Постоянный комитет ВСНП 4-го созыва были избраны 25 делегатов от буржуазных партий, из них 3 деятеля заняли посты заместителей председателя Постоянного комитета.

О значении, которое придается маоистским руководством сотрудничеству с китайскими буржуазными элементами в стране и за ее пределами, говорит также тот факт, что в КНР по-прежнему действует орган единого фронта — Народный политический консультативный совет, почетным председателем которого является Мао Цзэ-дун. В рамках этого органа китайская буржуазия привлекается для участия в разработке важнейших по-

¹ Подробнее см. В. И. Ванин. Государственный капитализм в КНР. М., 1974.

² Революционный комитет гоминьдана, Демократическая лига, Чжигундан, Цзю сань, Крестьянско-рабочая демократическая партия, Лига демократического самоуправления Тайваня, Общество демократического строительства государства, Общество содействия демократии.

литических и экономических проблем КНР. Активно функционирует и отдел единого фронта ЦК КПК.

Проводившийся в Китае с апреля 1956 г. курс Мао Цзэ-дуна «на длительное сосуществование коммунистической партии с буржуазно-демократическими и взаимный контроль между ними» ослаблял влияние КПК и давал возможность буржуазным элементам не раз переходить в контрнаступление, заниматься дискредитацией социалистических начал в стране.

С начала 60-х годов, т. е. после открытого размежевания маоистского руководства с мировым социализмом и обнародования гегемонистско-шовинистической программы во внутренней и внешней политике, наблюдается еще большее смыкание маоистов с буржуазными элементами в стране. Именно в этот период произошло оживление деятельности буржуазных организаций, причем допускалось вовлечение в них крупных реакционеров типа бывшего вице-президента гоминьдановского Китая Ли Цзунь-жэня, являвшихся заклятыми врагами китайского народа. Китайская буржуазия получила покровительство лично Мао Цзэ-дуна, который, выдвинув установку решать противоречия с ней как «противоречия внутри народа», вывел ее из-под ударов массовых политических кампаний, в том числе и «культурной революции».

Являясь ревностными сторонниками и носителями великоханьского шовинизма, буржуазные элементы в Китае, естественно, полностью разделяют великодержавный курс группы Мао Цзэ-дуна. Кроме того, поддерживая тесные связи с китайским зарубежным капиталом, они являются каналом для укрепления националистического содержания этого курса, для усиления буржуазного, империалистического влияния на пекинскую верхушку, внутреннюю и внешнюю политику КНР.

Одним из важнейших факторов, стимулировавших рост националистических настроений в КНР, явился нараставший год от года культ личности Мао Цзэ-дуна. Взяв власть в свои руки, маоисты в масштабах всей страны развернули пропаганду и изучение произведений Мао, которые все более вытесняли труды классиков марксизма-ленинизма. В дальнейшем Мао Цзэ-дун стал открыто навязывать себя как «вождя» народов всех стран, а свои «идеи» использовать для обоснования того, что Китай призван играть главенствующую роль в мировом разви-

тии. Культ личности Мао воплотил в себе в особенно наглядной, а вместе с тем и в наиболее уродливой форме социал-шовинистические устремления маоистов.

Уже в первые годы существования КНР проявился сугубо утилитарно-пропагандистский подход Мао Цзэдуна к преимуществам социализма, стремление поставить их на службу своим шовинистическим целям. По мере того как КНР добивалась успехов в экономическом и культурном строительстве, усилия Мао в этом направлении становились все более настойчивыми. В середине 50-х годов это выразилось, в частности, в навязывании неоправданного форсирования социально-экономической перестройки страны в противовес намеченной на 1953—1967 гг. экономически обоснованной программе социалистической индустриализации и постепенного преобразования сельского хозяйства, кустарей и частнокапиталистической промышленности и торговли.

В 1958 г. эта тенденция вылилась в программу «трех красных знамен», т. е. в линию авантюристических сверхвысоких темпов развития, «большого скачка» и народных коммун. Политика «трех красных знамен» претворялась в жизнь в атмосфере откровенного социал-шовинизма. Китайская пропаганда шумела о мессианской, авангардной роли Китая в достижении коммунизма. В решении ЦК КПК от 29 августа 1958 г. «О создании народных коммун» подчеркивалось: «...осуществление коммунизма в нашей стране уже не является делом отдаленного будущего»¹. Маоисты стали усиленно навязывать свой авантюристический курс «трех красных знамен» всем социалистическим странам и мировому коммунистическому движению.

Известно, к каким катастрофическим последствиям привела Китай маоцзэдуновская политика «трех красных знамен». Экономика страны была в огромной степени дезорганизована. К 1962 г. валовая продукция промышленности сократилась по сравнению с 1959 г. наполовину, а сбор зерна упал на одну треть.

Китайские руководители вынуждены были предпринимать чрезвычайные меры, чтобы выправить положение. Эта задача была в основном решена ценой отказа на практике от наиболее пагубных и скомпрометировавших

¹ «Жэньминь жибао», 10 сентября 1958 г.

себя маоистских установок. Однако во время провала политики «трех красных знамен» и в годы залечивания глубоких ран, нанесенных этой политикой экономике КНР (эти годы были названы маоистами периодом «урегулирования»), шовинистическая пропаганда и раздувание культа личности Мао Цзэ-дуна в Китае не только не ослабли, но поднялись на новую ступень. Именно тогда с особой силой зазвучал тезис о том, что «идеи Мао» представляют собой «вершину теоретической мысли современной эпохи». Именно тогда маоистские «теоретики» оповестили мир о «возрождении прежней роли желтой расы», которая «до XV в. занимала руководящее положение в мировой истории»¹.

Не подверглись пересмотру в период «урегулирования» и концепции Мао Цзэ-дуна, т. е. те установки, которые были положены в основу политики «трех красных знамен». Мао Цзэ-дун не признал поражения своих «идей» и рассматривал отход от них в период «урегулирования» лишь как временное отступление, как передышку. Убедившись, что великодержавно-националистические концепции несовместимы с социализмом, что социалистический строй не может быть поставлен на службу шовинизму, Мао делает для себя вывод, который, очевидно, был сформулирован следующим образом: «Тем хуже для социализма!» Потерпев очередное поражение, проводя политику «трех красных знамен», маоисты развязали «культурную революцию», главное назначение которой как раз и состояло в том, чтобы смести «социалистические преграды» на пути реализации шовинистических устремлений Мао Цзэ-дуна и его сообщников. Установив в результате «культурной революции» свое безраздельное господство, маоисты пытаются создать условия для полного осуществления шовинистической политики как внутри Китая, так и в области международной деятельности КНР.

Одной из характерных черт обстановки, сопряженной с социал-шовинистическими устремлениями маоистского руководства, является усиленное развитие милитаризма в Китае во время и после «культурной революции». Мао Цзэ-дун и его группа пытаются укрепить свою военнобюрократическую диктатуру и обеспечить мобилизацию

¹ «Гуанмин жибао», 4 февраля 1961 г.

внутренних факторов для реализации шовинистических замыслов на внешней арене.

Милитаризация экономики тяжелым бременем ложится на плечи китайского народа. С начала 60-х годов маоисты навязали стране курс на ускоренное развитие военной промышленности, и прежде всего на осуществление дорогостоящей программы гонки вооружения массового уничтожения. На службу этому были поставлены все финансовые и материальные ресурсы, что немедленно стало сказываться на экономическом строительстве и жизненном уровне народных масс. Целям милитаризации было подчинено не только военное производство, но и основные отрасли тяжелой промышленности, научные исследования, деятельность внешнеторговых органов. Усилилась роль армии в стране, по военным образцам стали создаваться производственно-территориальные комплексы и т. д. Военные расходы к началу 70-х годов возросли более чем втрое, составляя, согласно подсчетам зарубежных экономистов, 40—50% государственного бюджета КНР, тогда как в 1957 г. они составляли лишь около 12%¹. Военное производство, находящееся под эгидой армии, получило абсолютный приоритет в обеспечении дефицитным сырьем, современным оборудованием, электроэнергией, квалифицированными кадрами. Отрасли же, связанные с производством товаров народного потребления и услугами, остались практически на самообеспечении и вынуждены ориентироваться на ручной труд и рутинную технику. Острую нехватку средств испытывают медицинское обслуживание и просвещение. Жилищное строительство почти не ведется. Жизненный уровень трудящихся застыл на чрезвычайно низкой черте. Все это — прямое следствие шовинистической политики, которую навязали Китаю Мао Цзэ-дун и его единомышленники.

Не менее пагубное воздействие оказывает курс милитаризации на духовную жизнь китайского народа. Навязывая великодержавную программу, лишая трудящихся КНР социально-экономических и политических завоеваний, которых они добились после победы революции, маоистское руководство с помощью систематической и все-

¹ См. «Антимарксистская сущность военной политики маоистов». М., 1973, стр. 97—98.

охватывающей пропаганды распространяет в стране яд шовинизма, уродует психологию миллионов людей. Пресса, радио, политехника, все средства идеологического воздействия беспрерывно внушают каждому китайцу мысль о борьбе за «возрождение великого Китая», восстановление «исторических прав» на захваченные им территории соседних стран. Каждый экспериментальный взрыв ядерных устройств в КНР (а таких испытаний с 16 октября 1964 г. по февраль 1976 г. произведено 18) сопровождается безудержной психологической обработкой китайского населения в расистско-шовинистическом духе.

Интересам осуществления курса на милитаризацию страны служат также провокационные измышления маоистов об «угрозе с Севера», т. е. со стороны Советского Союза. Под предлогом подготовки к отражению этой мнимой угрозы пекинские лидеры стремятся поддерживать в стране обстановку осажденной крепости, призывают население «готовиться к голоду, готовиться к войне», лишая его всякой перспективы на улучшение жизни.

Шовинистические позиции маоистов с предельной четкостью выявляются в национальном вопросе. Эти позиции противоречат марксизму-ленинизму и диаметрально противоположны интересам не только многочисленных некитайских народов, живущих в пределах КНР, но и китайского народа.

КНР — многонациональное государство. Для него характерны сложная национальная структура и чрезвычайная пестрота национальных различий. На территории страны издавна проживает помимо китайцев (ханьцев) более 100 других наций, народностей и этнических групп, насчитывающих в совокупности не менее 45 млн. человек (по официальным, заниженным данным). Важным обстоятельством является то, что национальные районы составляют до 60% территории КНР и расположены в основном в приграничных областях.

Подавляющее большинство неханьских народов представляют собой резко отличные от китайцев этнические образования. Они сохранили свою национальную самобытность, свой язык и культуру, свои традиции, свои религиозные верования. Численность многих неханьских народов достигает нескольких миллионов человек. Это чжуаны (около 8 млн.), уйгуры (4 млн.), народность «и» (3,3 млн.), тибетцы (3 млн.), народность мяо (2,5 млн.),

маньчжуры (2,4 млн.), монголы (1,5 млн.)¹. Некоторые из них в прошлом составляли единое целое с народами, населяющими ныне соседние с Китаем государства (монголы, казахи, киргизы, тибето-бирманские и тайские народности и др.), или являются родственными им (уйгуры). Многие из неханьских народов (монголы, маньчжуры, уйгуры, чжуаны, тибетцы и др.) имели в прошлом свою государственность.

В период народной революции Компартия Китая, придерживаясь ленинских принципов национальной политики, признавала право неханьских народов на самоопределение (вплоть до отделения). Однако после образования Китайской Народной Республики в 1949 г. маоистское крыло в руководстве КПК, исходя из реакционной установки на создание «единой китайской нации» в границах бывшей Цинской империи, встало на путь отказа неханьским народам в праве на самоопределение. Это право было подменено так называемой районной национальной автономией, которая была объявлена единственно возможной формой решения национального вопроса в КНР. «Районная национальная автономия» оказалась фикцией, которая маскирует стремление великоханьских шовинистов добиваться китаизации всех национальных меньшинств либо путем искусственного создания территориальных образований со смешанным населением, либо путем расселения единой национальности между несколькими районами.

Так, например, автономия Внутренней Монголии была провозглашена еще до образования КНР — в 1947 г. Затем под видом «помощи» монгольскому народу в этот автономный район были включены некоторые соседние области, населенные китайцами. В результате оказалось, что в автономном районе Внутренняя Монголия монголов стало намного меньше, чем китайцев, и они соответственно были ущемлены в праве на самоуправление. После «культурной революции» в этом районе вновь произведены существенные территориальные изменения: площадь Внутренней Монголии сокращена примерно вдвое, из ее состава отрезаны и переданы соседним китайским провинциям обширные области, населенные монголами.

¹ См. Т. Р. Рахимов. Национализм и шовинизм — основа политики группы Мао Цзэ-дуна. М., 1968, стр. 43.

Примером искусственного дробления неханьских народов, ломки их исторически сложившихся этнических границ является также судьба тибетского народа. Создание Тибетского автономного района было проведено так, что вне его оказалось более половины всех тибетцев, проживающих в КНР. Эта часть тибетского народа была искусственно раздроблена на 11 автономных образований, включенных в состав китайских провинций, несмотря на то, что они непосредственно граничат с Тибетом.

То же самое было проделано и с народом чжуан. Основная масса чжуанов живет на западе бывшей провинции Гуанси и в соседних областях провинций Гуйчжоу, Гуандун и Юньнань. Однако автономный район был создан на базе одной лишь провинции Гуанси, а точнее, провинция Гуанси была просто переименована в Гуанси-Чжуанский автономный район. В результате чжуаны в национальном районе составляют только треть населения. 2 млн. чжуанов остались в пределах соседних китайских провинций.

Шовинистически-националистическая политика маоистов видна также на примере уйгурского народа. Представители Синьцзяна высказались за предоставление уйгурам — коренному и наиболее многочисленному населению этой провинции — возможности создать в рамках КНР свое национальное образование. Однако маоистское руководство игнорировало эти требования уйгурского народа. Организовав Синьцзян-Уйгурский автономный район и осуществив массовое переселение туда китайцев, маоисты поставили цель постепенно китаизировать уйгурское население.

В ходе «культурной революции» и без того урезанная система местной национальной автономии была окончательно сведена на нет. Большинство национальных руководящих кадров смещено со своих постов или репрессировано. Конституционные органы власти разогнаны. Их место заняли «ревкомы», находящиеся под контролем армии. Председателями «ревкомов» являются, как правило, военные, китайцы по национальности. Подавляющее большинство членов «ревкомов» также китайцы. Во время встречи с представителями Синьцзяна 2 сентября 1968 г. Чжоу Энь-лай заявил, что «осуществляемая в Китае территориальная национальная автономия является

временной переходной системой и в перспективе она будет ликвидирована».

Национальные районы продолжают оставаться отсталыми сельскохозяйственными окраинами Китая с неразвитой промышленностью. Продукция этих районов идет на содержание размещенных на границах китайских войск.

Особенно ярко шовинистический характер политики современного пекинского руководства проявляется в отношении языков и культур неханьских народов. В КНР существует только один государственный язык — китайский. Открыто осуществляется политика, направленная на ликвидацию национальных языков: искусственно вводится китайская лексика, фактически прекращено издание литературы на национальных языках, всячески ограничивается сфера их применения.

Подвергается гонению и национальная культура в целом. В годы «культурной революции» был выдвинут лозунг борьбы с «четырьмя старыми» (старыми идеями, культурой, привычками, обычаями), под которыми подразумевалось истребление национальной культуры неханьских народов.

Китайская колонизация приняла угрожающие масштабы в национальных районах. Численность китайцев в Синьцзяне за последние 25 лет возросла с 300 тыс. до 4 млн. человек (без учета китайских войск). В Тибете, где ранее китайцев практически не было, их число в 1975 г. достигло 1 млн. человек (примерно половина населения района). Переселенцы-китайцы занимают лучшие территории и находятся на привилегированном положении.

Маоисты открыто провозгласили курс на насильственную ассимиляцию неханьских народов. Они утверждают, что нации являются устаревшей категорией. Исходя из великодержавных установок о величии ханьцев и «отсталости» неханьских народов, маоисты представляют «слияние» наций в Китае как поглощение их ханьцами. В 1960 г. в журнале «Синьцзян хуници» эта установка была выражена следующим образом: «Китайцы составляют 94% всего населения Китая, и с точки зрения политического, экономического и культурного развития они являются более передовыми. Поэтому слияние национальностей должно осуществляться на основе одной на-

циональности». И далее: «Особенности китайской нации превратятся в общие национальные особенности национальных меньшинств»¹.

Национальная политика пекинского руководства наталкивается на упорное сопротивление неханьских народов, принимающее иногда формы открытой вооруженной борьбы. Продолжается бегство жителей пограничных национальных районов за границу. Число эмигрантов из Синьцзяна достигло 200 тыс. человек, из Тибета — 100 тыс. Чтобы справиться с растущим сопротивлением неханьских народов, маоисты усиливают репрессии. Особенно широкий размах в последние годы они приняли в Тибете и Синьцзяне, где практиковались массовые публичные судилища и казни².

2.

Шовинизм

во внешней политике

Органическим продолжением крайнего национализма внутренней политики маоистов является их выраженная социал-шовинистическая линия на международной арене. Курс Пекина несовместим с интересами социализма и международной безопасности, с подлинными интересами китайского народа.

Отказавшись от согласованных действий с социалистическими странами по важнейшим проблемам международной политики, маоисты в конце 50-х годов демонстративно выдвинули свой курс, отличавшийся показной ультрареволюционностью. Этот курс они противопоставили принципам мирного сосуществования стран с различным общественным строем, вели дело к обострению международной напряженности. Мао Цзэ-дун дошел до того, что цинично рассуждал о «положительных последствиях» мировой термоядерной войны, которую он считал вполне приемлемой, ибо ценой уничтожения половины человечества она могла привести к «торжеству дела социализма». Мао, не задумываясь, обрекал на гибель целые государства, оправдывая это тем, что «ведь оста-

¹ «Синьцзян хунци», 1960, № 23.

² См. «Советское государство и право», 1973, № 9.

нутя другие народы, а империализм будет уничтожен». Его расчет строился на том, что в силу многочисленности китайского населения КНР получила бы преимущественное положение, если бы даже погибло 400 млн. китайцев, истребление которых не тревожило Мао.

Провокационная позиция Пекина во время событий в Тайваньском проливе осенью 1958 г., а также в связи с рядом других серьезных осложнений в международной жизни (война во Вьетнаме, карибский кризис, индийско-китайский пограничный конфликт, ближневосточный кризис и др.) показала, что маоисты были готовы применить свои пагубные для человечества концепции на практике.

В годы «культурной революции» шовинистические основы внешней политики маоистов проявились особенно обнаженно. Они окончательно порвали с курсом VIII съезда КПК (1956 г.). Это привело прежде всего к усилению антисоветизма во внешней политике, к полному разрыву связей с большинством социалистических стран, к активизации попыток подчинить своему влиянию национально-освободительное движение во всем мире. Вместе с тем готовилась почва для беспринципного соглашения КНР с международным империализмом.

Существенная особенность этого процесса состояла в том, что свой внешнеполитический курс маоисты по-прежнему облекали в архиреволюционную оболочку. Пекинская пропаганда подчеркивала «перемещение центра мировой революции в Китай». «Народы мира, — писала газета «Жэньминь жибао» 18 ноября 1967 г., — рассматривают Компартию Китая во главе с Мао Цзэ-дуном как могучую красную крепость света и надежд, а Китай как красную базу мировой революции». В соответствии с этой линией из Пекина стали исходить директивы, которые призывали народы подниматься на «решительные» действия. Китайское руководство сознательно шло на развязывание авантюристических, неподготовленных акций, чреватых большими жертвами для их участников. Ссылаясь на теорию «народной войны» Мао Цзэ-дуна, пекинская пропаганда рекомендовала вооруженную борьбу как единственное и универсальное средство завоевания власти, как «высшую форму революции», вела дело к усилению международной напряженности, к созданию и умножению очагов войны. Маоисты рассчитывали с помощью вооруженных высту-

плений национально-революционных сил в различных районах мира, прежде всего в Юго-Восточной Азии, обеспечить себе лидерство среди этих сил.

После начала «культурной революции» ее экспорт был объявлен одной из задач внешней политики КНР. Пекинская пропаганда ориентировала китайский народ на осуществление мессианской задачи в отношении других стран. «Мы, — провозглашали в «Жэньминь жибао» хунвэйбины, — не только поднимаем всеобщий бунт в стране, но готовы выйти на международную арену, чтобы бороться до конца и разжечь всеобщий бунт вместе с угнетенными нациями и народами всего мира». За такого рода декларациями последовали соответствующие практические действия. Опираясь на пропекинскую креатуру, экстремистски настроенную, политически незрелую молодежь, часть китайских эмигрантов, пекинские лидеры предприняли попытки организовать антиправительственные выступления в Бирме, Малайзии, Сингапуре, Непале, Камбодже и ряде других стран Юго-Восточной Азии. Под руководством дипломатов КНР были спровоцированы мятежи в Индии. По сообщениям индийской печати, из КНР в Нагаленд и некоторые другие районы Индии забрасывались группы лиц из числа местных племен с целью проведения террористических актов, разжигания национализма и партизанского движения, подстрекания к сепаратизму. Под предлогом обеспечения права китайских эмигрантов в Бирме «любить своего вождя Мао Цзэ-дуна и свою родину КНР» маоисты пошли также на открытое вмешательство во внутренние дела суверенного бирманского государства¹. Предпринимались попытки перенести «культурную революцию» и за пределы Юго-Восточной Азии — в Японию, Западную Европу, Африку, Латинскую Америку.

По мере того как выявлялось банкротство планов Пекина поставить на службу своим интересам международное коммунистическое движение, маоистское руководство все более настойчиво стремилось опереться на развивающиеся страны. При этом маоисты, отказавшись от марксистско-ленинских положений о движущих силах революции и о союзе рабочего класса с крестьянством,

¹ Подробнее см. М. С. Капица. КНР: два десятилетия — две политики. М., 1969, стр. 325—331.

пытались осуществлять свои шовинистические цели с помощью расистских концепций, противопоставляющих Восток и Запад, «мировую деревню» и «мировой город». Черный и желтый цвет кожи стал служить для них критерием принадлежности к «революционному лагерю».

Пекинская пропаганда объявила регионы Азии, Африки и Латинской Америки «главной зоной бурь мировой революции». Маоистские идеологи противопоставляют национально-освободительное движение основным потокам международной революционной борьбы, и прежде всего мировому социализму. За их псевдореволюционными построениями скрывается желание использовать те или иные страны и движения в собственных гегемонистских целях. Искусственное подталкивание других народов к «революциям» без учета конкретных условий, абсолютизация вооруженной борьбы и насильственных действий служат для маоистов средством подчинения своему влиянию освободительного движения.

Чтобы добиться доверия развивающихся стран и одновременно отмежеваться от социалистического содружества, маоистские лидеры в 1971 г. заявили о принадлежности КНР, как и подавляющего большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки, к странам «третьего мира»¹.

Великодержавные шовинистические мотивы лежат в основе пекинской «теории» «опоры на собственные силы». Эта «теория» является обоснованием линии на обособление и создание под эгидой Китая группировки развивающихся государств, оторванной от социалистических стран и международного рабочего и коммунистического движения. Пропагандируя лозунг «опоры на собственные силы», маоистские лидеры делают упор на «общность исторических судеб» развивающихся («бедных») стран в противовес промышленно развитым («богатым») странам. Изолированные от помощи и влияния мирового социализма, развивающиеся страны, по расчетам маоистских политиков, должны подпасть под идейное и политическое влияние КНР.

Добиваясь расширения своего влияния в развивающихся странах, китайское руководство готово опереться и на реакционные силы. Его гегемонистско-шовинистиче-

¹ «Жэньминь жибао», 17 ноября 1971 г.

ская политика объективно препятствует процессу социально-экономических преобразований в развивающихся странах, способствуя консервации отсталых социальных структур, насаждению реакционного национализма и агрессивного религиозного фанатизма.

Политика Пекина не раз оборачивалась тяжелыми последствиями для развивающихся стран.

В 60-х годах маоисты пытались навязать странам Африки свою концепцию вооруженной борьбы. Заявляя о палиции в Африке «прекрасной революционной ситуации», они призывали к разгрому правительств, образовавшихся в результате свержения колониального господства. На практике это привело к контрреволюционным переворотам в ряде освободившихся стран.

К трагическим итогам привела политика маоистского руководства в отношении Индонезии. Оказав давление на Сукарно, китайские лидеры толкнули Индонезию к выходу из ООН, что противоречило ее национальным интересам. Предпринимались попытки развязать войну между Индонезией и Малайзией. Кульминацией подрывной линии маоистов явились «события 30 сентября» 1965 г., в ходе которых был нанесен громадный ущерб прогрессивным силам Индонезии, а компартия ее была разгромлена и поставлена вне закона.

Стремлением обострить отношения двух соседних стран и спровоцировать конфликт между ними с целью их взаимного ослабления и подчинения одной из них своему влиянию объясняется провокационная позиция китайского руководства в индийско-пакистанском споре. С конца 50-х годов пекинские лидеры демонстрируют откровенную вражду к Индии и стремятся создать ей противовес в лице Пакистана, помогая последнему вооружаться и подогревая у него враждебность к Индии. Так было в период военного индо-пакистанского конфликта осенью 1965 г., когда маоисты делали все возможное для нагнетания напряженности и срыва ташкентских переговоров, проходивших при посредничестве Советского Союза. Аналогичную позицию занял Пекин и во время обострения обстановки на Индостанском полуострове в конце 1971 г. Эта позиция продемонстрировала совпадение курса пекинского руководства и империалистических кругов в отношении национально-освободительной борьбы бенгальского народа.

Занимаясь сложной игрой на индийско-пакистанских противоречиях, китайское руководство пыталось полностью подчинить своей политике Пакистан, стало грубо вмешиваться в его внутренние дела. В 1969 г. оно даже спровоцировало открытые антиправительственные выступления местных прокитайских экстремистов, которые добивались прихода к власти угодных Пекину политических деятелей. Пекин подогревал также деятельность «ультралевых» в Восточном Пакистане в духе «идей Мао Цзэ-дун». Однако, когда началась освободительная борьба бенгальцев, маоисты встали на сторону реакционного режима Яхья Хана, солидаризировались с его политикой геноцида в отношении 75-миллионного бенгальского населения. Во время поездки Яхья Хана в Пекин в ноябре 1971 г. китайские лидеры убеждали его пренебречь волей бенгальцев, выраженной на всеобщих выборах в декабре 1970 г. В августе 1972 г. Пекин, применив право вето в Совете Безопасности, воспрепятствовал приему молодой Республики Бангладеш в ООН. Эта позиция являлась еще одним свидетельством предательства маоистским руководством дела национального освобождения народов.

Откровенный экспансионизм китайской социал-шовинистической политики проявляется в территориально-пограничном вопросе. Мао Цзэ-дун в своей брошюре «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» (1939 г.) обосновывал право на аннексию Китаем соседних территорий ссылкой на то, что они в отдаленные времена были захвачены китайскими императорами. «Нанося Китаю военные поражения, — писал Мао Цзэ-дун, — империалистические державы захватили многие зависимые от Китая государства и часть его территории. Япония захватила Корею, Тайвань, Рюкю, архипелаг Пенху и Порт-Артур; Англия захватила Бирму, Бутан, Непал и Гонконг; Франция захватила Аннам, а такая небольшая страна, как Португалия, также захватила наш Аомынь»¹. Таким образом, Мао Цзэ-дун интерпретирует перечисленные захваты не как агрессию против народов названных стран, а как антикитайские акции. В соответствии с подобной логикой нынешние суверенные государ-

¹ *Мао Цзэ-дун. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая. Дунбэй, 1949, стр. 8.*

ства — МНР, КНДР, Лаос, Кампучия, Бирма, Малайзия, Таиланд и ряд других, а также отдельные части Индии, Японии и Филиппин рассматриваются маоистами как территории, которые рано или поздно должны быть присоединены к Китаю. В КНР были опубликованы карты, на которых указанные территории значились как «отторгнутые у Китая». В 1972 г. новый Атлас мира, выпущенный пекинским издательством, отразил территориальные притязания маоистов.

В начале 1974 г. Пекин, воспользовавшись тем, что во Вьетнаме продолжалась освободительная борьба против режима Тхиеу, который поддерживали Соединенные Штаты, отдал приказ своим вооруженным силам захватить Парасельские и другие острова в Южно-Китайском море. МИД КНР в обоснование этой акции выдвинуло «аргумент», будто «всем известно», что эти острова «издревле являются китайской территорией», что это — «непреложный факт и все китайцы признают его»¹. Эта поистине разбойничья логика представила во всей наготе экспансионизм маоистского руководства и его экспансионистские устремления в отношении стран Юго-Восточной Азии.

Китайское руководство объявило о территориальных притязаниях и к Советскому Союзу, что явилось одним из средств разжигания антисоветской истерии в Китае. IX съезд КПК (1969 г.) проходил под аккомпанемент китайских вооруженных провокаций на советско-китайской границе. Руководящие деятели и печать КНР не устают раздувать измышления об «угрозе с севера». На основе этого провокационного тезиса X съезд КПК (1973 г.) выдвинул задачу готовиться к «внезапному нападению» со стороны Советского Союза.

В качестве одного из инструментов осуществления шовинистического курса на международной арене маоистские лидеры используют зарубежную китайскую буржуазию, опирающуюся на многомиллионную китайскую эмиграцию. Сохраняя политическое влияние буржуазных элементов в Китае, маоисты добиваются лояльного отношения к своему режиму и со стороны зарубежного китайского капитала. Это создает благоприятные условия для привлечения в Китай денежных средств китайских эми-

¹ «Жэньминь жибао», 21 января 1974 г.

грантов (в виде переводов, инвестиций и пожертвований), научно-технических кадров, а также для использования международных связей и влияния эмигрантской буржуазии в целях развития экономических и политических позиций КНР во внешнем мире.

Китайская буржуазия в ряде азиатских стран завоевала сильные позиции во внутренней и внешней торговле, в банковском деле и страховании, в некоторых отраслях промышленности и сельского хозяйства. По некоторым оценкам, прямые предпринимательские инвестиции китайской буржуазии в этих странах составляют до 6 млрд. долл. В Юго-Восточной Азии действуют китайские объединения монополистического типа, а также ряд полулегальных картелей и синдикатов. По своему экономическому потенциалу китайская буржуазия не слабее, а в ряде случаев превосходит местную национальную буржуазию. Китайская эмигрантская буржуазия сотрудничает с монополиями империалистических государств путем создания смешанных компаний, осуществляя совместные внешнеторговые операции.

Образование молодых суверенных государств в Юго-Восточной Азии сопровождается усилением деятельности местных предпринимательских кругов, которые расценивают засилье китайского капитала как одну из форм продолжения иноземного господства. Правительства этих государств стали в законодательном порядке ограничивать экономические позиции китайской буржуазии. В этих условиях китайские общины часто обращаются за поддержкой к Китаю, видя в нем естественного покровителя. Маоисты издавна стремились устанавливать контакты с эмигрантской буржуазией. Выступая в 1945 г. на VII съезде КПК с докладом «О коалиционном правительстве», Мао Цзэ-дун особо прославлял китайских эмигрантов, и прежде всего имущие слои, именно за то, что они «денежными средствами оказывают помощь ведению войны»¹. В разделе доклада «Конкретные требования нашей программы» Мао выдвинул перед компартией задачу «защищать интересы китайских эмигрантов за границей»².

Официальная государственная политика в отношении

¹ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 4. М., 1953, стр. 465.

² Там же, стр. 518.

эмиграции после образования КНР соответствовала установкам, изложенным Мао Цзэ-дуном на VII съезде КПК. В целом она вобрала почти все те принципы, с которыми подходили к данной проблеме предшествовавшие китайские режимы. Подобно первой китайской конституции 1912 г., резервировавшей за эмигрантами определенное число мест в парламенте, конституция 1954 г. также установила, что китайцы, проживающие за границей, должны иметь своих делегатов во Всекитайском собрании народных представителей (статья 23)¹. В этом отразилось стремление маоистов использовать эмигрантов в своих интересах. Новая конституция, принятая сессией ВСНП в январе 1975 г., также предусмотрела возможность специального приглашения в качестве депутатов «некоторых патриотических деятелей» (статья 16). В главу III — «Основные права и обязанности граждан» — было включено положение о том, что «государство охраняет надлежащие права и интересы китайцев, проживающих за границей» (статья 27)².

Родственники эмигрантов и репатрианты, поддерживавшие постоянные связи со своими соотечественниками за пределами Китая и в значительной степени зависевшие от присылки из-за рубежа денежных переводов, составили одно из звеньев политики Пекина в отношении эмигрантов. Через этот канал поступали денежные средства, явившиеся важным источником пополнения валютных запасов КНР. Народный Банк Китая определил сумму переводов за первую пятилетку (1953—1957 гг.) в 586 млн. долл. В дальнейшем в связи с трудностями в обеспечении продовольствием и другими товарами, особенно в годы «большого скачка», денежные переводы несколько сократились, составляя тем не менее заметные суммы. Сюда не включаются перечисления дивидендов в китайские банки на счета собственников предприятий, сохраняющихся за пределами Китая.

Некоторое значение в социально-экономическом плане имеет инвестирование капиталов эмигрантской буржуазии в ряд отраслей китайской экономики. Эта поли-

¹ «Конституция Китайской Народной Республики». Пекин, 1954, стр. 9, 15, 22.

² «I сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики (документы)». Пекин, 1975, стр. 18, 26.

тика привела к образованию в КНР государственного капитализма в специфической форме — с участием вложений зарубежных китайцев. С помощью националистических призывов, создавая достаточно выгодные условия для помещения капиталов, пекинским властям удается привлекать средства зарубежной китайской буржуазии, составляющие, по некоторым оценкам, до 100 млн. долл. ежегодно.

Помимо прямого ущерба странам Юго-Восточной Азии в связи с отливом оттуда китайского капитала ощутимый урон наносится и в результате нелегальных операций на черном рынке золотом и иностранной валютой, контрабандной торговли (в том числе наркотиками), незаконных сделок с иностранными монополиями и т. д. Эта деятельность наносит существенный вред интересам народов азиатских государств.

Внешнеполитические провалы и дипломатическая изоляция КНР, явившиеся результатом авантюристического курса маоистов, заставили Пекин с начала 70-х годов перестраиваться и переходить от грубых к более хитроумным и гибким действиям. Однако существо их шовинистических целей в стратегическом плане не претерпело никаких изменений.

На нынешнем этапе обобщающей доктриной, призванной теоретически обосновать новую тактику Пекина, является лозунг «борьбы против монополий двух сверхдержав». Согласно этому домыслу, мир разделен не на две противоположные общественные системы, а на «две сверхдержавы» (СССР и США), с одной стороны, и «малые» и «средние» страны или «второй» и «третий» миры — с другой. Выступая против марксистско-ленинского положения о главном противоречии современности — противоречии между мировым социализмом и мировым капитализмом, маоисты тем самым отказываются от классового подхода к международным отношениям.

Пропаганда «борьбы против гегемонии двух сверхдержав» сопряжена со смещением центра тяжести внешней политики КНР (наряду с противопоставлением Китая СССР и всему социалистическому содружеству) в сторону сближения с капиталистическими государствами. Маоисты при этом внушают, что американский империализм представляет меньшую угрозу по сравнению с СССР и другими социалистическими странами, которые

должны быть главным объектом борьбы. Другие же капиталистические страны (члены ЕЭС, а также Япония, Канада, Австралия и т. д.), фигурирующие в маоистских построениях в качестве «второй промежуточной зоны» или «второго мира», фактически причисляются к «антиимпериалистическим силам».

Характеризуя нынешний внешнеполитический курс КНР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» 21 декабря 1972 г. указал на основные его черты: «Это нелепые притязания на советскую территорию, злобная клевета на общественный и государственный строй СССР, на нашу миролюбивую внешнюю политику. Это откровенный саботаж усилий по ограничению гонки вооружений, борьбы за разоружение и за разрядку международной напряженности. Это постоянные попытки расколоть социалистический лагерь и коммунистическое движение, внести разброд в ряды борцов за национальное освобождение, противопоставить развивающиеся страны Советскому Союзу и другим социалистическим государствам. Это, наконец, беспринципное блокирование на антисоветской основе с любыми, даже самыми реакционными силами...»¹

X съезд КПК углубил шовинистические тенденции во внешней политике КНР. Исходя из определения современной эпохи как эпохи империализма и пролетарских революций, он «снял вопрос» о существовании мирового социализма, представляя положение таким образом, будто перед народами мира все еще стоит задача заложить основы реального социализма, чем якобы и занят маоизм.

В противовес программе борьбы за мир и международную безопасность, одобряемой всеми прогрессивными силами земного шара, маоисты выдвинули в документах X съезда апологию войны. Эти документы пронизаны также злобным антисоветизмом.

После X съезда КПК пекинские лидеры выступили с новыми заявлениями, свидетельствующими об антинаучном характере их взглядов по вопросу о расстановке сил на международной арене. Для изложения своих концепций они использовали трибуну Организации Объеди-

¹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1975, стр. 458.

ненных Наций. В апреле 1974 г. в речи на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН глава делегации КНР, извращая классовый характер основных противоречий современного мира, призвал развивающиеся страны к блокированию с их эксплуататором и угнетателем — международным империализмом, против их естественного союзника — социалистического содружества. Представитель КНР рассуждал о «глубоких переменах в международной обстановке», но эти изменения он усматривал в том, будто «социалистический лагерь, существовавший некоторое время после второй мировой войны, перестал уже существовать...» Он утверждал, что «современный мир состоит из трех миров. США и СССР составляют первый мир. Развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки и других районов — третий мир». Развитые капиталистические страны, находящиеся между вышеуказанными двумя мирами, — второй мир. Страны «третьего мира» и «второго мира» должны, по рецептам маоистов, «объединиться против двух сверхдержав», к числу которых в Пекине наряду с США относят Советский Союз. При этом оратор не скрывал, что объединение для борьбы против «сверхдержав» фактически имеет антисоветскую направленность.

Выступление китайского представителя на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН вновь подтвердило, что одна из главных целей Пекина — утвердиться в роли гегемона развивающихся стран. Навязчиво проталкивая тезис о принадлежности Китая к «третьему миру», оратор заявил: «Мы имеем все основания еще теснее сплотиться воедино и не имеем никакого основания отчуждаться друг от друга... Некоторые разногласия, существующие среди наших развивающихся стран, вполне могут и должны быть разрешены путем консультаций между соответствующими развивающимися странами»¹. Однако курс Пекина в том и заключается, чтобы нагнетать напряженность в отношениях между странами, способствовать разжиганию любого международного конфликта. Действуя по старому империалистическому принципу «разделяй и властвуй», маоистские лидеры ведут подрывную деятельность против утверждения принципов коллективной безопасности в

¹ «Жэньминь жибао», 11 апреля 1974 г.

Азии и на других континентах, стараются помешать утверждению в международных отношениях принципа мирного сосуществования. В противоположность большинству участников дискуссии на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, охарактеризовавших в своих выступлениях процессы смягчения международной напряженности как необходимое условие достижения развивающимися странами их исторических целей, представитель КНР призвал «готовиться к мировой войне».

Фальсифицируя картину современного мира, маоисты рассчитывают, что им удастся ввести в заблуждение общественность молодых развивающихся государств. Однако их надежды тщетны. Опыт боев за национальное освобождение, мир и социальный прогресс учит народы развивающихся стран распознавать подлинных друзей и врагов.

Дискуссия на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН выявила настойчивое стремление большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки к укреплению антиимпериалистического единства, к дальнейшему сближению с социалистическим содружеством. Это и понятно. В современный период, имеющий жизненно важное значение для всех развивающихся стран, всякие действия, наносящие ущерб такой консолидации, не могут не оцениваться в качестве враждебного акта по отношению к развивающимся странам. Именно такую характеристику получило со стороны представителей многих развивающихся стран выступление главы китайской делегации.

Великодержавные, шовинистические цели привели Пекин в лагерь воинствующей реакции. Манипулируя ультралевыми призывами и лозунгами, он на практике пришел к сотрудничеству с реакционными империалистическими силами, выступает против программы антиимпериалистической борьбы, одобренной международным Совещанием коммунистических и рабочих партий 1969 г., против разрядки международной напряженности. Маоисты обрушились с шумной клеветнической кампанией на исторические итоги Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.

Речь по существу идет о блокировании Пекина с наиболее реакционными милитаристско-реваншистскими кругами во всем капиталистическом мире. По приглаше-

нию китайского правительства в КНР побывали лидеры ХДС/ХСС Коль и Штраус, причем последнего принимали словно президента ФРГ. Мао Цзэ-дун и другие китайские лидеры воспользовались переговорами со Штраусом, чтобы поддержать платформу реакционных сил Западной Европы, направленную на срыв общеевропейского совещания и переговоров в Вене об ограничении вооружений и вооруженных сил, на пересмотр итогов второй мировой войны и перестройку послевоенных границ. Такой же характер носили переговоры в Пекине с реакционным американским конгрессменом Джексонсом и бывшим лидером консерваторов Э. Хитом. В беседе с представителем правого крыла Либерально-демократической партии С. Хори в январе 1975 г. маоистские лидеры открыто высказались за «укрепление обороноспособности» Японии и сохранение ее военного союза с США. В январе 1976 г. в Пекине были обласканы деятели ХДС/ХСС А. Дрегер и В. Маркс, зарекомендовавшие себя как махровые антисоветчики и антикоммунисты, противники разрядки напряженности в Европе. Курс Пекина на смыкание с международной реакцией свидетельствует о позорном антисоциалистическом перерождении маоистов, которые используются международным империализмом в качестве орудия борьбы против социализма, мира и независимости народов.

Осуществляемые Пекином практические действия на международной арене наглядно раскрывают политику маоистов в отношении национально-освободительного движения и развивающихся стран. Китайские лидеры выступают в поддержку фашистского режима Пиночета в Чили, поддерживают с ним широкие политические и экономические связи. Проимпериалистическую позицию заняли они в связи с событиями в 1975 и начале 1976 гг. в Анголе, где Пекин оказал военную помощь раскольническим группировкам ФНЛА и УНИТА. Эти группировки вели борьбу против авангарда ангольских патриотов — Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА). Орган ЦК КП Кубы газета «Гранма» 27 января 1976 г. отмечала: «События в Анголе продемонстрировали миру позорный альянс маоистов с заклятыми врагами независимости, суверенитета, равенства и прогресса народов».

Анализ шовинистических позиций маоистского руководства по проблемам, касающимся внутренних аспектов

развития Китая и его внешней политики, показывает всю их вредоносность как для китайского народа, так и народов других стран. «Практика показала, — говорил Л. И. Брежнев, — что отход от социалистического интернационализма, замена его национализмом, шовинизмом ничего хорошего не приносит. Такая политика не отвечает, конечно, ни интересам мировой системы социализма в целом, ни интересам революционного процесса во всем мире. Зато она вполне отвечает интересам империалистов, которые с восторгом встречают каждый признак ослабления единства социалистических стран и готовы всячески помогать тому, кто это единство расшатывает»¹.

Внешнеполитическая деятельность маоистского руководства Китая, направленная на подрыв сил социализма и национально-освободительной борьбы, на противодействие процессу разрядки международной напряженности, на провоцирование конфликтов и раздоров, встречает решительный отпор со стороны социалистического содружества, мирового коммунистического движения, всех, кому дороги интересы мира и прогресса. Борцы за национальную независимость и социальный прогресс на собственном опыте все снова и снова убеждаются в лживости маоистской пропаганды, пытающейся дискредитировать огромную помощь, которую оказывают им Советский Союз и другие социалистические страны. Эта поддержка является важным фактором достижения ими антиимпериалистических, национально-освободительных целей.

В этих условиях маоисты пытаются оправдать свой антисоветский курс, переложить на СССР ответственность за нынешнее состояние советско-китайских отношений, оклеветать Советский Союз в глазах китайского народа и мировой общественности. Это — попытки с негодными средствами. Наша страна не сделала ни одного шага, который наносил бы ущерб национальным интересам китайского народа. Советский Союз, как и другие братские страны, последовательно выступает за нормализацию межгосударственных отношений с КНР на принципиальной основе.

¹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства, стр. 246.

Противоположной линии придерживается маоистское руководство Китая. Со всей очевидностью это показала его реакция на XXV съезд КПСС. Пекинская пропаганда развернула оголтелую антисоветскую кампанию в дни работы съезда, подвергая злобным нападкам ленинскую партию и Советское государство. Однако бессильное антисоветское злопыхательство маоистов свидетельствует лишь о степени их политического и морального падения.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXV съезде дана исчерпывающая оценка политики нынешних руководителей Китая: «Эта политика не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма». Л. И. Брежнев отметил большую опасность, которую представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление провоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. «Теперь уже мало сказать, — подчеркнул Л. И. Брежнев, — что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему»¹.

Эти оценки и выводы были поддержаны в выступлениях на XXV съезде КПСС представителей коммунистических и рабочих партий других стран, деятелей национально-освободительного движения. Теория и практика маоизма получили в них решительное осуждение.

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, стр. 12.

РЕАКЦИОННАЯ АНТИНАРОДНАЯ СУЩНОСТЬ СИОНИЗМА¹

1. Ленинская критика сионизма

В разжигании отсталых националистических настроений, в провоцировании национальной розни и межнациональных конфликтов мировая империалистическая реакция широко использует сионизм, его международную агентуру, а также израильских буржуазных экстремистов. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду в этой связи сказано: «...становится еще более очевидной неблагоприятная роль тех, кто поощряет израильских экстремистов, — роль американского империализма и международного сионизма как орудия агрессивных империалистических кругов»².

Сионизм как идейно-политическое течение возник на рубеже XIX—XX вв. В 1897 г. в г. Базеле состоялся первый сионистский конгресс, на котором Т. Герцль изложил

¹ При написании главы использованы некоторые материалы сообщений Г. Бондаревского, В. Киселева и И. Потаповского, сделанных на семинаре по критике сионизма при Институте востоковедения АН СССР.

² «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 24.

программу сионизма: создать с помощью крупнейших держав буржуазное еврейское государство на территории Палестины¹.

В период формирования сионизма, особенно с начала XX в., в России нарастала революция, гегемоном которой становился рабочий класс, руководимый большевистской партией. Все реакционные силы, исходя из своих классовых интересов, организовывали отпор нараставшим революционным настроениям трудящихся масс. Активную контрреволюционную позицию заняла разнорациональная буржуазия, разжигавшая националистические настроения и противопоставившая растущей интернациональной солидарности угнетенных и эксплуатируемых масс «воинствующий буржуазный национализм, отупляющий, одурачивающий, разъединяющий рабочих, чтобы вести их на поводу буржуазии...»².

Именно в эти годы на политическую арену выступил сионизм, идеологическое оружие реакционной еврейской буржуазии, напуганной пробуждением «геройского самосознания среди еврейского пролетариата»³. Еврейские трудящиеся, как и трудящиеся других национальностей России, тянулись к революции. Призывая еврейское население к «уходу» на земли Палестины, к созданию «своего» государства, сионисты стремились оторвать трудящихся евреев от влияния революционного пролетариата. Отвлечение же от революции еврейских трудящихся означало бы не только их подчинение еврейской буржуазии, но и превращение в оружие империалистических держав. Буржуазный характер сионизма, как это свойственно националистической идеологии, не лежал на поверхности. Но классовый облик сионизма все более ясно вырисовывался по мере того, как сионисты раскрывали, каким путем они намерены создать «свое государство».

В качестве примера можно привести некоторые высказывания сионистских лидеров, относящиеся еще ко времени возникновения сионизма и удивительно созвучные с аргументами современной политики сионистско-изра

¹ Слово «сионизм» происходит от названия горы Сион, находящейся в Палестине. Идеино-политическое течение, избравшее для себя название «сионизм», подчеркивало стремление к образованию еврейского государства на территории Палестины — «у горы Сион».

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 122.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 74.

ильских экстремистов. Т. Герцль, утверждая, что создаваемое государство должно служить «дамбой по отношению к Азии», писал: «Мы должны создать здесь, в Палестине, часть оплота Европы против Азии, аванпост цивилизации, противостоящей варварству»¹. Сподвижник Герцля М. Нордау еще в 20-е годы нашего века, обращаясь к империалистическим правительствам, высказывался не менее откровенно о готовности служить колонизаторам: «Мы знаем, что вы ожидаете от нас, — хотите, чтобы мы охраняли Суэцкий канал. . . Мы готовы выполнять такую трудную задачу, однако необходимо, чтобы вы разрешили стать нам силой для того, чтобы мы смогли выполнять свой долг»².

Исходным пунктом сионистской идеологии стал ложный тезис об «исключительности» исторической судьбы евреев, из чего делались далеко идущие пропагандистские выводы об их «внеклассовой сущности». Утверждение это, однако, противоречит исторической действительности. Бесспорно, что, как и у всех других народов, в историческом развитии евреев имелись некоторые своеобразные черты. После того как евреи лишились самостоятельной государственности и расселились по разным странам, они из-за преследований, особенно в средневековой феодальной Европе, порой находились под угрозой физического уничтожения. Наиболее возмущившим совесть человечества фактом было уничтожение гитлеровским фашизмом 6 млн. евреев.

Вместе с тем нельзя забывать, что в обществе, основанном на эксплуатации человека человеком, подобные трагические судьбы были уделом и других народов, в том числе и таких древних, как ассирийцы, американские индейцы, армяне и др. Не менее потрясающим явилось также уничтожение огромного числа людей различных национальностей — русских, украинцев, поляков и других — тем же гитлеровским фашизмом в годы второй мировой войны.

На протяжении веков история евреев была заполнена классовой борьбой, как и у всех народов. Именно поэтому господствующая эксплуататорская верхушка в еврейском обществе всегда старалась прикрыть клас-

¹ *Th. Herzl. Gesammelte Zionistische Werke. Tel Aviv, 1935, S. 45, 427.*

² Цит. по: «Коммунист», 1970, № 9, стр. 105.

совые противоречия патриархально-патерналистскими, расово-религиозными, лицемерно-филантропическими и прочими одеяниями, а также утверждениями о том, будто у евреев нет классового деления.

Ясно и убедительно сказал об этом В. И. Ленин в речи, произнесенной в конце марта 1919 г: «Среди евреев есть рабочие, труженики, — их большинство. Они наши братья по угнетению капиталом, наши товарищи по борьбе за социализм. Среди евреев есть кулаки, эксплуататоры, капиталисты, как и среди русских, как и среди всех наций... Богатые евреи, как и богатые русские, как и богачи всех стран, в союзе друг с другом, дают, гнетут, грабят, разъединяют рабочих»¹.

Царизм, превративший всю страну в тюрьму народов и проводивший жестокою антисемитскую политику, загнал еврейское трудящееся население и бедноту в гетто так называемой «черты оседлости», где, по выражению классика еврейской литературы Шолом-Алейхема, «оно было спрессовано, как сельди в бочке», обречено на нищету и прозябание, бесправие и преследования.

Сионистские идеологи толкуют еврейский вопрос как внеисторический, неизменный. На самом деле, как и все социальные явления, еврейский вопрос претерпевает существенные изменения в разные исторические эпохи. Следует отметить две тенденции в развитии еврейских общин в условиях досоциалистических формаций: с одной стороны, к изолированности, а с другой — к единению с национальным большинством страны. Тенденция к единению, к органическому включению в жизнь того или иного государства выражалась, в частности, в сфере культуры. Это приводило в ряде стран и к полному слиянию (ассимиляции) евреев с большинством населения, с преобладающей народностью. Что же касается тенденции к изолированности, то она вызывалась действием как внешних, насильственных факторов (например, поселение в гетто) и дискриминационных мер, так и стремлением консервативных кругов евреев к самоизоляции, обосновываемой концепциями «исключительности» и «богоизбранности». Именно эту консервативную тенденцию сионизм положил в основу своего пути «решения» еврейского вопроса.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 242—243.

Различные общественно-политические группы в странах, где жили евреи, по-разному подходили к его решению. Для демократических идеологов разрешение еврейского вопроса означало постановку еврейского национального меньшинства в экономическом и политическом отношении в равные условия со всем населением. Яркими примерами решительной борьбы прогрессивно-демократических кругов за решение еврейского вопроса могут служить выступления французской интеллигенции во главе с всемирно известным писателем Э. Золя по «делу Дрейфуса» и русской прогрессивной общественности по «делу Бейлиса».

Тенденция к изолированности евреев преобладала в условиях усиления их бесправия и дискриминации, роста антисемитизма; тенденция же к единению и слиянию превалировала в условиях эмансипации и преодоления антисемитизма.

Природу еврейской буржуазии и ее «внеклассовой» тактики уже с XIX в. распознал еврейский пролетариат, который вместе со всем российским рабочим классом участвовал в классовых схватках. Прогрессивная еврейская интеллигенция также понимала лицемерную и корыстную сущность «своей» буржуазии. В демократической литературе XIX—XX вв. на разговорном еврейском языке (идиш), испытавшей на себе творческое воздействие русской классической литературы, в произведениях таких писателей, как Менделе Мойхер-Сфорим, Шолом Алейхем, И. Перец, Д. Бергельсон и других, выведена целая галерея типов из еврейской буржуазной среды во всех ее отвратительных разновидностях: святоши-богатея («гвир»), карьериста-«филантропа» и т. п. И все же значительные массы еврейской бедноты, придавленные нуждой и нищетой, безграмотностью и бесправием, еще не могли освободиться от идеологического господства «своей» буржуазии, тесно спаянной с реакционным духовенством-раввинатом.

Классовую сущность сионизма как еврейского буржуазного национализма разоблачил В. И. Ленин, в особенности замаскированные формы еврейского национализма, которые под прикрытием социалистических фраз проникали в рабочее движение. В этом отношении особенно важны выступления В. И. Ленина против националистической позиции мелкобуржуазных еврейских пар-

тий — Бунд, Социалистической еврейской рабочей партии (СЕРП) и др.

Опираясь на неопровержимый опыт истории, В. И. Ленин доказал всю несостоятельность основного сионистского тезиса о мнимой «исключительности» евреев, базирующегося на религиозном мифе о «богоизбранности» еврейского народа. Этот тезис означал отрицание классовых противоречий внутри еврейского населения России, «братство» между всеми евреями независимо от их социально-имущественного состояния и от страны, где они проживали, отрыв от трудящихся других национальностей и от их общей борьбы, т. е. в конечном счете подчинение еврейских тружеников и бедняков «своей» эксплуататорской верхушке и разжигание национальной розни в противовес интернациональной солидарности всех угнетенных. Именно этот сионистский тезис лежал и в основе бундовского сепаратизма и претензии на роль «единственного представителя еврейского пролетариата», в основе политической платформы СЕРП, против принятия которой во II Интернационал решительно выступили большевики во главе с В. И. Лениным¹.

Миф о «богоизбранности» означал, с одной стороны, признание «исключительности» еврейского народа в отличие от всех других народов; отрицание классовых противоречий внутри него; объявление всех евреев «братьями», независимо от имущественного состояния и гражданства; и с другой — признание остальных народов неполноценными, «низшей расой», внушение недоброжелательности к ним как якобы к антисемитам. Тезис этот ставил целью подчинить эксплуатируемого его «брату» — эксплуататору. Он прямо направлен против пролетарской солидарности и интернационального содружества всех трудящихся и, как всякий расизм и шовинизм, воспитывает «мораль»: «чего нельзя другим по отношению ко мне, то можно мне по отношению к другим».

Опираясь на конкретно-исторический анализ, В. И. Ленин резко критиковал сионистскую идею о мнимой мировой «еврейской нации», доказав, что эта идея — совершенно ложная и реакционная по своей сущности.

В. И. Ленин писал: «Еврейский вопрос *стоит* именно

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 245—246.

так: ассимиляция или обособленность?»¹ Обособленность, отрыв от общей культурной жизни всей страны, на что толкала трудящееся еврейское население эксплуататорская верхушка господствующей нации путем создания гетто, «черты оседлости» и т. п., усугублялись самоизоляцией, уходом во «внутреннее гетто», проповедававшими эксплуататорско-раввинской верхушкой еврейских общин. Подобная обособленность питала отсталые, консервативные и реакционные элементы. Единение же, слияние с прогрессивными элементами национального большинства в стране воспитывало передовые настроения у еврейских трудящихся, содействовало тому, что происходивший в их среде, как и у всех угнетенных народов, сильный рост оппозиционности к господствующему режиму, чувство протеста против эксплуататорской верхушки сливались с общедемократическими и пролетарскими движениями. Этому в большей мере содействовала также борьба пролетариата господствующей нации против угнетения евреев.

Осуждая националистическую концепцию единой «еврейской национальной культуры», В. И. Ленин указывал, что, как и у всех народов, в культуре евреев сталкиваются «две культуры». В противовес реакционной, буржуазно-клерикальной культуре имеются «всемирно-прогрессивные черты в еврейской культуре: ее интернационализм, ее отзывчивость на передовые движения эпохи (процент евреев в демократических и пролетарских движениях везде выше процента евреев в населении вообще)»².

При отсутствии политики насильственного ассимиляторства, неравноправия и привилегий одних национальных групп за счет других *естественная* ассимиляция еврейского населения в цивилизованных и буржуазно-демократических странах Европы была прогрессивным явлением. К тому же она вовсе не была единичным, исключительным явлением, поскольку процесс ассимиляции и естественного слияния ряда народностей составлял, в условиях буржуазного прогресса, характерную черту их развития во многих культурных странах. «Неужели, — писал В. И. Ленин, — можно объяснять случайностью тот

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 74.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 122—123.

факт, что именно реакционные силы всей Европы и особенно России ополчаются *против* ассимиляции еврейства и стараются закрепить его обособленность?»¹ «...Против «ассимиляторства» могут кричать только еврейские реакционные мещане, желающие повернуть назад колесо истории...»²

Ленинской критике сионизма, как и всем положениям ленинизма, присущ дух социалистического интернационализма. В то время как сионистский лидер Т. Герцль дружелюбно беседовал с царским министром Плеве, организатором еврейских погромов, вождь российских большевиков В. И. Ленин выступил в защиту трудящихся еврейской национальности, против погромов, подчеркнув, что «особенно громко против национального угнетения должен прозвучать голос *русского рабочего*»³. Во исполнение этого указания думская фракция большевиков подготовила для внесения в IV Думу в 1914 г. написанный лично В. И. Лениным «Проект закона об отмене всех ограничений прав евреев и всех вообще ограничений, связанных с происхождением или принадлежностью к какой бы то ни было национальности»⁴.

В. И. Ленин разоблачил «сказки сионистов о вечности антисемитизма»⁵. Ничто так не усиливало влияния сионизма, как антисемитизм. Сионизм и антисемитизм — две стороны одной медали — расизма, отмечено в Итоговом документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. В документе содержится призыв к «борьбе с *человеконенавистнической идеологией и практикой расизма* ... против преследования арабского населения на оккупированных территориях и в Израиле, против расовой и национальной дискриминации, сионизма и антисемитизма, которые разжигаются капиталистическими реакционными силами и используются ими для политической дезориентации масс»⁶. Антисемитизм — явление историческое, порождение эксплуататорского общества, а потому и преходя-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 74.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 126.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 17.

⁴ Там же, стр. 17—18.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 121.

⁶ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», стр. 323.

щее. В социалистическом обществе ликвидируются условия для существования антисемитизма.

Сионизм с самого начала своего возникновения имел различные фракции и оттенки; среди его лидеров были и откровенные расисты, и «изобретатели» эклектических мелкобуржуазных схем, щеголявшие социалистической фразеологией. Однако суть сионизма, его расистские основы национал-социалистского типа отвечали интересам лишь буржуазии, а не народных масс. Активное противодействие сионистов революционной борьбе масс против царизма, а после Великой Октябрьской социалистической революции — строительству социалистического общества выявило подлинное лицо сионизма как реакционной, антинародной, буржуазно-националистической идеологии.

Глубина и прозорливость ленинской критики сионизма исторически полностью подтвердились и тем, как был решен еврейский вопрос в СССР. Благодаря осуществлению в Советском Союзе ленинской национальной политики все народы, большие и малые, не только пользуются равными правами, но и получают реальные условия для реализации этих прав.

Факты изобличают всю несостоятельность устоев сионистской идеологии, претензий сионистов на положение «единственных представителей» еврейского народа, антиисторической идеи «всемирного еврейства», которая уже давно разоблачена В. И. Лениным как реакционная, а ныне преследует лишь одну цель — путем утонченного националистического обмана привязать еврейские трудящиеся массы к колеснице самых реакционных империалистических кругов.

2.

Современный сионизм — орудие империалистической реакции

В условиях борьбы двух систем — капиталистической и социалистической — сионизм направлен на разжигание антикоммунизма и антисоветизма, военного психоза и расизма, на осуществление идеологических диверсий. Наиболее хищная часть буржуазии еврейского происхождения, в частности израильской, представленная

прежде всего крупными предпринимателями, коммерсантами и банкирами, превратилась в монополистическую буржуазию, теснейшим образом связанную с международным монополистическим капиталом (типа американских банкиров Кун, Леб и К^о, а также Ротшильдов и других финансовых покровителей сионизма).

В этом отношении показательно сотрудничество сионизма с германским империализмом. Еще на раннем этапе своей деятельности основатель сионистского движения Т. Герцль искал поддержку у германского империализма, проводившего с конца XIX и начала XX в. политику внедрения в страны Ближнего и Среднего Востока. Основатель сионизма добивался, чтобы германская империя содействовала заселению Палестины евреями. Т. Герцль писал кайзеру Вильгельму: «Если немецкие евреи эмигрируют, следствием этого будет возвращение из Соединенных Штатов немецких эмигрантов. В результате вы приобретете истинных сынов нации, предотвратите взрыв, который будет трудно ограничить какими-либо рамками, ослабите социализм, к которому обратились преследуемые евреи, изгнанные другими партиями, и выиграете время для решения социальных проблем»¹. Т. Герцль писал: «Мы будем нуждаться в каком-либо протекторате; германский импонирует бы нам больше всего»². Сионистские лидеры, ведя беспринципную двойную игру, убеждали правящие круги кайзеровской Германии опереться на них в борьбе с Англией за контроль над Ближним и Средним Востоком.

О предпосылках связи сионистских лидеров с гитлеризмом западногерманский журнал «Дер шпигель» писал: «Победа немецких нацистов привела сионистов в необыкновенный восторг. В ней они сразу же усмотрели поражение просвещенного западного еврейства, которое ни в грош не ставило сионизм и предпочитало развиваться среди других народов. . . Так как сионисты и национал-социалисты рассматривали расу и нацию как мерило всех вещей, между ними неминуемо должен был возникнуть общий мост»³.

За последние годы раскрываются все новые факты, становящиеся достоянием мировой общественности, о

¹ *Th. Herzl. Gesammelte Zionistische Werke*, S. 150.

² *Ibid.*, S. 111.

³ «*Der Spiegel*», 19.XII.1966.

сделках сионистских лидеров с германским фашизмом накануне его прихода к власти и во время второй мировой войны. «Среди американских фирм и банков, активно способствовавших захвату гитлеровцами власти в Германии, а затем их военным приготовлениям и созданию главного очага второй мировой войны, видное место занимали банки и фирмы, принадлежавшие сионистам. Гитлеровцам помогали в подготовке к захвату власти сионистские главари и из других стран, хотя они знали о намерении Гитлера уничтожить всех евреев»¹. В 1929 г., например, амстердамский банкирский дом «Мендельсон и К⁰» перевел в распоряжение Гитлера 10 млн. долл., собранных сионистскими организациями, преимущественно американскими, а в 1931 г. — еще 15 млн. долл. После же захвата фашистами власти в Германии их главарию было передано по тем же каналам еще 126 млн. долл. «Список банков и корпораций Соединенных Штатов, содействовавших перевооружению Германии и ее подготовке ко второй мировой войне, представляет собой как бы справочник сионистских фирм этой страны»².

Одной из лицемерных сделок, заключенных правящими сионистскими кругами Израиля, является соглашение с правительством Аденауэра о «компенсации» ФРГ деньгами и товарами за жизни миллионов евреев, убитых гитлеровцами в период второй мировой войны. Подписанию соглашения предшествовало создание в 1950 г. в Гамбурге под опекой США специальной организации — «Интернэшнл траст корпорейшн», которая занималась подготовкой вопроса возмещения ущерба, нанесенного евреям. В этой фирме среди других принимали участие банкирский дом «Бринкман Вирц унд К⁰», находящийся в семейных связях с американскими банкирами Уорбургами. Выплатой репарации ФРГ Израилю американский империализм преследовал цель переложить на Западную Германию часть финансовой помощи, оказываемой Израилю, а также вовлечь западногерманский империализм в поддержку сионизма и использовать его в борьбе против национально-освободительного движения арабов.

В заключении репарационного соглашения были за-

¹ «Известия», 5 января 1972 г.

² Там же.

интересованы политически и экономически западногерманские монополии. Характерно, что соглашение подписали представители крупнейших немецких монополий, среди них Герман Абс, бывший финансовый советник Гитлера, который и поныне играет ведущую роль в финансово-монополистическом мире ФРГ. После войны Абс как крупный военный преступник был осужден на 15 лет каторжных работ, но благодаря тесным связям с Уолл-стритом он избежал возмездия.

Стремясь скрыть свои истинные политические и экономические цели, западногерманская пропаганда преподносила соглашение о «возмещении ущерба» как проявление благородства боннских правящих кругов. Однако, несмотря на лицемерную пропаганду, Бонну не удалось скрыть подлинную неоколониалистскую направленность этой сделки. С экономической точки зрения она была выгодна западногерманским монополиям, так как открыла им возможность вывоза товаров более чем на 1 млрд. долл. и экспорта капиталов. Что касается расходов на уплату репараций, то она нисколько не обременяла монополии, так как они осуществлялись за счет государственного бюджета, т. е. за счет налогов с трудящихся. Соглашением о репарации правящие круги ФРГ добивались в глазах мировой общественности и морально-политической реабилитации германского финансово-монополистического капитала — основной опоры гитлеризма.

Позорная сделка, заключенная между сионистами и западногерманским монополистическим капиталом, вызвала волну возмущения мировой общественности, и особенно трудящихся и прогрессивных кругов Израиля. За счет выплаты «репараций» Западная Германия оказала правителям Израиля большую поддержку в осуществлении их милитаристской, агрессивной политики в отношении арабских стран.

Репарационное соглашение создало благоприятные условия не только для экономической экспансии западногерманского капитала в Израиль, но и для совместного военно-технического сотрудничества. Капитал ФРГ, инвестированный в Израиле, проник во все основные отрасли экономики этой страны. В Израиле представлены все ведущие западногерманские монополии, в том числе преемники химического концерна «ИГ Фарбениндустри», а также гамбургская фирма «Топф и сыновья», соору-

жавшая в свое время по заказу Эйхмана мощные кремационные печи и газовые камеры для Освенцима и других концентрационных лагерей.

После установления сотрудничества между Бонном и Тель-Авивом стали известны факты о наличии между ними ряда секретных соглашений. Летом 1959 г. внимание мировой общественности привлекло сообщение, что Израиль принимает участие в вооружении бундсвера. Западногерманский журнал «Мюнхенер иллюстрирте» 16 января 1960 г. писал о заключении контракта на поставку Израилем бундсверу большого количества автоматов «Узи». Поставки оружия бундсверу осуществляла хайфская фирма «Колтам», тесно связанная с трестом «Солел-Боне» принадлежащим правящей израильской партии Мапай. Следует отметить, что реакционная печать ФРГ с удовлетворением встретила израильскую агрессию против арабских стран в июне 1967 г., усмотрев в ней сходство с гитлеровским «блицкригом».

Столь же характерны для разоблачения классовой сущности сионизма факты из «американского образа жизни». Член Политического комитета Компартии США Хаймен Лумер говорил по этому поводу: «Сионистское движение в Соединенных Штатах возглавляет влиятельная группа капиталистов-евреев. Эта группа вносит львиную долю вкладов, помогающих Израилю покрывать огромные военные расходы. Она — главный покупатель израильских облигаций. Она производит крупные капиталовложения в Израиле... И кроме того, она оказывает доминирующее идеологическое влияние».

Вместе с тем при анализе распределения доходов среди населения США видно, что процент крупной буржуазии в общей массе американских евреев ничтожен. В то же время среди американских евреев около 800 тыс. человек не поднимается выше официально установленного уровня бедности.

Нередко сионисты-миллионеры, как, скажем, У. Розенвальд, владелец торговой фирмы «Сирс, Робек энд К^о», субсидируют и оголтелых ультраправых антисемитов, и фашистов, и сионистов. Антикоммунизм для финансовых тузов, независимо от их национального происхождения, куда сильнее «зова крови».

Не мудрено, что в сионистскую казну вносят деньги и «чистокровные» американцы из числа приверженцев

антикоммунизма. По свидетельству авторов книги «Шесть дней в июне», многие нееврей-бизнесмены в первые же дни агрессии Израиля против арабских стран в июне 1967 г. внесли пожертвования в сионистские фонды. В частности, Р. Стивенс, президент «Д. П. Стивенс энд компани», внес 250 тыс. долл.; Р. Милликен, президент «Диринг Милликен», поддерживавший «ультра» Б. Голдуотера, — 300 тыс. долл. и т. д. В фонд Израиля внесло свои пожертвования даже «Общество Джона Берча»¹.

При осуществлении неоколониалистской политики сионизм оказался находкой для определенных кругов империалистической буржуазии, особенно американской. Это видно на примере правящих кругов Израиля, которые сомкнулись с силами международного империализма, в первую очередь США, и выступают в качестве их военной дубинки против революционного освободительного движения арабских народов, в защиту военных и экономических, в частности нефтяных, интересов США на Ближнем Востоке. Отсюда и та политическая, моральная и материальная поддержка, которую оказывают империалисты сионистским правительствам Израиля, осуществляющим агрессивные, экспансионистские планы в отношении арабских стран.

Вот почему о современном сионизме можно сказать, что он непосредственно связан с неоколониалистской политикой империализма, с теми кругами монополистического капитала США (монополисты еврейского происхождения составляют его органическую часть), которые вдохновляли и финансировали преступную войну во Вьетнаме, наживались на этой войне и до сих пор покровительствуют экстремистским сионистским лидерам Израиля. Об этом наглядно свидетельствуют, в частности, такие факты, как сборища еврейских миллионеров в Израиле, субсидирующих его военные действия, а также поддержка Тель-Авива со стороны американских агрессивных кругов и реваншистов ФРГ. За 1948—1968 гг. монополии ссудили Израилю 8 млрд. долл. На 1967—1975 гг. были предусмотрены и осуществлены дополнительные финансовые вливания на сумму 9 млрд. долл. Глубокое возмущение мировой прогрессивной обществен-

¹ См. «Правда», 4 декабря 1971 г.

ности вызвали сообщения об огромной финансовой и военной помощи, которая предусмотрена секретными соглашениями американской администрации и израильского правительства осенью 1975 г. Ныне сионизм — это не столько прежнее еврейское буржуазно-националистическое движение, сколько прикрывающаяся «еврейским вопросом» органическая часть международного (прежде всего американского) аппарата неоколониалистской и антикоммунистической политики и идеологических диверсий. Вот почему разоблачение сионизма, его реакционной, империалистической практики является одной из задач мирового коммунистического движения, всех борцов за мир и демократию.

В системе идеологических диверсий империализма сионизму отводится особая роль. Сионизм стал своего рода средоточием реакционных идей расизма и антикоммунизма. Спекулируя на трагедии уничтожения миллионов евреев гитлеровским фашизмом, сионизм не гнушается связью с фашиствующими организациями, например с берчистами в США. Прикрываясь мнимой заботой о «еврейском вопросе», сионизм выполняет задачу борьбы против растущего влияния социалистического содружества, распространяя лживые выдумки о «положении евреев» в СССР и других странах социализма. Эта задача осуществляется Всемирной сионистской организацией с центрами в США и Израиле, а также Всемирным еврейским конгрессом. Обе организации имеют отделения во многих странах капитализма.

Через сионистские организации и мировую буржуазную прессу, радио, телевидение, телеграфные агентства монополистическая буржуазия всячески разжигает антисоветизм, пытается отравить своей клеветнической пропагандой политически незрелых, легковверных людей. Источник сионистского антисоветизма состоит в классовой ненависти к первому в мире социалистическому государству, которое исторически доказало: еврейский вопрос может быть радикально решен и снят тем самым с повестки дня лишь на основе победы социализма.

Сионисты подвергают особенно ожесточенным нападениям Советский Союз — главный оплот мирового социализма и международного революционного движения. Миллионные средства международный сионизм бросает на подрывную деятельность против СССР и других со-

циалистических стран. Он пытается одурманить своей пропагандой граждан еврейской национальности путем распространения эмиграционных настроений.

Сионистская пропаганда систематически твердит, будто «родина евреев — Израиль», будто «нерасторжимыми узами» связаны все евреи, составляющие особую «единую еврейскую нацию». Между тем совершенно очевидно, что интересы евреев-трудящихся, гражданами какой бы страны они ни являлись, противоположны интересам евреев — магнатов капитала, банкиров, предпринимателей, бизнесменов и связаны с интересами всех трудящихся.

Сионизм, действуя в тесном контакте с разведывательными и диверсионными службами США, Англии, ФРГ и других империалистических государств, пытается насадить сионистское подполье в социалистических странах, делая ставку на националистически настроенных лиц и всякого рода отщепенцев.

В период контрреволюционных событий в Венгрии в 1956 г. сионистская американская организация «Объединенный еврейский призыв» создала крупный фонд для финансирования сил реакции. Во время выступления антисоциалистических сил в Польше в 1966 г. сионистские организации собрали свыше 1 млн. долл. для помощи контрреволюционным силам. Большая роль отводилась империализмом сионизму в подрывной деятельности против народной власти в Чехословакии в 1968 г. Чехословацкие государственные органы располагают данными, что сионистские организации за рубежом развернули оголтелую клеветническую кампанию против чехословацкого народа, народов других социалистических стран, а в среде контрреволюционного подполья находились «специалисты» и «консультанты» этих сионистских центров.

Сионистские организации направляют в адреса советских граждан евреев (вопреки их воле) сионистскую литературу. В последние годы международный сионизм развернул кампанию за выезд советских граждан в Израиль. В настоящее время в Австрии, Франции, Бельгии, Дании, Швеции и некоторых других странах действуют сионистские организации, занимающиеся подрывной работой против социалистических стран. Так, например, в Австрии действовало субсидируемое Центральным раз-

ведывательным управлением (США) и Еврейским агентством крупное шпионское объединение «Главный центр по документации», подчиненное по оперативным вопросам израильскому посольству в Вене. В задачу этого центра входили сбор и обработка клеветнической информации о «положении евреев» в Советском Союзе и других социалистических странах, разработка рекомендаций другим сионистским организациям по ведению антикоммунистической и антисоветской пропаганды, подготовка клеветнических материалов для публикаций. Подрывные акции сионизма против социалистических стран соответствуют глобальной стратегии империализма.

Сионизм опирается на империализм, зависит от него, является прямым его партнером в борьбе против мирового революционного движения.

3.

Агрессивная политика сионизма и государства Израиль

Реакционная сущность сионизма наглядно проявляется в политике против арабских стран, проводимой правящей верхушкой Израиля.

Когда в 1947 г., в обстановке межимпериалистических противоречий и растущей национально-освободительной борьбы арабов и евреев Палестины, было принято решение ООН о создании на ее территории еврейского и арабского государств, мировая общественность надеялась, что Израиль пойдет по пути мира и сотрудничества со своими соседями.

Советский Союз, верный принципу права наций на самоопределение, признал государство Израиль. «Советский Союз на протяжении всей своей пятидесятилетней истории с уважением относится ко всем народам — большим и малым, — подчеркивал А. Н. Косыгин в своем выступлении на специальной сессии Генеральной Ассамблеи. — Каждый народ имеет право на создание собственного независимого национального государства. Таков один из основных принципов политики Советского Союза.

Именно исходя из этого, мы определяли наше отношение к Израилю как к государству, проголосовав в 1947 г. за решение ООН о создании на территории бывшей анг-

лийской колонии Палестины двух независимых государств — еврейского и арабского»¹.

Лидеры сионизма увидели в создании Израиля возможность реализовать свои далеко идущие экспансионистские намерения и взяли курс на превращение страны в откровенно милитаристское государство, преследующее захватнические цели создания «Великого Израиля». Сионисты в немалой степени воспользовались тем, что действия послушных воле империалистов реакционных арабских правителей того времени помешали палестинскому арабскому народу осуществить свое право на самоопределение и на создание своей государственности на территории Палестины в соответствии с решением ООН 1947 г. Как указывается в тезисах ЦК Коммунистической партии Израиля «Еврейский вопрос и сионизм в наши дни», «с самого начала сионистская политика была основана на сотрудничестве с силами реакции, с империалистическими державами, против революционного, социалистического и национально-освободительного движения»².

Государство Израиль, как известно, было провозглашено 14 мая 1948 г. Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. на территории Палестины были созданы два государства: арабское и еврейское. Бывшая подмандатная британская Палестина получила независимость, и проживавшие в стране арабы и евреи — равное право на национальное самоопределение.

Решение ООН о разделе Палестины было принято вопреки сионистским притязаниям на эту страну. Так, в п. XII «Общих рекомендаций» доклада Специальной комиссии ООН по Палестине, которые легли (вместе с планом большинства комиссии) в основу резолюции ООН 1947 г., было особо подчеркнуто, что «никакое решение палестинской проблемы не может рассматриваться как разрешение «общей еврейской проблемы». Резолюция ООН о разделе Палестины определяла также характер, в частности, будущего еврейского государства, которое должно было стать демократическим, иметь демократическую конституцию и обеспечить равные и свободные от дискриминации права арабскому населению. Иными сло-

¹ «Известия», 20 июня 1967 г.

² «Советиш геймланд», 1974, № 5, стр. 43.

вами, если исходить из резолюции ООН 1947 г., то будущее еврейское государство создавалось на основах, не имевших ничего общего с целями международного сионизма.

Ставшая у руля правления государства Израиль в 1948 г. сионистская верхушка в первом же акте государственной власти — «Декларации независимости» провозгласила «доктрину сионизма» в качестве господствующей идеологии и политики Израиля. В декларации, в частности, подчеркивалось, что государство Израиль провозглашалось прежде всего «на основе естественных и исторических прав еврейского народа», что оно «будет открыто для иммиграции евреев из всех стран их рассеяния». Наконец, евреи всех стран призывались к «совместной великой борьбе за воплощение мечты поколений — воссоздание Израиля». Последовали также заявления сионистов о «вступлении в эру существования третьего еврейского государства».

В Израиле происходит процесс формирования сионистской буржуазной верхушки, реакционная сущность которой тщательно маскируется фасадом буржуазно-парламентарной демократии. Религия иудаизма в Израиле возведена в ранг государственной религии, в результате чего возросла в стране власть реакционного раввината. В Израиле до сих пор нет конституции и отсутствует закон, гарантирующий основные права и свободы израильских граждан.

XIV съезд Компартии Израиля (1969 г.) с полным основанием подчеркнул, что «сионистский, буржуазный национализм, господствующий в стране, принес и приносит бедствие народу Израиля и государству Израиль». Идет постоянное наступление на жизненный уровень израильских трудящихся, права которых урезаются; проводится дискриминация арабского национального меньшинства и дискриминация в отношении евреев — выходцев из восточных стран.

Военизация Израиля — основная причина экономических трудностей. Государственный долг составляет свыше 1000 долл. на душу населения. Другая специфическая черта развития израильской экономики — это превращение страны в вотчину иностранного капитала, получающего все новые льготы.

Тот факт, что общественно-экономический строй госу-

дарства основан на господстве частной собственности, лишает почвы и всякого рода сионистские домыслы о развитии «сионистского социализма» в Израиле. На деле декларируемые как воплощение этих форм предприятия профсоюзной организации Гистадрут и сельскохозяйственные предприятия — киббуцы приспособлены в капиталистических условиях для осуществления особенно эффективной эксплуатации занятых здесь рабочих.

Экспансионистские планы экономического развития израильского государства зиждутся на его превращении в «промышленный цех», «Ланкашир Среднего Востока». Агрессия Израиля, особенно начиная с июня 1967 г., показала, что экспансионистская программа воплощается в откровенно колониалистскую политику сионистской буржуазной верхушки. Оккупированные арабские территории фактически превращены в «колонию Израиля, притом в классическом смысле слова»¹.

Укрепление союза с империалистическими державами является закономерностью политического развития Израиля. Совпадение интересов империалистов и израильских правителей наблюдается на базе взаимно преследуемых экспансионистских целей и борьбы против арабского национально-освободительного движения. Для империализма Израиль служит главным опорным бастионом на Арабском Востоке и в районе восточного Средиземноморья.

В подписанном в 1964 г. совместном коммюнике правительство Израиля и Всемирная сионистская организация (ВСО) объявили их деятельность на поприще сионизма «общим делом». Партнерство и ответственность Израиля за деятельность международных сионистов была еще раз подчеркнута в «Основных принципах правительства Израиля» в 1969 г. Так, в частности, заявлялось, что «правительство Израиля будет объединять свои усилия с сионистским движением».

Место, отводимое империализмом государству Израиль в планах неокOLONиализма в Азии и Африке, характеризуется следующими данными. С первых дней создания государства Израиль империалисты рассматривали его как капиталистический плацдарм на полуфеодальном тогда еще Ближнем Востоке, как военную базу для борь-

¹ «Проблемы мира и социализма», 1971, № 7, стр. 63.

бы с развертывавшимся после второй мировой войны национально-освободительным движением народов, и в первую очередь арабских стран. Интерес империалистических кругов к Израилю определялся также его стратегическим положением на подступах к Суэцкому каналу и к конечным пунктам важнейших нефтепроводов.

По мере усиления национально-освободительного движения народов Ближнего и Среднего Востока углубилась дифференциация между двумя группами арабских стран, из которых одна избрала путь социальных преобразований, а другая сохраняла сильные феодальные пережитки и одновременно развивала свою экономику по зависимому от империализма капиталистическому пути. Реакционные силы империализма стремились противопоставить эти группы стран друг другу, любой ценой предотвратить укрепление прогрессивных режимов, сорвать единство арабских стран, обеспечить интересы международных нефтяных монополий.

Именно для этих целей правящим кругам капиталистических государств нужен был Израиль, реакционная правящая верхушка которого, опираясь на их поддержку, приняла самое активное участие в подготовке и реализации тройственной агрессии 1956 г. и организовала нападение на Египет, Сирию и Иорданию в 1967 г.

Империалистические круги Запада не без оснований рассчитывали, что борьба с израильской агрессией и ее последствиями крайне осложнит социально-экономическое положение арабских стран, замедлит проведение социальных реформ, усилит зависимость прогрессивных арабских стран от богатых, консервативных государств типа Саудовской Аравии, осложнит и замедлит процессы арабского единства, усилит в арабских странах позиции тех кругов, которые считали, что во имя избавления от израильской агрессии и ее последствий необходим союз не с социалистическими, а с империалистическими странами.

Реакционные правящие круги Израиля надеялись на поддержку империалистических государств для всемерного расширения границ — образования «Великого Израиля».

Для империалистических кругов Израиль был нужен и как своего рода «троянский конь», которого они рассчитывали использовать в развивающихся странах. Мус-

сируя слухи о том, что Израиль является «неагрессивным государством лейбористского типа», рекламируя израильские киббуцы и предприятия Гистадрут, империалистические пропагандисты и разведки способствовали установлению контактов между правительством Израиля и руководящими кругами некоторых развивающихся стран, поощряя создание смешанных обществ и компаний. В действительности капитал, который вкладывали в эти смешанные предприятия израильские капиталисты, был в значительной мере английского, американского, французского происхождения. Это был один из каналов, при помощи которого монополии пытались избежать заслонов, устанавливаемых в развивающихся странах на пути проникновения крупных монополий. По указке Лондона и Вашингтона правящие круги Израиля организовали подготовку и переподготовку большого количества военных специалистов, студентов и среднего технического персонала для ряда стран Азии и Африки.

Большое внимание уделялось ирано-израильским контактам по линии нефтяных компаний. В 1970 г. был введен в строй мощный нефтепровод Эйлат — Ашкелон, пропускная способность которого до 60 млн. т. По этому нефтепроводу перекачивается иранская нефть в средиземноморские порты Израиля.

Таким образом, империалистические державы, в первую очередь США, используют Израиль не только для борьбы с прогрессивными режимами в арабских странах и ослабления арабского единства, но и для внесения раскола в афро-азиатские страны, засылки туда проимпериалистической агентуры, подготовленной в Израиле.

Авангард израильского рабочего класса, мировая прогрессивная общественность, Советский Союз и другие социалистические страны считают, что Израиль может и должен развиваться не как очаг войны, а как миролюбивое, демократическое государство, поддерживающее добрососедские отношения со всеми странами Ближнего Востока. Сейчас препятствием этому является политика сионизма, ставшая звеном международной политики империализма, свидетельством чего являются факты жестокого преследования арабского населения, а также принятый в начале 1970 г. в Израиле закон, который определяет принадлежность граждан к еврейской национальности по расовым и клерикально-религиозным признакам.

Этим он напоминает фашистские «расовые паспорта» с их «заботой» о «чистоте крови».

Господствующая верхушка Израиля, представляющая интересы прежде всего монополистической еврейской буржуазии, связанной с империалистическими кругами США, навязывает населению агрессивный, авантюристический курс. Этот курс лицемерно обосновывается мнимой неразрешимостью противоречий с арабским миром, возникших в процессе израильско-арабского конфликта. Лицемерно — потому, что политика правящих кругов Израиля определялась и определяется давно сформулированными идеологическими основами сионизма, в частности шовинистическим отношением к другим народам и ставкой на покровительство империалистических держав. Исходя из этого, сионистская верхушка и раньше выдвигала лозунги и проводила политику, направленную на раздувание национальной розни. Агрессивные мероприятия руководства Израиля вызваны вовсе не сложившейся конъюнктурой, они целиком вытекают из постоянных, классовых установок сионизма.

Сионизм пригвожден к позорному столбу Организацией Объединенных Наций. В резолюции ООН, принятой Генеральной Ассамблеей на своей XXX сессии в 1975 г. большинством голосов, указывается, что «сионизм является формой расизма и расовой дискриминации». Этот документ — авторитетное осуждение мировой общественностью сионистской идеологии, которая находит свое воплощение в политике израильских правящих кругов, в отрицании и попрании законных прав арабского народа Палестины, в смыкании сионизма с самыми реакционными силами империализма и расизма.

Принятая резолюция, объявляющая сионизм формой расизма и расовой дискриминации, является естественным выводом, исходящим как из существа сионистской идеологии, так и из предыдущих решений ООН. Так, в 1963 г. в Декларации ООН о ликвидации всех видов расовой дискриминации подчеркивалось, что «всякая доктрина о расовом различии или превосходстве является ложной с научной точки зрения, предосудительной морально и социально несправедливой и опасной». В 1973 г. Генеральная Ассамблея на своей XXVIII сессии осудила сговор между расизмом ЮАР и сионизмом.

Сионистская политика территориальной экспансии и

изгнания арабского населения — официальная политика израильского правительства. Главарь реакционной партии «Херут» М. Бегин нагло разглагольствовал: «У нас не будет возможностей для развития, пока мы не урегулируем наши территориальные проблемы с позиций силы — мы вынудим арабов к послушанию»¹. В том же духе высказался в свое время бывший министр иностранных дел Израиля А. Эбан, откровенно провозгласивший, что «мир не является условием, необходимым для существования Израиля». Насилия и зверства, чинимые израильской военщиной по отношению к мирному арабскому населению на оккупированных территориях, варварские бомбежки мирных объектов разоблачили подлинный облик сионистских заправил.

Трудящиеся массы начинают понимать, что политика израильских экстремистов выгодна только ее империалистическим вдохновителям. Передовые элементы Израиля возглавляются Коммунистической партией Израиля. Она указывает практические пути мирного развития государства: «Не с империализмом — против арабских народов, а с арабскими народами — против империализма!» Несмотря на все трудности и репрессии, интернационалистская позиция Компартии Израиля встречает растущую поддержку прогрессивных кругов страны. Движение народного протеста против политики тельавивских экстремистов нарастает. Среди общественности Израиля крепнут настроения в пользу политического урегулирования ближневосточного конфликта на основе резолюции Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 г., в пользу признания и осуществления законных национальных прав палестинского арабского народа.

Подлинные интересы народа Израиля требуют отказа от сионизма, его антинародных, экспансионистских «доктрин». Совершенно справедливо Коммунистическая партия Израиля указывает, что не следует отождествлять сионизм с государством Израиль, израильским народом.

В принятой XVI съездом КПИ специальной резолюции «Еврейский вопрос и сионизм в наши дни» подчеркивается: «Правительственная политика, основанная на идеологии сионизма, создает угрозу будущему существованию государства Израиль. Сионизм наносит серьезный

¹ Цит. по: «Коммунист», 1970, № 9, стр. 110.

вред еврейским общинам, где бы они ни существовали, и общему делу прогресса и социализма. Борьба против сионистской идеологии и политики составляет нераздельную часть общей борьбы против идеологической подрывной работы противников социализма и прогресса. Эта борьба отвечает национальным интересам Израиля, интересам евреев, а также общим революционным интересам»¹.

Разоблачение сионизма распространяется как внутри Израиля, так и среди еврейского населения других стран. Отказ от экспансионистской политики, демократизация политической жизни страны, совместная с арабскими народами борьба против империализма — это будущее Израиля. За это ведет борьбу Компартия Израиля, возглавляющая движение прогрессивных сил страны.

На XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев изложил интернационалистическую позицию Советского Союза: «Все эти годы Советский Союз оказывал последовательную поддержку борьбе арабских народов за ликвидацию последствий израильской агрессии. . .

На Ближнем Востоке сейчас нет войны. Но нет там и мира, а тем более спокойствия. И кто отважится поручиться, что пламя военных действий не вспыхнет вновь. Такая опасность будет сохраняться, пока израильские армии остаются на оккупированных землях. Она будет сохраняться, пока лишены своих законных прав и живут в отчаянных условиях сотни тысяч палестинцев, изгнанных со своих земель, и арабский народ Палестины лишен возможности создать свое национальное государство. Прочный мир на Ближнем Востоке требует также, чтобы были гарантированы безопасность всех государств этого района, их право на независимое существование и развитие. . .

Что касается Советского Союза, то он занимает принципиальную и конструктивную позицию. СССР, как сопредседатель Женевской конференции, готов сотрудничать во всех усилиях, направленных на действительное урегулирование конфликта. Мы готовы участвовать в международных гарантиях безопасности и неприкосновен-

¹ «Советиш геймланд», 1974, № 5, стр. 45.

ности границ всех стран Ближнего Востока — в рамках ООН или на иной основе...

Мы — за создание условий для развития наших отношений со всеми странами Ближнего Востока, у нас нет предубеждения против какой-либо из них. Наконец, мы готовы участвовать и в поисках решения такой проблемы, как прекращение гонки вооружений в этом районе. Но, разумеется, только в тесной увязке с общим урегулированием на Ближнем Востоке. Решать ее до такого урегулирования значило бы ставить на одну доску агрессора и его жертвы»¹. Эти слова прозвучали воодушевляющей перспективой для всех прогрессивных сил Израиля.

Мировая прогрессивная общественность клеймит позором захватническую пропаганду сионистских правителей Израиля. На всех континентах звучит голос возмущения и протеста против варварских акций израильской военщины по отношению к арабским странам. Достойную отповедь правящим кругам Тель-Авива дают люди доброй воли и еврейской национальности в разных странах, причем в самых различных кругах, в том числе и религиозных. Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Израиля Меир Вильнер, выступая на XXV съезде КПСС, осудил антисоветскую кампанию израильского правительства и сионистских лидеров. «Каждому непредубежденному человеку известно, — заявил он, — что национальная дискриминация имеет место не в Советском Союзе, а именно в Израиле и других странах так называемого «свободного мира»².

Современный сионизм — это антинародная, реакционная политика и практика монополистической буржуазии еврейского происхождения, которая прикрывается «еврейским вопросом» для выполнения задач международного империализма, в частности идеологических диверсий, в его борьбе против революционных сил современности — международного рабочего движения, национально-освободительного движения и социализма. Разоблачение сионизма — неразрывная часть борьбы за мир, демократию и социализм.

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, стр. 16—17.

² «Правда», 3 марта 1976 г.

К ВОПРОСУ О РАСИЗМЕ В США¹

1. Расизм в США

Ликвидация расизма — одна из первоочередных задач человечества. Империализм и его спутник — расизм потерпели ряд серьезных поражений, начало которым положила в 1917 г. Октябрьская революция в России. Но утративший историческую инициативу империализм еще жив и во многих частях мира именно с помощью расизма прибегает к всевозможным уловкам и маневрам, тщетно пытаясь вернуть утраченные позиции.

В мире хватало расистов и до прихода буржуазии к власти. Но именно при капитализме расизм превратился в систему взглядов, став еще одним орудием эксплуатации, национального угнетения и империалистического порабощения. Империалисты используют расизм в сочетании с военными и экономическими средствами для сохранения классического колониализма и расширения неоколониализма.

¹ Автор — Национальный председатель Коммунистической партии США — Генри Уинстон.

Марксистско-ленинские партии, идущие в авангарде человечества, призывают народы положить конец этой самой варварской форме империалистического угнетения. В историческом документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. говорится: «Мы, коммунисты, вновь обращаемся ко всем честным людям Земли с призывом объединить усилия в борьбе с *человеконенавистнической идеологией и практикой расизма*. . . Империализм использует расизм в целях разобщения народов и сохранения своего господства. Широкие народные массы отвергают расизм и могут быть вовлечены в активную борьбу против него. В ходе своих выступлений они смогут понять, что искоренение расизма тесно связано с борьбой против империализма в целом, его идеологических устоев»¹.

Призыв коммунистов, нашедший широкий отклик среди пролетариев, всех угнетенных людей, способствует объединению демократических сил для решительной борьбы против расизма. Это — марксизм-ленинизм в действии!

Черное население Соединенных Штатов Америки представляет собой мощную антиимпериалистическую силу². Это население насчитывает 25 млн., а по некоторым данным — 30 млн. человек. Черные ведут свою борьбу за равенство совместно с пуэрториканцами, чиканос³, индейцами и американцами азиатского происхождения. Большинство каждой национальной группы составляют рабочие, и их борьба, демократическая и анти-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», стр. 323.

² Термин «черный» стали использовать сравнительно недавно. В широком смысле он является объективным выражением безусловного отказа от расизма. Согласно проведенным опросам, термины, которые черное население хотело бы применять относительно себя, располагаются по предпочтительности в следующем порядке: «черные», «афро-американцы», «негры», «цветные». Большая часть лидеров черных в настоящее время не пользуется словом «негр». Большинство из числа опрошенных предпочитает слово «черный». Однако очень многие хотели бы использовать термин «афро-американец». Кое-кто, естественно, пытается использовать новую терминологию в сепаратистских целях, что будет соответствовать интересам империалистов. Какие термины привьются — покажет только время.

³ Чиканос — американцы мексиканского происхождения. Проживают в основном в Калифорнии и юго-западных штатах США. — *Прим. ред.*

империалистическая, служит главным фактором в укреплении солидарности между всеми отрядами рабочего класса, независимо от цвета кожи. Это в свою очередь усиливает сплоченность рабочего движения и его союзников на основе совместной борьбы против политики и действий американских монополий внутри страны и за рубежом.

Черное население США стремится сейчас понять, почему в 50-х годах не был претворен в жизнь лозунг: «Свобода к 63-му году». Черные задают вопрос: почему этот лозунг, провозглашенный с такой помпой и сопровождаемый заявлениями всех защитников капитализма о том, что самого неравенства черного населения «уже не существует, а существуют только крикливые заявления», — почему этот лозунг привел к столь незначительным уступкам в пользу черных и даже эти небольшие уступки были сделаны только благодаря давлению демократической общественности? Уступки носили форму главным образом законодательных акций. Однако правительство, являясь защитником интересов монополий с их расистской политикой, ничего не сделало, чтобы реализовать на практике принятые законы, и фактически выступало против любого движения за их реализацию. Эти уступки не привели и не могли привести к каким-либо коренным изменениям в положении черного населения.

Империалистическая пропаганда трубит о США как о рае «свободного мира». Она пытается не только скрыть порочную систему классовой эксплуатации, но и замаскировать существование национального и расового гнета. Расизм в США служит монополиям, как идеология и практика он обращен своим острием против 40 млн. граждан страны.

Тройной гнет — классовый, национальный и расовый — удел повседневной жизни пятой части населения США, которая, согласно уточненным американскими экономистами-марксистами цифрам, взятым из материалов Бюро переписи США, состоит из 25 млн. черных, 10 млн. чиканос, около 2 млн. пуэрториканцев, почти 1 млн. индейцев и около 2 млн. американцев азиатского происхождения.

Примечательно положение негров в Северной Каролине. В этом штате, который кичится своим либерализмом, процветают порядки, вызывающие в памяти време-

на рабства. Из 100 графств Северной Каролины в 89 имеются тюрьмы, где 70% заключенных — черные (заметим: негры составляют лишь 22% населения штата). В США в 1975 г. 44 человека ожидали приведения в исполнение смертных приговоров, из них 23 — томятся в тюрьмах Северной Каролины. Полиция не чинит препятствий террору банд расистов, жертвами которого является негритянское население. Примечательно также и то, что в Северной Каролине расположены институты, в которых, экспериментируя на бедняках и выходцах из национальных меньшинств, разрабатывают лекарственные препараты и другие средства, позволяющие контролировать поведение человека. В этом штате расположились и учебные центры по подготовке военных и полицейских кадров для стран Латинской Америки.

Правительство США в течение многих десятилетий осуществляло политику геноцида — физического уничтожения индейского народа. Ей на смену пришла политика насильственной ассимиляции, беззастенчивого отторжения земель индейского народа, конфискация средств к существованию.

Трудящиеся-негры, как и лица других угнетаемых национальностей, проживающих в США, — важный отряд американского рабочего класса. Чтобы расколоть его ряды, подорвать классовую солидарность, помешать его союзу с непролетарскими слоями населения в общей борьбе против развернувшегося сейчас наступления монополий, буржуазия как раз и использует расизм. Хорошо известно, что рабочего-негра «последним нанимают, первым увольняют». Подтверждением этому служит быстрый рост безработицы именно среди негритянского населения.

Политика американского правительства в отношении негритянского населения и других национальных меньшинств все более характеризуется маневрированием. В отдельных случаях негры и представители других меньшинств получают даже официальные посты. Но это лишь фасад американской «демократии». За этим фасадом политика правительства направлена на то, чтобы свести на нет завоевания, добытые с таким трудом негритянским народом. В условиях дальнейшего обострения кризиса государственно-монополистического капитализма США и общего заката капитализма сохранение расизма

и угнетения приобретает для правящего класса все большее значение. Сталкиваясь на мировой арене с ростом сил социализма, классового и национального освобождения и соперничеством со стороны других империалистических держав, империализм США, несомненно, не способен в наше время добиться того, чего не смогли добиться более 100 лет назад рабовладельцы, — решить свои проблемы путем агрессии и экспансии.

Монополисты в равной степени не способны решить свои проблемы и внутри страны, где они пытаются подавить борьбу за освобождение черных еще более репрессивными методами, чем в маккартистский период. Увековечивая и усиливая расизм, монополии стремятся остановить развитие освободительного движения черных, разгромить профсоюзы и подавить борьбу угнетенных и эксплуатируемых. В настоящее время монополистический капитализм стремится стереть все следы борьбы недавнего десятилетия движения за гражданские права.

В стране нарастает отпор расизму. Симптоматично, что в ряде городов мэрами стали негры. Они обязаны своим избранием отданным за них голосам масс белых граждан, как и черных избирателей. Вместе с неграми, пуэрториканцами, индейцами, чиканос, лицами азиатского происхождения, представителями других национальных меньшинств против расизма активно выступают большие группы белого населения.

Миллионы белых рабочих поднимаются на борьбу против расизма. Этот процесс характерен для профсоюзов, религиозных и других организаций, движений за мир и гражданские права — всех демократических и антиимпериалистических сил. На такой основе можно выковать единство миллионов трудящихся в борьбе против расизма как одной из главных опор империализма. В ходе этой борьбы будет повышаться сознание масс, что позволит поднять борьбу на еще более высокий уровень.

2.

Мартин Лютер Кинг и наступательная стратегия

Начало 70-х годов застало черное население за осмысливанием пути, пройденного в 50-х и 60-х годах. Черные искали ответа на вопрос: что было ошибочного в органи-

защиты борьбы, которая велась все эти годы? Одновременно они спрашивали себя, что нового должно быть внесено в 70-х годах в борьбу, что следует использовать, а от чего следует отказаться. Завершение десятилетия борьбы за гражданские права оставило среди масс черных чувство огромного смятения, так как условия их жизни не только не улучшились, но еще больше ухудшились. Они не смогли понять значения завоеваний десятилетия борьбы за гражданские права, заключавшихся в укреплении единства, усилении активных массовых действий и росте сознательности, и смотрели на все сквозь призму еще больше ухудшившегося положения черных. Они не поняли, что при капитализме самым важным результатом борьбы является укрепление единства народа и рост его сознательности.

Д-р Мартин Лютер Кинг, павший от руки убийцы в апреле 1968 г. в Мемфисе, был полон решимости еще больше укрепить силы, игравшие основную роль в десятилетие борьбы за гражданские права, и добиваться создания союза, способного поднять борьбу против бедности и расистского угнетения на новый уровень.

Кинг погиб, но его стратегия и цели продолжают подвергаться нападкам со стороны как правых, так и псевдоловых. Когда правящие круги по существу стремятся ликвидировать завоевания, достигнутые в десятилетие борьбы за гражданские права, вызывает удивление, что новые «революционеры» убеждены, что среди этих завоеваний нет ничего такого, что следовало бы защищать! Но администрация понимает и опасается того, чего не хотят видеть сверхбоевитые, — что десятилетие борьбы за гражданские права заложило основы для подъема борьбы в предстоящий период на значительно более высокий уровень.

Кингу стало очевидным, что необходимо выработать наступательную стратегию нового размаха. Обстановка требовала продолжения и даже расширения участия церковных кругов и средних слоев, а также студентов и интеллигентов — черных и белых, которые играли ведущую роль в 1954—1966 гг. Но Кинг понимал, что основой для перехода в наступление является мощь рабочего класса, действующего в коалиции со средними слоями, и направил все свои усилия на то, чтобы поднять на новый уровень роль рабочего класса в движении за осво-

бождение черных, за интересы обездоленных и угнетенных.

Коммунистическая партия США приветствовала этот исторический поворот в деятельности доктора Кинга и всецело поддержала его усилия, направленные на разработку наступательной стратегии и создание нового союза. Компартия видела в этом явление исключительной важности, даже несмотря на то, что Кинг еще не полностью понимал, что для успешного осуществления наступательной стратегии, имеющей своей целью ликвидацию классовой эксплуатации, расового угнетения и войн, требуется не только участие в борьбе сильного рабочего класса, но также руководство этой борьбой с его стороны всех составных частей без различия цвета кожи, вооруженных наукой социализма. Было очевидно, однако, что задолго до того, как Кинга убили, он начал переходить на антиимпериалистические позиции.

Существует поразительное противоречие в деятельности многих новых радикалов, появившихся в конце десятилетия борьбы за гражданские права. Поскольку они не понимают исторического значения этого периода и все больше ополчаются против него и его самого видного деятеля, постольку они невольно оказывают поддержку правящему классу, стремящемуся извратить в глазах масс значение этого периода.

В нынешней борьбе против жестокого экономического и социального гнета государственно-монополистического капитализма так называемые радикалы проповедуют концепцию «политической власти черных», а также сепаратизм, который ослабит, а не усилит политические позиции черных и не приведет к успеху в борьбе угнетенных и эксплуатируемых масс против правящего класса.

По мнению Стокли Кармайкла, «главная ошибка приверженцев теории коалиции заключается в том, что они выступают за союзы с группами, которые никогда не ставили своей главной целью необходимость полного переустройства общества»¹. Кармайкл не разъясняет, что он подразумевает под «полным переустройством общества». Единственным путем к этому является установление социализма. Но он выступает против него. Кармайкл так-

¹ S. Carmichael and C. Hamilton. Black Power, the Politic of Liberation in America. New York, 1967, p. 60—61.

же заявляет, что «реформы не могут избавить общество от расизма». Конечно, в принципе это верно, так как только уничтожение капитализма и установление вместо него социализма может полностью покончить с расизмом. Однако большинство черных, как и белых, масс стремится к улучшению своего положения уже сейчас. Они продолжают искать пути решения этих проблем, связанных им их общим эксплуататором и угнетателем — государственно-монополистическим капитализмом. Несмотря на это, Кармайкл призывает черных отвергать борьбу за реформы и выступать за «полное переустройство» общества. Одновременно он проповедует межрасовый раскол до осуществления полного единства черных.

Но это единство черных может быть достигнуто только в ходе революционного процесса, при котором развитие борьбы за расовое и классовое единство угнетенных и эксплуатируемых является целью и итогом любого сражения с расистскими угнетателями. Те, кто не понимает роли коалиции в борьбе народа за улучшение своего положения, не видят взаимосвязи между реформами и революцией. Первейшим условием для продвижения к ликвидации рабства наемного труда и расистского угнетения путем установления социализма является борьба против угрозы фашизма и за лишение монополистов господства в конгрессе и в федеральном правительстве.

Антикоалиционные взгляды, высказываемые Кармайклом, Формэном, Боггсом и другими, по существу направлены против создания единого фронта борьбы против «реакционных мер», при посредстве которых монополии готовят почву для установления фашизма. Однако, несмотря на раскольнический характер взглядов этих черных радикалов, необходимо сознавать, что главным препятствием на пути установления единства черных и белых в борьбе против общего врага является влияние расизма на белых рабочих. И первейшая задача заключается в том, чтобы возглавить борьбу против расистской идеологии и мобилизовать белых рабочих на борьбу против расизма и в поддержку освобождения черных, что является неотъемлемым условием для обеспечения их собственных классовых интересов.

Монополии стремятся добиться свертывания всех сторон буржуазной демократии, какой бы ограниченной она ни являлась, для того чтобы открыть дорогу фашизму.

В основе антимонополистической программы, выдвигаемой коммунистической партией, лежит стремление к стратегическому прорыву в борьбе за углубление и расширение демократии, что в огромной степени ускорит революционный процесс, прокладывающий путь к освобождению черных и к социализму.

Когда антимонополистические силы добьются ликвидации контроля государственно-монополистического капитала над конгрессом и правительством, то найдутся силы как внутри страны, так и на международной арене, которые способны будут отстоять завоевания, достигнутые в этой борьбе. Такая перспектива существует, и прежде всего потому, что силы классового и национального освобождения, возглавляемые Советским Союзом и другими социалистическими странами, коренным образом меняют в свою пользу обстановку в мире.

3.

Теория сепаратизма черного населения — орудие монополистической буржуазии

Книги и статьи, в которых положение черных в США приравнивают к положению колониального народа, написаны белыми радикалами, которые предали забвению борьбу против расизма, и черными радикалами, которые словесными рассуждениями о путях к освобождению подменяют прямое участие в борьбе за это. Эти радикалы содействуют осуществлению стремления правящего класса помешать освободительному движению черных взять на свое вооружение победоносную стратегию, заключающуюся в укреплении самоорганизованности освободительного движения черных и одновременном сплочении в новом союзе этой независимой силы с силой союзников — рабочим классом, состоящим из рабочих всех цветов кожи, и всеми бедными и эксплуатируемыми. Это является основой для создания антимонополистической коалиции — единственной стратегии, которая открывает путь к будущему без расизма, эксплуатации, бедности и угнетения.

Не будет большой натяжкой заявить, что те, кто находятся под влиянием идеологии, не считающей массы

черных и белых способными бороться против расизма и эксплуатации, готовы воспринять любую теорию, которая предлагает вроде бы «короткий путь» к массовой борьбе.

В последнее время эти «короткие пути» пропагандируются в форме «немедленной революции», «городской партизанской войны», идеи, что «винтовка рождает власть», и т. д. Однако, по мере того как становится все более ясным, что такая болтовня служит препятствием для развития массовой борьбы, на свет в качестве нового средства увода от борьбы появилась теория «внутренней колонии». Имеется также масса материалов, написанных и опубликованных непосредственно представителями правящего класса, в них также во многих случаях проявляется новая степень изощренности.

Возьмем, например, доклад национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам, публикация которого несколько лет назад вызвала довольно большую шумиху. Этот документ, обычно называемый «доклад Кернера», был подготовлен комиссией под председательством бывшего губернатора штата Иллинойс О. Кернера, назначенной президентом Л. Джонсоном после восстаний 1967 г. в гетто в Ньюарке и Детройте. Доклад Кернера по своему классовому содержанию отражает интересы государственно-монополистического капитализма. Но он придал псевдореволюционной теории «черной колонии» либеральное звучание, заявив, что страна раскололась на «два общества» и что такое положение может стать постоянным. Вот слова доклада: «Продолжение нынешней политики может сделать постоянным разделение нашей страны на два общества: одно — негритянское и бедное в центральных городах, а другое — преимущественно белое и обеспеченное в пригородах и прилегающих районах»¹.

Сходство между этим заявлением и теорией «черной колонии» очевидно: все радикальные приверженцы этой концепции также считают, что страна состоит из «двух обществ». Но в Соединенных Штатах не существуют и не могут существовать два сепаратных общества. Сегрегация и тройное угнетение черного населения имеют ме-

¹ «Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders». New York, 1968, p. 22.

сто в рамках одной системы, — системы, которая сосредоточивает все формы классового и расистского угнетения в одном обществе, основанном на единой экономике.

Концепция сепаратных обществ, излагается ли она в виде «внутренней колонии» или «двух обществ», скрывает, а не объясняет особый характер сегрегации и тройного угнетения черного населения в рамках того же общества, той же экономической системы, в которой господствуют те же расистские монополисты, которые осуществляют контроль над жизнью как белых, так и черных масс.

В докладе Кернера проповедуется вытекающая из теории «внутренней колонии» концепция о «двух обществах» с целью прямой поддержки сепаратистской фантазии о «черном капитализме». Но этим самым одновременно питаются и иллюзии о сепаратистской «черной революции». Скрывая особый характер угнетения черных, доклад Кернера отражает стремление помешать угнетенным взять на вооружение стратегию освободительной борьбы, исходящую из того, что все население США живет в условиях единой экономики и единого общества.

Утверждая существование «двух обществ», комиссия также выдумала некое «преимущественно белое и обеспеченное общество», тем самым скрывая роль монополий в особом угнетении черного населения в целом, сверхэксплуатации черных рабочих и эксплуатации белых рабочих. Таким образом, комиссия преподнесла выдумку о том, что условия жизни и классовые интересы белых рабочих сборочного конвейера «Дженерал моторс» идентичны условиям жизни и интересам правления директоров этой компании и поэтому противоположны условиям жизни и классовым интересам их сотоварищей — черных рабочих.

Доклад Кернера искусно использует «радикальные» концепции проповедников сепаратизма с целью закамуфлировать истинный смысл стратегии Вашингтона и Уолл-стрита. В нем всячески эксплуатируется концепция «сепаратного общества» — «сепаратной колонии» — в попытке сбить с истинного пути освободительное движение черных посредством выдуманной приманки «черного капитализма», «обогащения гетто». «Мы полагаем, — говорится в докладе, — что единственно возможным курсом

для Америки» является политика, «которая сочетает обогащение гетто с программами, призванными способствовать интеграции значительного числа негров в общество в целом»¹.

Когда комиссия предлагает, чтобы «значительному числу» черных (читай: небольшой группе черной мелкой буржуазии) были предоставлены кое-какие возможности за пределами гетто, тогда как огромное большинство, которому предлагают иллюзию «обогащения» в условиях «черного капитализма», должно оставаться в гетто, мы более ясно можем увидеть связь между теориями «двух обществ» и «внутренней колонии» и стратегией борьбы монополий против освободительного движения черных.

За содействие осуществлению целей монополистов черной буржуазии предлагается миф об «обогащении» гетто, что по существу означает увековечивание сегрегации и неравенства черного населения в рамках единой экономики монополистического капитализма.

Единственный путь к «обогащению» народа лежит через создание мощной антимонаполистической коалиции под руководством черных и белых рабочих, которая в борьбе за ликвидацию господства монополий над экономикой может добиться освобождения черных и покончить вообще с бедностью и эксплуатацией.

Концепция о том, что черные американцы являются «колоннальным» народом, живущим в «слаборазвитых» городских анклавах, на руку расистской империалистической идеологии и стратегии. В основе этой стратегии лежит стремление навязать черному населению концепцию «самопомощи», суть которой заключается в примирении с расизмом, сегрегацией, бедностью и неравенством. В соответствии с этой идеей черное население не должно требовать равноправного участия во всей экономике страны, а должно определять «свою собственную судьбу» посредством «черного капитализма» в гетто, оторванных от экономики, созданию которой черные способствовали.

Принять в любой форме концепцию аналогии с колонией — значит позволить псевдорадикальным теориям подготовить нас к восприятию империалистической идеологии и тем самым к капитуляции перед наступлением

¹ «Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders», p. 24.

монополистического капитализма на освободительное движение черных.

В отличие от порабощенного колониального народа, составляющего большинство в рамках единой, хотя и слаборазвитой экономики, черное меньшинство США сегрегировано в городских гетто не из-за слабого экономического развития, а вследствие расизма и неравенства в рамках наиболее развитой экономики капиталистического мира.

Черное население США отвергает обманную, хотя и радикально звучащую концепцию аналогии с колонией, так как не согласно на увековечивание неравенства под предлогом преодоления «слабого развития» в рамках самой промышленно развитой экономики мира.

Теория «внутренней колонии» своей видимостью националистической боевитости маскирует как консервативное, так и «радикальное» примиренчество с государственно-монополистическим капитализмом — примиренчество с новыми и бесплодными формами «самопомощи», которые являются не чем иным, как ложными альтернативами борьбе против расистских угнетателей.

Черный бизнес всегда играл незначительную роль даже в самих гетто. А капитализм на нынешней стадии обрел форму гигантских конгломератов, которые во все большей степени поглощают весь мелкий бизнес. Путь пролегает в рамках широкой, всеохватывающей народной стратегии, направленной на развитие антимонополистического движения, решающей силой которого является рабочий класс, состоящий из людей всех цветов кожи, вместе с организованным освободительным движением черных.

Когда мы говорим о власти, то имеем в виду политическую власть — переход власти от одного класса к другому. Гражданская война в США увенчалась переходом власти от рабовладельцев к поднимавшемуся классу капиталистов. Ныне монополистический капитализм контролирует всю экономику Соединенных Штатов. Поэтому любой разговор о самоопределении в гетто является обманом. И это, конечно, касается концепции «уджамаа» (кооперативная экономика), проповедуемой Амири Баракой и толкуемой им следующим образом: «Уджамаа означает создавать и поддерживать наши собственные магазины, предприятия и т. д. и получать совместно

выгоду от них». Барака предлагает черным не стратегию освободительной борьбы, а рецепт буржуазно-националистического примирения с белым правящим классом вопреки интересам черного населения.

Если когда-либо в США и существовала возможность создания сепаратной экономики для черных, то это было до превращения сельского хозяйства на Юге в крупнокапиталистическое. С широким вторжением монополистического капитала на весь Юг вообще исчезла какая-либо возможность существования сепаратной экономики. Районы Юга, где раньше черные составляли большинство населения, стали неразрывной частью общенациональной экономики, в которой королем является не хлопок, а Уолл-стрит.

Достаточно лишь сопоставить положение народа Пуэрто-Рико, находящегося под господством американского империализма, с положением угнетенного черного населения США, чтобы понять неправомерность концепции «внутренней колонии».

Народ Пуэрто-Рико проживает на территории, на которой он составляет большинство. Экономика Пуэрто-Рико, привязанная сейчас к империализму США и находящаяся под его господством, может быть отделена от экономики США. И главным требованием пуэрториканского народа является требование политической независимости, так как Пуэрто-Рико насильственно удерживается в орбите монополистического капитализма США под прикрытием формулы о так называемом «содружестве». Пуэрториканские буржуазные националисты, однако, продолжают выступать против политической независимости. Требованию независимости они противопоставляют миф об определении пуэрториканцами своей судьбы совместно с США в рамках «содружества». Тем самым позиция пуэрториканских буржуазных националистов смыкается с позицией империализма США. Монополисты не боятся предлагать Пуэрто-Рико, где имеется собственная экономика, «право» «совместно определять» с конгрессом США судьбу этой страны. Любая формула о так называемом совместном контроле над Пуэрто-Рико является обманом. Пуэрториканское освободительное движение выступает не за совместный контроль или участие в любой форме в экономике США — оно требует

положить конец так называемому совместному контролю над экономикой своей страны.

Перед большинством людей всех рас и слоев во главе с черными и белыми рабочими стоит задача покончить с господством монополий над правительством и экономикой. И только такая антимонополистическая борьба, которую черное меньшинство может успешно осуществлять не изолированно, а лишь в единстве с нечерным большинством, приведет к установлению совместной власти народа и переходу экономики под его контроль.

Не странно ли, что это тот же самый империализм США, который преднамеренно поощряет все формы сепаратистских фантазий среди черных, в том числе и «самоопределение» для людей, которые не объединены общей территорией или самостоятельной экономикой, а рассеяны по всей стране.

Идеология сепаратизма, т. е. определения «судьбы черных» только путем их собственных усилий, что означает отказ от совместных действий с нечерными противниками господства монополий, искажает смысл важных аспектов борьбы за освобождение черных. Черные не смогут добиться осуществления своих целей, если они ограничатся борьбой за установление «контроля над общинами», являющейся лишь одним из важных элементов борьбы за то, чтобы вырвать контроль над страной из рук монополий. Задача заключается в создании мощного народного движения против общего врага — монополистических наследников рабовладения. Такова должна быть стратегия борьбы черного населения в наше время — стратегия борьбы за освобождение черных.

4.

Антиреволюционность теорий «немедленной революции» и «выживания»

Почему надежды многих по-боевому настроенных и смелых черных молодых людей, которые примкнули к организации «Черные пантеры», обернулись разочарованием и даже трагедией? Выдвигая идею вооруженной самозащиты, «пантеры» предоставляли поднимавшейся на борьбу черной городской молодежи ложный выбор, отвлекая

ее от задачи достижения единства масс и развития массовой борьбы.

В 1966 г. политическая реальность требовала, как требует и сейчас, более активных форм организованной массовой борьбы.

В какой-то момент казалось, что «Черные пантеры» начинают отходить от своих первоначальных концепций, в которых борьба масс подменялась действиями небольшой группы избранных, и поворачиваются к марксистско-ленинскому учению. Но вместо соединения теории с практикой действия, предпринятые партией «Черные пантеры», привели к сугубо сектантскому извращению марксистско-ленинских принципов, лежащих в основе идеи единого фронта. Политика и практика организации по-прежнему не отвечали интересам классовой борьбы и освободительного движения черных. Становится все более очевидным, что партия «Черные пантеры» восприняла лишь некоторую терминологию марксизма-ленинизма, но не саму его идеологию.

На таком фоне внутренние противоречия в партии «Черные пантеры» вылились во фракционную борьбу и в условиях, когда ни одна из фракций не руководствовалась научной теорией, привели к неизбежному расколу. Сейчас существуют отдельные группы, образовавшиеся вместо «Черных пантер», которые придерживаются в одинаковой степени антимарксистских взглядов на принципиальные вопросы борьбы за классовое и национальное освобождение.

Когда руководители «Черных пантер» размахивали цитатником Мао и болтали о вооруженной борьбе, к ним примкнули и некоторые белые радикалы из средних слоев, которые также выступили с «новыми» интерпретациями марксизма. Все это способствовало замешательству и путанице в умах в университетах, в гетто и в движении за мир.

Псевдобоевитость руководителей «Черных пантер» сделала их собственную организацию и ее сторонников особенно уязвимыми для расправ и преследований по всей стране. И более того, их «сверхреволюционаризм» сделал движения за освобождение черных и против войны и бедности более уязвимыми перед лицом возросших репрессий. Они никогда не строили свою тактику на основе опоры на рабочий класс и его революционное уче-

ние — марксизм-ленинизм. В настоящий момент, когда одна группа идет по ультралевачьему пути, а другая стоит на правооппортунистических позициях, обе они строят свою политику на основе опоры на люмпен-пролетариат.

В настоящее время в цитадели империализма в эпоху его заката резко возрастает армия безработных. Вместе с этим увеличивается и число люмпен-пролетариев. Однако эти группы не сливаются, каждая сохраняет свои характерные особенности.

Те, кто считает люмпен-пролетариат революционным авангардом, игнорируют объективные закономерности исторического развития. При докапиталистических формациях нищета и угнетение проявлялись в еще более острых формах, чем при капитализме. Но гнет, каким бы жестоким он ни был, не создает сам по себе условий для борьбы за ликвидацию угнетения.

Без участия рабочего класса не может произойти никаких кардинальных перемен или быть брошен вызов господству монополистов. А сейчас возросшее число черных рабочих в ведущих отраслях промышленности, таких, как металлургическая, угольная, автомобильная, и на транспорте открывает новые перспективы для классовой борьбы и освобождения черных.

Эти черные рабочие подвергаются эксплуатации так же, как и их товарищи — белые рабочие. Но по сравнению с белыми рабочими они еще подвергаются и расистской сверхэксплуатации, выражающейся в том, что они имеют самую худшую работу, всегда нанимаются последними и увольняются первыми.

Степень эксплуатации черных рабочих значительно выше, чем белых рабочих. Тем не менее все рабочие коллективно страдают от эксплуатации в ведущих отраслях промышленности. Это создает объективную основу для их солидарности и единства и осуществления руководящей роли в борьбе против монополистического правящего класса.

В то же время история возложила на черных рабочих двойную ответственность: быть руководящей силой освободительного движения черных и сыграть важнейшую роль в осуществлении рабочим классом руководства антиимпериалистической борьбой в целом. Именно страх монополистов перед единством рабочего класса, единством рабочих всех цветов кожи, которое может в свою

очередь создать базу для еще более широкого единства народа, лежит в основе расизма и антикоммунизма — главного идеологического оружия правящего класса.

Марксизм-ленинизм эпохи империализма является единственно подлинным идеологическим оружием рабочего класса. Он научно указывает рабочему классу путь соединения его борьбы с борьбой национально-освободительных движений против империализма.

Никакая другая теория не открыла перед рабочим классом, народом какой-либо страны в мире пути к освобождению от империализма. Начиная с Октябрьской революции в России только те, кто руководствовался марксизмом-ленинизмом, смогли освободиться от классового и национального угнетения и стать на путь строительства социализма.

Теория об авангардной роли люмпен-пролетариата объективно означает капитуляцию перед правящим классом, потому что только рабочий класс может возглавить борьбу против бедности и эксплуатации. И эта теория не только не может предложить наступательную стратегию в борьбе за освобождение, но и без руководства борьбой со стороны рабочего класса люмпены сами не смогут обеспечить себе удовлетворения даже собственных минимальнейших нужд.

В ожидании, когда революция магическим образом произойдет сама по себе, некоторые ищут коротких путей («немедленная» революция), а другие придумывают программы «выживания». На самом же деле в основе обеих этих концепций лежит отказ от признания того, что в центре стратегии нынешнего этапа революционного процесса стоит антимонополистическая борьба.

Марксизм требует безусловно исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически конкретной обстановки — значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции в зависимости от различных условий — политических, национально-культурных, бытовых и т. д. — различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы, а в связи с этим в свою очередь видоизменяются и второстепенные, побочные формы борьбы¹.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 1—2.

Маркс, Энгельс и Ленин отвергали как правооппортунистические иллюзии утверждения о том, что переход от капитализма к социализму будет неизбежно носить мирный характер, так и «левый» оппортунизм, провозгласивший вооруженную борьбу единственным путем к социализму для всех стран.

Правые оппортунисты нашего времени также предрекают, что вооруженная борьба не будет необходима, тогда как «левые» оппортунисты утверждают, что она является неизбежной. Марксизм-ленинизм отвергает и ту и другую формы оппортунизма, в равной степени стремящиеся разоружить борющиеся массы.

Отвергая «левацкие» концепции о неизбежности вооруженной борьбы, коммунистическая стратегия одновременно отвергает и правооппортунистические иллюзии о том, что переход к социализму возможен без остройшей классовой борьбы в сочетании с борьбой всех угнетенных за ограничение и нанесение поражения власти расистских монополий. Как писал В. И. Ленин, «пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития — значит покинуть совершенно почву марксизма»¹.

Существование социалистических стран — самая важная сила в мире. Она создает благоприятные условия для борьбы за классовое и национальное освобождение, которую невозможно втиснуть в узкие рамки псевдотеоретиков и остановить отчаянными репрессиями империализма.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 2.

О КОНЦЕПЦИЯХ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ В КАНАДЕ

1. Социально-экономические аспекты кризиса федерации

На протяжении всего периода развития канадской федерации английские, а затем англоканадские буржуазные круги проводили дискриминационную политику в отношении франкоканадских меньшинств, проживающих за пределами Квебека, и постепенно захватили ключевые позиции в экономике франкоканадской провинции.

С начала XX в., по мере складывания государственно-монополистического капитализма в США, а затем в Канаде, национальные конфликты между французской и английской частями Канады углублялись.

К главным факторам, обусловившим нынешний кризис канадской федерации, относятся социально-экономические перемены в Квебеке, явившиеся результатом развития капиталистических форм хозяйства. Наиболее важными из них явились рост промышленного производства, городского населения и рабочего класса. С 1926 по 1966 г. городское население провинции Квебек выросло с 40 до 70% всего самостоятельного населения; сельскохозяйственные рабочие, составлявшие в 40-е годы $\frac{1}{4}$ всего за-

нятого населения, к 1966 г. насчитывали лишь 6%¹. В 1971 г. городских жителей было уже 81% (6,4 млн. человек) — примерно столько, сколько в соседней с Квебеком провинции Онтарио.

Неравномерное развитие капитализма не могло сохранять политическое равновесие внутри федерации ввиду различий в темпах социально-экономического развития провинций, особенно ощутимых при сравнении Квебека и Онтарио. Экономическое отставание Квебека после второй мировой войны во многом объяснялось слабостью франкоканадской буржуазии, неконкурентоспособностью ее товаров, обладавших высокой себестоимостью, отсутствием необходимого количества национальных инженерно-технических кадров и квалифицированной рабочей силы. В наиболее ведущих и крупных отраслях экономики руководящие посты занимали лица американского и англоканадского происхождения. На долю национальной франкоканадской буржуазии приходилось сельское хозяйство, мелкое производство, сфера кредита, розничная торговля. «В остальном, — указывал мэр Монреаля Ж. Драпо, — мы все больше становимся служащими крупных англоканадских и американских монополий»².

В 50-е годы в Квебеке на предприятиях большинства отраслей экономики интенсивно использовалась рабочая сила низкой квалификации. До середины 60-х годов провинция фактически не имела сталелитейной, автомобильной и других отраслей промышленности, где обычно применяется квалифицированная рабочая сила. В 1958 г. франкоканадцы составляли только 10,5% среди 7 тыс. высокопоставленных чиновников федеральных министерств, а большинство франкоканадских служащих использовалось на самых низших ступенях сферы услуг.

Квебек является провинцией с одним из самых высоких в Северной Америке уровней безработицы. В 1970 г. в Квебеке находилась 1/4 часть общеканадской рабочей силы и 41% безработных страны. Таким образом, в ходе развития канадского государственно-монополистического капитализма не только сохранялись, но и усиливались

¹ T. B. Bottomore. *Critics of Society*. New York, 1966, p. 114.

² J. Drapeau. *Drapeau vous parle*. Montreal, 1959, p. 84.

факторы, порождающие центробежные тенденции (сепаратизм) в Квебеке.

Ввиду того что управленческие функции на большинстве крупных иностранных предприятий осуществляют лица англосаксонского происхождения и они же контролируют ведущие отрасли экономики¹, французский язык не является для них рабочим языком. Сохранение «языкового барьера» во взаимоотношениях между административным и инженерным персоналом, с одной стороны, и франкоканадскими трудящимися — с другой, не соответствовало соотношению численности населения этих двух наций в Квебеке. Франкоканадцы составляют в Квебеке 82%, в то время как на англосаксонский сектор приходится немногим больше 16%². Фактором, обостряющим лингвистическую проблему, является иммиграционный поток, в результате которого происходят национальные коллизии, но уже между франкоканадцами и «новыми квебекцами» — выходцами из Европы³.

Таким образом, развернувшийся за последние 25 лет процесс индустриализации Квебека, в основном за счет иностранных капиталовложений, сопровождался обострением самых различных, как по характеру, так и по времени возникновения, проблем (культурно-языковых, социально-экономических и политически-правовых), которые в своей совокупности явились источниками длительной внутривнутриполитической напряженности в стране.

2.

«Тихая революция»⁴:

причины, цели и результаты

Стремление американских и англоканадских монополистических кругов поддерживать отсталые социальные от-

¹ E. Corbett. Quebec Confronts Canada. Toronto, 1967, p. 196.

² По некоторым данным, в 1970 г. в Квебеке насчитывалось 1 млн. человек, говорящих по-английски, и 5 млн. — по-французски («New York Times Magazine», December 6, 1970, p. 148).

³ Большинство иммигрантов нефранцузского происхождения, приезжающих в Квебек, предпочитают давать своим детям образование на английском языке. Это увеличивает среди канадских французов чувство национальной ущемленности, проявлением которого служат усиливающиеся сепаратистские настроения.

⁴ «Тихая революция» — понятие, часто встречающееся в буржуазных исторических исследованиях и в прессе и означающее в политическом смысле «тихое движение Квебека к особому автономному статусу в рамках канадской федерации».

ношения в Квебеке с целью использования франкоканадских трудящихся — одних из самых дешевых в Северной Америке рабочих рук — полностью отвечало внутренней политике правящей партии Национальный союз, стремившейся сохранить социальную базу своего политического господства. Но в условиях развития государственно-монополистического капитализма в Канаде, затронувшего и ее французскую часть, притока иностранных инвестиций в экономику провинции, неизбежно происходил подрыв социальной базы корпоративно-клерикального режима. «Противоречивость результатов капиталистической колониальной политики заключается в том, — указывает буржуазно-либеральный историк А. Смит, — что она направлена на сохранение политического статус-кво для беспрепятственной эксплуатации колониальной и полуколониальной рабочей силы и источников сырья. Но одновременно в ней заложен фактор модернизации, неизбежно ведущий к появлению квалифицированных категорий рабочей силы»¹.

В огромной степени с действием этого фактора связано увеличение общественно-экономической роли рабочего класса, национальной буржуазии и интеллигенции, которые временно консолидируются против старых группировок, типичных для отсталых аграрных обществ. Именно этот процесс переживала французская Канада в 50—60-е годы. Начиная с 50-х годов в Квебеке ускоряется процесс урбанизации, происходит мощная миграция в города разорившейся мелкой сельской буржуазии, сопровождающаяся ростом удельного веса в самостоятельном населении городских слоев. Экономические сдвиги в провинции обострили проблему среднего и высшего образования. Поддерживая связи с иерархией католической церкви, правительство Дюплюсси всячески упорствовало в защите религиозного контроля над образованием, стремилось отстранить его от всякого общественного контроля. В силу этого классические колледжи и университеты, патронируемые церковью, делали основной упор на выпуске адвокатов, нотариусов, священников, историков и филологов, в то время как англоканадский сектор образования в Квебеке и в Канаде в целом подготавливал инженеров, экономистов, менеджеров и т. д. Только

¹ A. D. Smith, *Theories of Nationalism*. London, 1971, p. 71—72.

¹/₁₀ часть учащихся Квебека получала технические знания.

Указанные аспекты внутренней политики Национального союза пришли к неизбежному столкновению с процессами, подтачивающими общественную основу социальной доктрины корпоративизма. Традиционный замкнутый национализм, обращенный вовнутрь, не мог долго существовать в условиях американского и англоканадского господства в Квебеке, глубокого внедрения иностранного капитала и монополий в хозяйственную жизнь провинции, усиления наднациональных форм эксплуатации. Поскольку корпоративно-клерикальный режим, в рамках которого истинной властью Квебека были не законодательные органы, а церковная иерархия, не давал простора социально-экономическому развитию в той мере, в которой это было необходимо франкоканадской буржуазии, его надо было устранить.

В связи с этой задачей модифицируется концепция национализма. По словам С. Уолша, лидера Компартии провинции Квебек, «потребовался совершенно иной подход к использованию франкоканадского национализма, отличный от реакционной, непопулярной, клерикальной традиции Национального союза»¹.

Если консервативно-клерикальные националисты во всяких буржуазных реформах усматривали угрожающие признаки англоканадского вмешательства, то «новые националисты», в частности из «левого крыла» либеральной партии провинции, выражавшие интересы буржуазно-реформистских кругов Квебека, именно с реформами связывали национальные интересы. Связь между сепаратистскими концепциями и буржуазно-реформистскими программами развития провинции наметилась в период пребывания у власти правительства либеральной партии Ж. Лесажа (1960—1966 гг.), взявшей курс на индустриальное развитие Квебека, перестройку системы образования, создание национальных инженерно-технических кадров, национализацию металлургической промышленности и гидроэнергоресурсов. Давая картину идейных настроений, господствующих в этот период в провинции, Э. Корбетт писал: «Понимание необходимости реформ пустило настолько глубокие корни в сознании франкоканадцев,

¹ «Communist Viewpoint», 1972, N 4, p. 20.

что даже церковь вынуждена приспособливаться к новым веяниям. Понятие «нация» перестало быть связанным в среде интеллигенции и мелкой буржуазии с религиозной принадлежностью. Большинство новых лидеров из националистов рассматривают церковь лишь как один из аспектов политико-социально-экономического комплекса, государство и экономика являются основными сферами их интересов и внимания»¹.

На характер взглядов и форм борьбы, используемых мелкобуржуазными националистами, большое влияние оказала международная обстановка, национально-освободительные революции в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Эти революции служили для франко-канадских националистов как правого, так и левого толка обоснованием необходимости предоставления Квебеку суверенитета. «С конца второй мировой войны, — писал один из деятелей «Движения за национальное освобождение» (РИН), М. Шапю, — более чем тридцать стран, бывших колоний, освободились от иностранной опеки и добились национального и международного авторитета. Только в 1960 г. 17 африканских колоний, из которых 14 франкоязычных, приобрели независимость. А сегодня франкоканадский народ начинает подниматься, чтобы занять свое место среди свободных наций»².

Нельзя отрицать, что национально-освободительные революции повлияли на усиление антимонополистической и антиимпериалистической тенденции в национальном движении Французской Канады. Но вместе с тем имело место механическое перенесение моделей национальных движений в развивающихся странах на канадскую почву.

Усиление мелкобуржуазного радикального потока в национально-демократическом движении франкоканадцев со второй половины 60-х годов сопровождалось распадом альянса, позволившим либеральной партии Ж. Лесажа прийти к власти в 1960 и 1962 гг., и было связано с крутым поворотом либералов от «тихой революции» к федерализму. Основные задачи, поставленные франкоканадской буржуазией перед партией, были выполнены к 1966 г. и включали более широкое участие буржуазии

¹ E. Corbett. Quebec Confronts Canada, p. 35.

² M. Chaput. Pourquoi je suis separatiste. Montreal, 1961, p. 18.

в промышленности и финансах; перестройку системы образования для обеспечения современной индустрии квалифицированными национальными кадрами; национализацию гидроэнергетических ресурсов.

Однако участие в либеральном кабинете министров и в теновом кабинете партии Национальный союз мелкобуржуазных националистов сыграло большую роль в провозглашении лозунга «национального пробуждения», втянувшего в активную политическую жизнь мелкую городскую буржуазию с интересами и социальными устремлениями, все больше несовпадающими в дальнейшем с интересами буржуазных либералов. Явная ограниченность буржуазно-либеральных реформ нашла отражение во внутрипартийной борьбе, в различных подходах к решению национального вопроса.

На XII съезде либеральной партии в 1966 г. выявились расхождения взглядов между сторонниками Ж. Лесажа и «левой» группой, возглавляемой министром природных ресурсов Р. Левеком. Лесаж отстаивал федералистскую платформу, в то время как Левек и министр образования П. Лажуа выступали за безусловную автономию Квебека и создание независимого франкоканадского государства.

Размежеванию в ведущей буржуазной партии провинции способствовал нажим на нее со стороны как крупного англоканадского финансового капитала, так и сепаратистских течений.

Заправила Сент-Джеймс-стрита, центра англоканадского капитала, столкнувшись с фактом роста новой волны национального подъема, были крайне встревожены. Финансовые круги решили не оставлять никаких следов от «тихой революции», считая, что дальнейшее пребывание мелкобуржуазных представителей в руководстве либеральной партии подвергает опасности «социальный климат» в Квебеке. Они потребовали «очищения» от них партии.

«Чистка» в либеральной партии открыла мелкой буржуазии каналы для самостоятельного выдвижения ее на политическую сцену. Единое организационное выражение мелкобуржуазный, или «новый», национализм получил в 1968 г. После выхода Левека из либеральной партии в 1966 г. он создает партию под названием Ассоциации сторонников суверенитета (АСС), насчитывающую

около 8 тыс. членов. Ее целью было провозглашено «достижение полного суверенитета для Квебека и создание социалистического государства, которое поддерживало бы с остальной Канадой отношения типа европейского «Общего рынка». Под «социализмом» Левек понимает социал-реформистские концепции; образец для будущего независимого государства Квебек он видел в Скандинавских странах. В 1968 г. АСС слилась с правой организацией Национальное объединение, возглавляемой Ж. Грегуаром. После этого слияния АСС была переименована в Партию Квебека (ПК). В 1968 г. к ней присоединилась самораспустившаяся РИН. ПК взяла на вооружение тезис АСС о том, что политически независимый Квебек вступит в тесный экономический контакт с английской частью Канады, который был рассчитан на привлечение в партию различных социальных слоев.

Партия Квебека выражала в основном интересы мелкобуржуазных слоев, стремившихся использовать независимое государство, в котором бы ей предоставилась возможность полностью или на паритетных началах с национальной буржуазией контролировать внутренний рынок Квебека.

3. Отделение или новая конституция?

Обострение национального вопроса в Канаде вызвало беспрецедентную в истории страны идейную полемику. До недавнего времени широко дискутировались проблемы соотношения нации и государства, федеральных и провинциальных полномочий и, наконец, будущего конституционного развития. Вопрос о правомочности франкоканадцев по созданию независимого государства занимает центральное место в различных буржуазно-националистических теориях. Этот вопрос служит и водоразделом двух основных лагерей — сторонников и противников коренного изменения конституции. С точки зрения дилеммы: должен ли Квебек оставаться в системе федерации и на каких условиях или необходимо его политическое отделение от остальной Канады — авторов множества взглядов и мнений можно разделить на три основные группы:

1) сторонники безусловного отделения; 2) защитники «особого статуса» и 3) сторонники незыблемости конституции Канады в своей основной части. Первое направление включает довольно широкий социальный спектр лиц различных политических убеждений, начиная от крайне правых реакционных кругов и кончая ультралевыми группировками; ко второму направлению относятся преимущественно деятели буржуазных и мелкобуржуазных умеренно-националистических партий провинции Квебек (Либеральная, Национальный союз, Партия Квебека); к третьему относятся политические буржуазные круги, твердо отстаивавшие принцип «кооперативного федерализма» и выдвигавшие в качестве уступки франкоканадцам буржуазный принцип «культурно-языковой автономии». Общие моменты, присущие в равной мере как традиционному сепаратизму, так и мелкобуржуазному «новому национализму», заключаются в требовании «независимого франкоязычного национального государства». Большинство сепаратистов разделяют взгляд, согласно которому Квебек должен получить независимый статус или в прямом политическом смысле, или в смысле ослабления связей провинции с остальной частью Канады в такой мере, в которой это позволит ей обеспечить де-факто самоуправление. Сторонники этого взгляда утверждали, что «Квебек никогда не сможет защитить себя, будучи в рамках конфедерации, поскольку централизаторские тенденции, присущие федеративному государству, неумолимы и действуют в интересах англоканадцев»¹.

Такой взгляд разделяли и некоторые ученые, далекие от сепаратистского решения национального вопроса. Указывая на «нормальную тенденцию» федераций концентрировать власть в центральных органах, профессор Монреальского университета Ж. Битс выражает твердую уверенность, что федерация не имеет иного выбора, кроме «постепенной централизации» или «распада». Далее автор указывает, что ни одна поправка в конституции Канады начиная с 1867 г. не повлияла на характер и размеры полномочий провинций. Больше того, заявляет Битс, Акт о Британской Северной Америке дает широкий простор для расширения компетенций федеральных орга-

¹ G. M. Craig. The United States and Canada. Cambridge, 1968, p. 285.

пов путем его юридической интерпретации, даже без всяких ссылок на конституционные поправки, тогда как провинции имеют мало шансов для расширения узких рамок юрисдикции без конституционных изменений¹.

Помимо националистов, требовавших безусловного отделения Квебека, имелись политические группировки, придерживавшиеся более умеренного курса. Их объединял отказ от сепаратизма как способа сохранения франкоканадского общества. Все они усматривали будущее провинции в рамках конфедерации и выступали за сохранение федеральных институтов. Например, сотрудник буржуазной провинциальной газеты «Девуар» Ж. М. Лергер, предупреждая против «опасной иллюзии», что происходит процесс «национальной эмансипации», утверждал, что конфедерация обеспечивает Квебек всеми необходимыми средствами для «сепаратного культурного существования»². С сепаратистами сторонников такого взгляда объединяет признание «партикулярных» черт, присущих Квебеку, и «культурной уникальности» франкоязычного общества³. К умеренному крылу можно отнести авторов и последователей теории «особого статуса». Теоретическую возможность предоставления такого статуса без изменения конституции допускает бывший декан Юридической школы при Макгильском университете Ф. Скотт. Он не видит никакого противоречия между формулой «особого статуса» для одной провинции и концепцией федерализма, полагая, что существует достаточно «пространства» для маневрирования⁴. Уже упоминавшийся Битс не считал непреодолимыми трудности в решении вопроса о реализации «особого статуса», хотя одновременно выражал сомнение в возможности сохранения Квебеком отличительных черт в рамках конфедерации.

Тщательно разработанный план создания новых конституционных рамок, в которых Квебек имел бы «особый статус», был выдвинут профессором права Шербрукского университета и членом Палаты общин М. Алардом в виде формулы «позитивного федерализма», основанной

¹ E. Corbett. Quebec Confronts Canada, p. 165.

² «Le Devoir», 17 fevrier, 1964, p. 4.

³ E. Corbett. Quebec Confronts Canada, p. 170.

⁴ «Maclean's», June 1962, p. 17—19.

на системе принципов, которые должны определять отношения между Оттавой и провинциями. Они включают равноправие провинций, ясные рамки полномочий и «конституционный приоритет» над парламентскими и административными прецедентами. В области конституционных реформ Алард предлагает передать провинциям часть полномочий федеральных органов («остаточные полномочия»), учредить конституционный суд, состоящий из равного числа судей, назначаемых федеральным правительством и правительствами провинций; предоставить Квебеку права на осуществление некоторых международных операций, полномочия в сферах образования и экономики. Принцип паритетности лежит в основе всех выдвигаемых Алардом конституционных реформ¹.

К сторонникам концепции «особого статуса» примыкал и Ж. Лесаж. Обосновывая свои первые мероприятия, проводимые в политической² и социально-экономической областях в период «тихой революции», он убеждал федеральное правительство, что стремится к осуществлению в полной мере тех прав Квебека, которые были предоставлены ему в соответствии с конституцией. Эти права предусматривают полное невмешательство федеральных органов в дела провинции³. Хотя такой взгляд разделяли и правоконсервативные политические круги, цели осуществления этой конституционной уступки были различны. В отличие от последних Лесаж не считал эффективным средством контроль над сохранением языка, обычаев и религии в качестве гарантии выживания квебекского партикуляризма. Он считал, что национальное выживание зависит прежде всего от того, насколько эффективно провинциальное правительство в состоянии использовать, опираясь на юрисдикцию, социально-экономические фак-

¹ «La Presse», 7—10 septembre, 1965; «Le Devoir», 7 février, 1966, p. 5.

² В 1962 г. Ж. Лесаж пошел на такой политический шаг, как отделение провинциальной либеральной партии от одноименной федеральной. После этого либеральная партия провинции получила наименование Федерации либералов Квебека.

³ Выступая на законодательной сессии в 1966 г., Лесаж высказался против интерпретации федеральной ответственности в экономической и налоговой сферах, выдвинутых премьер-министром Канады Л. Пирсоном. Лесаж заявил, в частности, что Квебек должен сам контролировать область социального развития и с этой целью должен иметь необходимые финансовые средства.

торы¹, предлагая новые методы в политике. Эти методы предполагали отказ от обветшалых рычагов в политике (религия, традиции, язык) и соответствующих институтов как центров средоточия духовной и политической жизни и перенос тяжести политики правительства на развитие государственно-монополистических механизмов.

Однако, как показали дальнейшие политические шаги премьер-министра, он не стремился вести борьбу за радикальный пересмотр канадской конституции, предусматривающий политическое и национальное равноправие франкоканадцев с англоканадцами. Лесаж считал, что благодаря деятельности его правительства Квебек де-факто уже имеет «особый статус» и что необходимо лишь добиваться его кодификации². Он полностью одобрил конституционный законопроект Фултона — Фавро³ и приветствовал концепцию «кооперативного федерализма». Как принцип развития федерально-провинциальных отношений, «кооперативный федерализм» не предусматривает политического равноправия франкоканадцев и англоканадцев. Не случайно, что он был единодушно принят в «антинационалистических» англоканадских буржуазных кругах. Бывший министр федерального правительства либералов Ж. Пепин, характеризуя «кооперативный федерализм» как «конституционный прагматизм», утверждал, что его целью должно стать совместное участие всех правительств в основных функциях государства. «Любой уровень правительства, — указывает Пепин, — номинально сохраняет собственную юрисдикцию по различным аспектам одной и той же проблемы, но эти различия исчезнут, как только будет достигнута тесная координация политики»⁴. Весьма скептически отнеслись к этой концепции представители мелкобуржуазных франкоканадских националистов, заявляя, что «четкое разделение функций провинциальных и федерального правительства исчезнут, как только кооперация в осуществлении полно-

¹ R. Cook. Canada and the French-Canadian Question. Toronto, 1966, p. 14.

² E. Corbett. Quebec Confronts Canada, p. 171.

³ По этому законопроекту в виде единственной гарантии автономии провинции провозглашалось положение, что ни одно изменение, затрагивающее права провинций или использование французского или английского языка, не может быть введено в действие без согласия всех провинций и федерального правительства.

⁴ E. Corbett. Quebec Confronts Canada, p. 166

мочий вступит в силу»; они расценивали этот принцип как угрозу провинциальной автономии и «громадный шаг» к «унитарному государству»¹.

Разногласия возникали и вокруг законопроекта Фултона — Фавро, причем мнения разделились внутри лагеря англоканадских буржуазных правоведов и политологов. Сторонники его принятия утверждали, что «он представляет самое лучшее практическое решение затронутой проблемы», а сторонники жесткой линии в федеральной политике заявляли, что «законопроект ослабит позиции федерального правительства».

При всей внешней привлекательности законопроекта (в частности, он предусматривал предоставить каждой провинции право абсолютного вето на поправки в пунктах провинциальной юрисдикции) его авторы обошли вопрос о принципе национального равноправия.

Критерием оценки практической эффективности законопроекта может служить то обстоятельство, что социальная область оставалась в ведении федерального правительства.

Что касается применения формулы «кооперативного федерализма» в том виде, в котором она в 1961 г. была разработана, то оно закончилось до 1966 г., т. е. до начала работы двух федерально-провинциальных конференций. Выборы в квебекский парламент в 1966 г. и поражение либеральной партии Ж. Лесажа на них показали, что франкоканадские избиратели отвергли эту формулу. Буржуазная «Торонто Дейли стар» писала в этой связи, что любая новая формула, бесспорно, вызовет такие же страсти, если сложится впечатление, что она сводит на нет будущие шансы этой провинции добиться новых прав в соответствии с конституцией.

Если сепаратисты отстаивали право Квебека на независимое государственное образование, то представители англоканадской буржуазной правовой мысли (так называемые «антинационалисты») Ю. Форси, У. Мортон и другие далеки даже от признания двунационального состава Канады. Для Форси, например, факт существования единого канадского государства служит аргументом против признания его двунационального характера. Для доказательства тезиса о неправомерности борьбы

¹ E. Corbett. Quebec Confronts Canada, p. 167.

франкоканадцев за самоопределение он прибегал к двойственному толкованию понятия нации, смешивая понятия нации и государства. Так, он утверждал, что «Канада состоит из двух наций в этническом, культурном и социологическом смысле, являясь одновременно одной нацией в политическом и конституционном смыслах»¹. К нациям первого порядка автор относил Шотландию, Уэллс и Квебек, а к нациям второго — Канаду, Великобританию.

Умеренные националисты несепаратистской ориентации и сторонники сохранения политического равновесия внутри Канады, как, например, М. Ламонтень, государственный секретарь в правительстве Л. Пирсона, предлагают принцип «двуязычия» как промежуточную формулу между двумя полярными концепциями статуса Квебека, выступают за признание культурно-лингвистического равноправия англо- и франкоканадцев. Эта формула нашла поддержку у Л. Пирсона. В применении этой формулы англоканадская буржуазия видела выход из национального и конституционного кризиса. С этой целью федеральное правительство в 1965 г. учредило «Комиссию двух языков и двух культур», в задачу которой входило изучить, как франкоканадцы и англоканадцы могут разрешить свои разногласия с помощью лучшего ознакомления с языком и культурой друг друга. По существу это было ловким способом извратить действительную проблему, ибо речь идет не о необходимости для англоканадцев изучать французский язык и наоборот, а о предоставлении франкоканадцам права на самоопределение, о признании этого права англоканадскими правящими кругами. Далекие от признания франкоканадцев в качестве нации, авторы этой формулы видят в ней способ расширения возможностей для маневрирования, что отвечает стремлению буржуазных англоканадских кругов сохранить основные принципы конституции, несколько смягчив национальные коллизии. Всех без исключения противников сепаратизма, начиная от федералистов и кончая сторонниками «особого статуса», объединяет общий взгляд, согласно которому разрыв политических и экономических связей Квебека с остальной Канадой вызовет тяжелые социально-экономические последствия².

¹ «Canadian Journal of Economics», November 1962.

² По их прогнозам, выход Квебека из федерации приведет к разрушению банковской системы, вызовет экономический упадок. «У Кве-

Подобные опасения разделяли и так называемые диссиденты — лидер Национального союза Ж. Бертран, Р. Левек, лидер Партии Квебека П. Лажуа (бывший министр образования в правительстве Ж. Лесажа) и др. Р. Левек, например, на выборах в Законодательное собрание Квебека в 1968 г. выдвинул лозунг «за политическое отделение Квебека при сохранении тесных экономических связей с остальной Канадой»¹. Благодаря такой позиции Левек рассчитывал получить голоса как буржуазных и мелкобуржуазных слоев, так и трудящихся.

Распространенным политическим аргументом антисепаратистов против «подталкивания» Квебека на путь независимости является довод о том, что проблема франкоканадских меньшинств в других провинциях станет еще более неразрешимой. Независимость, утверждают они, будет означать отказ от франкоканадских меньшинств, настроенных против сепаратизма, так как последние сохраняют надежду «выжить», в случае если они получат помощь от Квебека².

Такие доводы адресовались главным образом той части квебекских националистов, которые в определение понятия «французская Канада» включали помимо собственно Квебека районы в других провинциях, в которых проживали говорящие на французском языке жители, рассматривая их в качестве неотъемлемого элемента франкоканадской нации. Сторонником такого определения нации был бывший премьер-министр Квебека Д. Джонсон. Это же определение записано в Мандате конституционного комитета Законодательной ассамблеи Квебека, созданного с целью пересмотра канадской конституции.

Против такого толкования нации возражала как значительная часть сепаратистов, поскольку оно неизбежно ставило перед ними проблему предоставления юридических прав англоязычному меньшинству внутри независи-

бека, — заявляли антисепаратисты, — будет недостаточно своих резервов капитала, чтобы вытеснить иностранный, а правительство не сможет получать средства, необходимые для широкого государственного вмешательства. Высокие тарифные барьеры между Квебеком и остальной Канадой осложняют проблему выработки общей тарифной политики Канады в ходе борьбы против экономического господства США» (*E. Corbett, Quebec Confronts Canada*, p. 150).

¹ «New York Times», October 8, 1969.

² G. M. Craig. *The United States and Canada*, p. 286.

мого Квебека, так и федералисты, считавшие, что такое положение противоречит конституции.

Обосновывая неприемлемость такого определения с конституционной точки зрения и неправомочность ассамблеи выступить от имени французской части Канады, П. Трюдо подчеркивал, что на 850 тыс. канадцев, родным языком которых является французский, живущих за пределами Квебека, не может распространяться юрисдикция legislatures Квебека. В то же время Квебек включает миллион жителей, родным языком которых не является французский; последние, согласно конституции, не могут находиться ни под какой другой юрисдикцией, кроме юрисдикции квебекской legislatures. Отвергая языковой фактор как критерий границ распространения юрисдикции и национальных преимуществ, Трюдо указывает, что нация, которая определяет свои функции главным образом в рамках этнических атрибутов, должна неизбежно стать шовинистической и непримиримой¹.

В 60-е годы большой популярностью среди франко-канадских политических кругов пользовалась доктрина «ассоциированных государств» или «государств-партнеров» как возможный путь будущего конституционного развития Канады. В той или иной степени к этой концепции тяготели Р. Левек, П. Лапорт, Ж. Бертран, Д. Джонсон, Ж. Грегуар. В основе этой концепции лежало требование новой конституции, предусматривающее право каждой из двух наций иметь свое собственное самоуправляющееся государство, но оба должны быть ассоциированы на основе свободного конфедерального пакта, при этом каждой нации предоставлялось бы равноправие и право вето².

Согласно концепции «государств-партнеров», Квебек рассматривался как «автономный экономический регион» и «автономное государство», проводящее свою собственную политику в таких сферах, как экономическое планирование, банковская система, сельское хозяйство, естественные ресурсы и социальное обеспечение. Более того, по новой конституции Квебек получал полномочия в области международных отношений путем предоставления

¹ P. E. Trudeau. *Federalism and the French Canadians*. Toronto, 1968, p. 3.

² Ibid., p. 3—4.

ему равного голоса в формировании внешней политики Канады.

Суверенитет двух национальных государств ограничивался пактом, устанавливающим общее центральное правительство с равным представительством от каждой нации. В области коренного изменения представительной системы Канады можно отметить проект Ж. Морена, который заключался в том, чтобы оставить без изменения палату общин как орган общегосударственного представительства, а сенат превратить в палату национальностей — орган равного представительства каждой нации, обладающий широкими полномочиями¹. Теория «ассоциированных государств» была принята в штыки со стороны буржуазных ученых и политических кругов, отражающих интересы англоканадского буржуазного национализма и видевших в ней «тщательно скрытую форму сепаратизма».

Крупным теоретиком в области национальных проблем, виднейшим представителем канадской либеральной школы правоведов является П. Трюдо. Его основные теоретические идеи изложены в труде «Федерализм и франкоканадцы», изданной в 1968 г., и в ряде других работ. По признанию Трюдо, он боролся с режимом Национального союза вплоть до его падения (1960 г.) и был горячим сторонником провинциальной автономии². Свои федералистские взгляды Трюдо обнаружил после прихода к власти в Квебеке либеральной партии Ж. Лесажа. Резкое изменение своей позиции по национальному вопросу Трюдо объясняет следующим образом: «К 1962 г. правительство Лесажа возвело провинциальную автономию в абсолют и делало попытки урезать федеральную власть до предела. Итак, в 1965 г. я взмолился на политическую арену, чтобы защитить федерализм»³.

Федералистские взгляды Трюдо были высказаны им еще в октябре 1966 г., во время работы федерально-провинциальной конференции по вопросам налогообложения и социального развития, а окончательно сложились в теоретическую систему в 1968 г. Возглавив в 1968 г. федеральное правительство либералов, Трюдо выдвинул в ка-

¹ R. Cook. *Canada and the French-Canadian Question*, p. 20—21, 70—71.

² P. E. Trudeau. *Federalism and the French Canadians*, p. 71.

³ Ibid., p. XIX.

честве своего политического кредо лозунг «Одна Канада — одна нация». С первых же политических шагов премьер-министр зарекомендовал себя сторонником дальнейшего развития и практического осуществления концепции «двух языков и двух культур», взятую на вооружение его предшественником Л. Пирсоном. 7 июля 1969 г. федеральный парламент утвердил законопроект Трюдо, объявляющий равенство двух основных языков — английского и французского, которые становились официальными в деятельности федеральной администрации в центре и в двуязычных провинциях страны. Являясь важным шагом в разрешении принципов языкового равенства, этот закон в то же время является недостаточным для решения проблемы в целом, так как не затрагивает узлового звена национального вопроса — социального. Ограниченность принципа двуязычия особенно очевидна в условиях отсутствия полномочий Квебека в социальной сфере.

Мотивы, побудившие Трюдо пойти на некоторые уступки Квебеку, были следующими: как премьер-министр он не мог не отдавать себе отчета, к каким нежелательным последствиям может привести полное пренебрежение к национальным проблемам. Но за этой уступкой Трюдо скрывается стремление сохранить за Квебеком статус обычной провинции, оттянуть на неопределенное время радикальный пересмотр канадской конституции.

Наряду с «государственными интересами» в сохранении основных принципов конституции путем допущения определенного компромисса Трюдо руководствовался и чисто партийными интересами. Реформа федерального аппарата была направлена в значительной мере на предотвращение возможного раскола в либеральной партии Канады (как это случилось в 1962 г.), что могло бы привести к потере голосов избирателей в Квебеке. Серьезность последствий для либералов такого исхода не вызывает сомнений. В этой связи следует указать, что традиционно на протяжении всей истории Канады сила либеральной партии зависела от Квебека¹. Она никогда не формировала правительства без поддержки этой провинции. «Квебек, отделенный от остальной страны, — указывал Генеральный секретарь Компартии Канады

¹ «Cite Libre», Mai 1964, p. 2—6.

У. Каштан, — мог привести только к одному результату — кончине либеральной партии»¹. Но реформа федерального аппарата, будучи уступкой, нисколько не поколебала решимость Трюдо вести «беспощадную борьбу» с квебекским сепаратизмом. Исходными моментами философии и теории политики Трюдо являются два принципа: 1) «политическая свобода может черпать свою силу в ощущении равновесия и пропорции»; 2) «необходимо критически оценивать соотношение сил»². По мнению Трюдо, фактором нарушения такого равновесия и «политической свободы» является идеология национализма. Разъясняя тезис автора, что всякий национализм есть посягательство на свободу и демократию, его сторонник Р. Кук отмечает, что «национализм может быть только реакционным, так как он вызывает принуждение там, где необходимы индивидуализм и плюрализм, если общество движется в направлении прогресса»³.

По теории Трюдо, альтернативой национализму, который означает «идеологический подход» к решению национальных проблем, подавление «индивидуальной свободы» и «плюрализма», является федерализм. Трюдо в своих теоретических исследованиях стремится провести четкую грань между правами личности и полномочиями правительства. «Права на свободу любого франкоканадца, — пишет он, — никогда не должны смешиваться с амбициями правительства. Нельзя путать права франкоканадцев с провинциальными полномочиями»⁴. Если встать на такую точку зрения и признать, что права и стремления франкоканадцев не имеют адекватного выражения в политике провинциального правительства, то необходимо одновременно отказаться от утверждения, что федеральная конституция есть воплощение «волеизъявления», «свободы выбора» франкоканадцев, «полагающих, что их интересы лучше всего сохраняются в рамках федеральной структуры». Очевидно, что первое исключает второе.

Считая концепцию «двунационального государства» «опасной в теории и беспочвенной на практике», буржуазные политологи указывают, что франкоканадцы давно

¹ «Communist viewpoint», 1969, vol. 1, N 3, p. 4.

² «Canadian Forum», May 1968, p. 29.

³ R. Cook. Canada and the French-Canadian Question, p. 101.

⁴ Цит. по: D. Peacock Journey to Power. Toronto, 1968, p. 197

утеряли свою историческую роль и инициативу, и призывают франкоканадских националистов забыть «исторические неудачи», отказаться от «неосуществимых надежд» (о независимости) и сосредоточиться на «возможном» и «выполнимом». Под последним подразумевалось культурно-языковое равенство. Отстаивая принцип политического равновесия, они особенно широко применяют его в целях «рационального соотношения конституции и прав Квебека», т. е. статуса-кво. Ссылаясь на исторические примеры беспощадных национальных войн «во имя осуществления принципа национального государства», они делают вывод об исторической бесперспективности использования принципа национального самоопределения. Последний, согласно их взглядам, ведет к «кровавому иррациональному конфликту». «Идея национального самоопределения, — пишет один из буржуазных правоведов, — никогда не давала ни одного позитивного решения, а приводила лишь к межнациональным войнам, разрушению существующих государств и мешала появлению функциональных правительственных структур»¹.

Разделяя во многом дуалистический подход Ю. Форси к понятию «нация», Трюдо выражает мнение о необходимости всячески препятствовать трансформации этнической нации франкоканадцев в политическую. Выступая даже против предоставления Квебеку «особого статуса», премьер-министр рассматривал его как «начальную фазу такой трансформации»².

Стремясь сохранить положение Квебека в узких рамках провинциальной юрисдикции и отказывая франкоканадцам в праве на самоопределение, Трюдо старается доказать абсурдность борьбы за него. Хотя он в нескольких местах своей книги оговаривается, что не рассматривает государственные политические структуры и конституционные формы как имеющие абсолютную и извечную ценность, в то же время прибегает к своей теории равновесия для укрепления этих форм и ценностей. Теория равновесия и политическая свобода, вытекающая из него, является концентрированным выражением исторически и психологически укоренившегося в сознании англока-

¹ «Canadian Forum», May 1968, p. 29.

² «Cite Libre», May 1964, p. 8.

надской буржуазии представления, что провинции Альберта, Саскачеван, Квебек, Онтарио и т. д. одинаковы по значению, и поэтому борьба за право Квебека на самоопределение вплоть до отделения также нелепа, как претензия любой из провинций на статус независимого государства. «Если Квебек, — писал Трюдо, — с конституционной точки зрения рассматривать как национальное государство франкоканадцев на том основании, что в нем проживает большинство франкоязычного населения, эта же логика — логика количества должна привести к рассмотрению всех других провинций и само федеральное государство... как национальных государств, говорящих на английском языке канадцев»¹. В другом месте Трюдо пишет: «...различные варианты «особого статуса», которые обсуждаются до сих пор, независимо от их содержания, ведут к следующей логической проблеме: какую нужно изобрести конституцию, которая давала бы Квебеку большие полномочия, чем другим провинциям?»² По мнению автора, ответа на этот вопрос не существует в природе.

Рассмотрение национализма как явления во все времена и во всех частях однородного, а не сложного и противоречивого определяет подход Трюдо к анализу национального вопроса. Ссылаясь на франкоканадский корпоративно-клерикальный национализм, соответствующий периоду правления Национального союза во главе с Дюплюсси, он не проводит по существу различий между этим и мелкобуржуазным национализмом средних слоев, возникшим в период «тихой революции». Утверждая, что национализм в Канаде никогда не был «движущей силой общественного развития», Трюдо в то же время, похоже, предпочитает обращенный «вовнутрь» национализм Дюплюсси «буржуазно-реформистскому национализму», обращенному вовне, т. е. направленному на пересмотр конституции. Трюдо совершенно верно указывает, что Дюплюсси абсолютно не применял многих автономных правомочий провинции, которые он так отчаянно защищал. Но, по его мысли, именно замкнутый характер политики правящих кругов Квебека, «неспособность» (а вернее, нежелание) их в прошлом «сделать что-нибудь

¹ P. E. Trudeau, *Federalism and the French Canadians*, p. 29—30.

² Ibid., p. XXIV.

для того, чтобы изменить статус провинции», — все правительства Квебека, включая правительство Дюплюсси, довольствовались мнимым «самоуправлением», представленным конституцией, — обуславливали «отличительную стабильность канадского единодушия». Из такого характера политики Квебека в прошлом Трюдо делает вывод, не согласующийся с нынешними настроениями и стремлениями франкоканадцев, утверждая, что канадские французы могут полностью удовлетворять свои потребности в «самовыражении» в рамках существующей конституции¹.

Взяв под защиту конституцию, автор утверждает, что она является тем щитом, который защищает слабых (читай: франкоканадцев) от посреднического вмешательства власти сильных (соответственно англоканадцев), что явно противоречит его собственному тезису, что конституция не является «легальной гарантией», обеспечивающей выживание французского языка и культуры против громадного англосаксонского влияния. Трюдо ведет рассуждения с двух взаимоисключающих позиций: защиты статуса-кво конституции путем доказательства ее преимуществ для франкоканадцев и утверждения о бессмысленности борьбы франкоканадцев за самоопределение и за пересмотр конституции в свете фактов, перед которыми она бессильна. «По моему мнению, — пишет Трюдо, — было бы иллюзией видеть разрешение всех проблем в осуществлении конституционных изменений. Конституция не может служить защитой от громадного влияния, источником которого является огромная масса англоязычных жителей Северной Америки, глубоко проникших даже в Квебек. В этой ситуации сами по себе легальные гарантии недолговечны и хрупки, чтобы они могли обеспечить выживание французского языка и культуры»².

Подчеркивая свою неприязнь к национальным атрибутам, Трюдо в то же время абстрактно признает право наций на самоопределение. Не желая быть обвиненным в непоследовательности, он заявляет, что первый закон политика состоит в необходимости «опираться на факты». Но факты Трюдо таковы, что они не допускают применения принципа самоопределения в ситуации Канады,

¹ P. E. Trudeau. *Federalism and the French Canadians*, p. 22.

² Ibid., p. 6.

так как это связано с большим «риском» в условиях сложившейся «расстановки сил». Трюдо утверждает, что провозглашение права на самоопределение в нынешних условиях, без учета цены, которая должна быть заплачена, подорвет и разрушит федеральную систему, складывание которой исторически предопределено желанием народа Канады. Автор допускает «новое юридическое и политическое положение» (независимость Квебека), которое стремятся установить сепаратисты, в одном только случае, а именно если оно будет совпадать с основными интересами канадского народа¹.

Сам Трюдо этот случай исключает, так как процесс складывания канадского государства трактуется им в буржуазно-идеалистическом духе. По его мнению, каждый народ имеет право выбора — независимость или вхождение в федерацию. Квебек, пишет он, этот выбор сделал. Необратимость этого выбора Трюдо аргументирует тезисом, что государство основывается не на любом принципе, а на одном-единственном — «на соглашении», на «желании» национальных групп, занимающих данную географическую область, сформировать федерацию. По мнению Трюдо, «установленная федеральная структура канадского государства предопределена сознанием национальных групп, что ее жизненные интересы и партикулярные черты могут быть лучше всего сохранены в рамках именно такой структуры»².

В действительности этот принцип диктовался интересами английской и англоканадской буржуазии. Основная методологическая слабость трактовки развития канадской федерации Трюдо заключается в том, что его логика буржуазного исследователя безразлична к классовым основаниям развития государства. Этим можно объяснить и его ошибочный взгляд, что в основе межнациональных войн прошлого лежит национальный принцип. Очевидно, что не принцип национальности, а развитие капитализма и утверждение господства буржуазии явились причиной войн и революций послефеодального периода. Отделение Квебека, по мнению Трюдо, будет означать нарушение исторического соглашения, насилие над всем историческим развитием Канады. Приписывая, та-

¹ P. E. Trudeau. *Federalism and the French Canadians*, p. 18.

² «Canadian Forum», May 1968, p. 29.

ким образом, квебекскому национализму деструктивную и регрессивную роль, парующую волеизъявление канадского народа, а отсюда и «политическую свободу», основанную на равновесии и воплощенную в конституции (согласно ей все 10 провинций имеют одинаковые полномочия), Трюдо защищает последнюю.

Усматривая во всяком национализме элементы разрушения государственности, он считает одновременно, что на нынешнем этапе, в эпоху индустриализации и мировых хозяйственных связей, борьба за самоопределение Квебека представляет собой «ирреальность устремлений и попытку борьбы с неизбежным». Под неизбежным он подразумевает «интеграцию квебекской экономики в континентальную, господство в ней самых мощных экономических гигантов мира (американских монополий. — А. Ш.), размывание национальных границ капиталом и, наконец, малочисленность франкоканадцев в говорящей на английском языке Северной Америке». Исходя из этих фактов, Трюдо утверждает, что «ни конституционная реформа, ни даже декларация независимости не могут превратить французский язык в ведущий язык бизнеса и производства в Северной Америке или сделать Квебек государством, способным навязать свои условия остальной части континента»¹.

Как же Трюдо отвечает на вопрос о будущем канадской федерации? Отвергая атрибуты суверенитета, он мечтает об установлении «федеральной республики человечества». «Полиэтнический федерализм» и «интернационализм» Канады, которому, по его словам, должны следовать все многонациональные государства, является разновидностью теории мирового государства, буржуазно-идеалистической утопией.

4.

Коммунисты и национальный вопрос

При рассмотрении позиций Коммунистической партии Канады (КПК) в отношении национального движения в Квебеке важно остановиться на вопросе о том, как коммунисты расценивают тезис о колониальном статусе

¹ P. E. Trudeau. Federalism and the French Canadians, p. 8.

провинции, который разделяют подавляющее большинство франкоканадских националистов. «Квебек, — указывает видный деятель Компартии Канады С. Уолш, — составляет часть континентальной территории Канады. Он не отделен ни морем, ни цветом кожи его жителей от центрального государства, как бывшая колония Ангола от Португалии или Алжир от Франции.

Франкоканадцы — нация, подавляемая в рамках метропольной территории англоканадской буржуазией, которая продает сырьевые богатства США». С. Уолш подчеркивает, что, хотя проблема Квебека сходна с проблемами колониально-зависимых стран, в основе которых лежит отказ признать за ними право на самоопределение, решение национального вопроса в Канаде с точки зрения интересов рабочего класса на практике отличается по форме и в известной степени по содержанию именно в силу того, что Квебек является составной частью территории Канады. Последней спецификой С. Уолш обосновывает необходимость отказа от отделения Квебека, которое может привести, во-первых, к расколу рабочего класса по национальному признаку и тем самым поставить под сомнение эффективность борьбы его против как канадских, так и международных монополий и, во-вторых, может подорвать независимость обеих наций от США, «расположенных по всей длине южной границы страны»¹.

Постоянно и публично поддерживая право франкоканадцев на самоопределение, компартия в то же время не разделяет положения о том, что франкоканадский народ должен безусловно использовать свои национальные права именно тем путем, каким это сделал алжирский народ, даже если этот путь и не отвечает интересам рабочего класса и не отражает реальных условий в Квебеке².

На вопрос, должна ли франкоканадская нация обладать и управлять своим собственным государством, коммунисты отвечают следующим образом: «Наилучшим и самым мирным решением было бы проведение переговоров об условиях конфедерации между обеими частями Канады». КПК предлагает созвать конституционное со-

¹ «Communist viewpoint» N 1, 1971, p. 7.

² Ibidem.

вещание представителей англоканадцев и франкоканадцев с равными избирательными полномочиями для представителей двух наций, причем все ключевые проблемы, по ее мнению, должны решаться единодушно, т. е. без предоставления англоканадскому большинству права диктовать свою волю. Учитывая опыт исторического развития двух наций в едином государстве, компартия видит выход из кризиса конфедерации только на пути разработки новой конституции, которая должна быть основана на полном равенстве и признании права на самоопределение обеих наций¹.

Компартия считает, что существующее еще разобщение между французской и английской частями Канады может быть преодолено в том случае, если будут удалены его причины. Они, по мнению коммунистов, кроются на нынешнем этапе развития страны не столько в различиях культурного, языкового и религиозного характера, сколько в национальном угнетении и социальном неравенстве в повседневной жизни. Самая высокая безработица по стране среди франкоканадцев, самые низкие зарплаты, самая несовершенная система социального обеспечения и здравоохранения, дискриминация в условиях труда — вот в чем кроются корни франкоканадского национализма, с точки зрения коммунистов.

Коммунисты Канады видят свою основную задачу в том, чтобы крепить единство франкоязычных и англоязычных рабочих в Квебеке и во всей Канаде. Коммунистам одинаково чужд как шовинизм англоканадских буржуазных правящих кругов, игнорирующих требование национального равноправия, так и экстремизм ультралевых, ставящих принцип безусловного отделения выше интересов единства трудящихся обеих наций. Коммунисты в данном вопросе исходят из ленинского положения о том, что национальный вопрос должен решаться в зависимости от конкретно-исторических условий, и прежде всего исходя из классовых интересов пролетариата, с учетом необходимости сохранить единство рабочего класса в борьбе против капитализма, за демократию и социализм.

¹ «The Canadian Tribune», June 2, 1971.

НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В БЕЛЬГИИ

1. Генезис национального вопроса

Национальная борьба в Бельгии захватила все слои населения, общественные и профессиональные организации, политические партии. Затронув многие стороны экономического, социального и культурного развития, национальная проблема в 60-х — начале 70-х годов заняла ведущее место в идейно-политической жизни страны. Резкое усиление национальных разногласий привело к росту националистических настроений, оживило различного рода националистические идеи и теории.

Обострение национального вопроса связано с теми социально-экономическими и политическими проблемами, которые вызваны развитием научно-технической революции, участием Бельгии в экономических и политических империалистических союзах. Традиционный для сферы национальных отношений в Бельгии вопрос об урегулировании статуса национальных общин Валлонии и Фландрии¹ в системе государства осложнился притяза-

¹ В Бельгии в районах Эйпен и Мальмеди, граничащих с Федеративной Республикой Германии, проживает около 70 тыс. немцев.

ниями Брюсселя — столичного округа, имеющего смешанное валлоно-фламандское население, на роль третьего самостоятельного региона.

Более века Бельгия удерживала славу одной из высокоразвитых капиталистических стран Европы исключительно благодаря промышленному потенциалу Валлонии. Природные условия, близость к развитым районам соседних Франции и Германии стимулировали экономический подъем Валлонии. Наличие фабрично-заводского пролетариата и рабочего движения содействовало росту политического сознания валлонских трудящихся.

Вместе с тем динамичное развитие Валлонии, официальным языком которой был французский, обеспечивало ей на определенном этапе не только экономическое преимущество перед Фландрией, но и национально-лингвистический приоритет внутри Бельгии. Потребности экономики, государственного аппарата и культурное развитие страны способствовали росту числа специалистов, говорящих на французском языке. А это в свою очередь благоприятствовало формированию франкоязычной, в первую очередь валлонской, интеллигенции.

Односторонняя в течение длительного времени ориентация бельгийского капитала на Валлонию тормозила промышленное развитие Фландрии. Численное преобладание фламандского населения над валлонским усугубляло и без того тяжелую для Фландрии проблему хронической безработицы. Необходимым условием подъема по социальной лестнице для каждого фламандца становилось знание французского языка, что служило дополнительным препятствием для такого рода продвижения. Фламандские рабочие наталкивались на дискриминацию при поисках работы на шахтах и рудниках Валлонии. Не зная языка, они оставались среди валлонских рабочих «чужаками». На их долю приходился наименее квалифицированный и низкооплачиваемый труд.

Культурно-лингвистический барьер между народными массами Фландрии и буржуазией, в том числе фламандской, тоже говорившей на французском языке, наряду с указанными выше причинами способствовал развитию

Вопрос о положении и правах этого нацменьшинства рассматривается правящими кругами как составная часть урегулирования главного в национальной проблеме Бельгии — валлоно-фламандских отношений.

здесь прежде всего национального, а не классового самосознания. Даже в моменты острых социальных конфликтов главным звучало требование национального равноправия.

Роль защитника национальных интересов перед лицом государства взяла на себя церковь, точнее, низший слой католических служителей, близкий по положению к основной массе населения. Это на долгие годы обеспечило католицизму сильные позиции во Фландрии.

Национальное фламандское движение впервые выступило в конце прошлого века с лозунгом защиты Фландрии, ее культуры и языка. Оно оставалось умеренным до тех пор, пока отражало настроение узкого слоя интеллигенции. По мере включения в национальную борьбу широких мелкобуржуазных масс города и деревни менялся характер движения, в нем усиливались экстремистские националистические мотивы.

Существенный сдвиг в национальной проблеме произошел после второй мировой войны. Научно-технический прогресс, усиление интеграционных процессов в капиталистической экономике потребовали от бельгийских монополий серьезной и быстрой реорганизации прежней экономической структуры. Мотивы получения максимальной прибыли, которые когда-то привлекли бельгийскую буржуазию в Валлонии, теперь обусловили «бегство» капиталов из нее как района, перегруженного старыми отраслями и предприятиями. Фландрия, располагавшая свободной территорией для создания современных промышленных комплексов, широким естественным выходом к морским путям, избытком рабочей силы и более спокойным, чем в Валлонии, социальным климатом, сделалась «новой Меккой» для бельгийского и в еще большей мере иностранного капитала.

Последствия структурного кризиса валлонской промышленности отразились в первую очередь на рабочем классе, занятом преимущественно в старых отраслях (угледобыча, черная металлургия, некоторые виды металлообработки и машиностроения).

Промышленный застой, безработица ударили также по многочисленной мелкой и средней валлонской буржуазии, связанной как с производственной сферой, так и с обслуживанием. Массовые закрытия мелких предприятий, угроза разорения, поиски новых возможностей зани-

магся бизнесом вызвали большое недовольство этих слоев, что проявилось в росте националистических настроений. Эти настроения были сильно подогреты государственной политикой капиталовложений и кредитования регионов, согласно которой большую часть финансовой помощи правительство ассигнует для развития Фландрии.

Экономические сдвиги во Фландрии благоприятствовали известному росту жизненного уровня широких слоев населения. Однако индустриальный подъем обнажил последствия прошлого неравномерного ее положения, в том числе такой социально-профессиональной структуры, когда низший, неквалифицированный слой составлял большинство, значительно превосходя средний и верхний слои. Этот недостаток поставил в повестку дня вопрос о «фламандизации» среднего и высшего персонала на предприятиях и в административном аппарате, потребовал создания национальных кадров интеллигенции.

В начале нынешнего века и в период, предшествовавший второй мировой войне, в Бельгии был принят ряд законов о юридическом равенстве двух языков. Тем не менее, и в середине 60-х годов в административном аппарате, армии, организациях предпринимателей, системе высшего образования, в сфере науки все еще чувствовалось преобладание французского языка. Поэтому интеллигенция и молодежь остро реагируют на сложившийся «комплекс национальной неполноценности» и стремятся преодолеть его, требуя «фламандизации» Фландрии.

Демографический перевес фламандского населения над валлонским (по переписи 1970 г. — 56 и 32%)¹, наибольшие по стране прирост рождаемости и процент молодежи в населении явились факторами, благоприятствовавшими росту национального самосознания во Фландрии. Экономический, социальный, культурный подъем этого района способствовал тому, что в послевоенные годы местная национальная буржуазия почти полностью перешла на родной (фламандский) язык. Укрепление ее экономических и политических позиций еще острее поставило вопрос о национальном престиже Фландрии и сыграло не последнюю роль в распространении настрое-

¹ «Le Drapeau Rouge», 6.II.1974.

ний реванша за прошлое «унижение». Новый накал «лингвистической войне» придали два момента: законы 1963 г. о фиксировании лингвистической границы между французской и фламандской частями Бельгии, в результате чего к Фландрии отошла коммуна Фурон с валлонским населением, и закон 1965 г. о пропорциональном представительстве фламандцев и франкофонов в парламенте в соответствии с численностью населения.

Законодательство задело интересы франкоязычного населения Бельгии. Значительная часть буржуазии и средних слоев Валлонии и Брюсселя, до того поддерживавшая консервативно-унитарную систему, теперь начала выражать недовольство усилением позиций фламандской буржуазии. Особенно заметным это стало в Брюсселе — традиционном бастионе бельгийского унитаризма. В конфликте столкнулись сторонники «большого Брюсселя» (франкоговорящее большинство столичного округа, насчитывающее более 70% его населения), которые требуют признать за столицей статус самостоятельного двуязычного района, и Брюсселя, строго ограниченного 19 коммунами, поставленного под опеку Валлонии и Фландрии. Последние опираются на фламандское меньшинство города, которое пользуется широкой поддержкой во Фландрии.

Таким образом, послевоенное развитие Бельгии способствовало вызреванию национального кризиса — одного из самых серьезных за всю ее историю. Попытки правящих кругов решить проблемы социально-экономические и культурно-лингвистические в обход национального вопроса или с помощью традиционных методов жесткого унитарного руководства не только не снизили национальную напряженность, но и поставили под вопрос принцип унитарного строения бельгийского государства. Идеям унитаризма, за которые упорно цепляются в политике бельгийские правящие круги, оказались противопоставлены различные модели решения национальной проблемы — от демократической федералистской и консервативно-либеральной до технократического варианта децентрализации и даже сепаратизма. Это прослеживается при рассмотрении основных направлений национальной борьбы в Бельгии в 60-х — начале 70-х годов: валлонском, брюссельском и фламандском.

Валлонский национализм развивался продолжительное время в русле государственной унитарной политики, которая обеспечивала приоритет Валлонии перед Фландрией. С точки зрения валлонских националистов, такая ситуация была справедливым отражением внутри страны объективного фактора признания заслуг французской цивилизации. Поэтому валлонский национализм не только оправдывал неравноправие Фландрии «естественным» положением вещей на международной арене (особенно в XIX в.), но и энергично участвовал в экспансионистской франкоязычной политике, которую осуществляли правящие круги по отношению к Фландрии.

После второй мировой войны активизировались экстремистские валлонские течения, выступившие под лозунгом защиты от «фламандского империализма». Этот лозунг пользуется влиянием и поддержкой в Валлонии, поскольку фламандское большинство в условиях всеобщего избирательного права автоматически обеспечивает за собой парламентское и партийно-политическое преимущества.

Защита валлонского меньшинства от фламандского большинства сегодня одна из главных идей валлонских националистов. Она объединяет националистически настроенных валлонов и франкофонов Брюсселя в поисках политических решений для сохранения независимости и прав франкоязычного меньшинства. Причем нередко такие взгляды они по-прежнему пытаются объяснить превосходством французской культуры над голландской.

Рост национализма во франкоязычной Бельгии (в Валлонии и Брюсселе) привел к созданию различных политических организаций соответствующего толка. Среди них Демократический фронт франкофонов в Брюсселе и Валлонское объединение в Валлонии занимают доминирующее положение.

Идейно-политическое руководство валлонской и брюссельской группировок осуществляют деятели, среди которых многие в недалеком прошлом были связаны с Бельгийской социалистической партией и исключены из нее

в 1964 г., в период «большой чистки». Их обвинили в участии в Валлонском народном движении (ВНД) — прогрессивной массовой организации, которая выступила с программой решения национальной проблемы путем федерализма и структурных демократических реформ в экономике, что шло тогда вразрез с официальной линией социалистов в правительстве.

В то же время Валлонское народное движение заявило о себе как о группе давления, но не партии, а это равнозначно было отказу от участия в избирательной борьбе. В поисках более активной политической деятельности некоторые его руководители вышли из организации. Так, в 1965 г. возникли Валлонский фронт (в Валлонии) и Демократический фронт франкофонов (в Брюсселе). В 1968 г. Валлонский фронт объединился с некоторыми группировками либерально-демократического толка, в частности с Валлонским обновлением, положив начало партии Валлонское объединение. Ее возглавили бывший деятель Всеобщей федерации труда Бельгии Р. Моро и профессор Брюссельского университета Ф. Перен. Идеологом новой группировки стал Перен, позиции которого дали повод судить о нем как об «интеллектуальном анархисте»¹.

Программа Демократического фронта франкофонов формально повторяла программу Валлонского народного движения, но на деле идейно-политическая окраска его быстро приобрела весьма недвусмысленный националистический характер. Эта организация рекрутировала кадры и создавала массовую базу в кругу брюссельской интеллигенции, служащих, умеренно-консервативной буржуазии. Она возникла в обстановке «психологической травмы», нанесенной Брюсселю лингвистическими законопроектами 1963 г. Разработанные министром внутренних дел М. Жильсоном под давлением фламандского крыла социально-христианской партии, они призваны были затормозить «дефламандизацию» столицы. Говорящее на французском языке население Брюсселя восприняло законопроекты как «расистские».

В результате социально-политические мотивы программы, заимствованные у Валлонского народного движения (демократизация государственной структуры в со-

¹ «La Libre Belgique», 17—18.IV.1971.

четании с демократизацией экономической структуры в интересах большинства трудящихся), оказались заглушены требованиями регионально-лингвистического характера. Идея демократических социальных и экономических реформ была подменена идеологами Демократического фронта франкофонов лозунгами «защиты Брюсселя» от притязаний Фландрии.

Требованиям и лозунгам брюссельских националистов близка и во многом аналогична платформа националистических валлонских кругов, представители которых участвовали в парламентских выборах в 1968 г. от имени партии Валлонское объединение. Новая партия, как и Демократический фронт, состояла из представителей разных политических течений, в первую очередь буржуазно-либерального толка, недовольных политическим имбилизмом традиционных правящих партий в отношении национальной проблемы, их нежеланием долгое время взяться за поиски хотя бы компромиссных решений.

После выборов 1968 г. обе политические группировки заявили о намерении объединить усилия в политической борьбе и в будущих избирательных кампаниях. В основу совместной программы, принятой брюссельской и валлонской национальными партиями, легли следующие требования: юридическое признание статуса Валлонии и Фландрии, оказание государством помощи в их развитии; предоставление брюссельскому региону специального статуса в соответствии с результатами народной консультации; осуществление равноправия французской и фламандской общин; обеспечение защиты интересов французской общины в стране¹.

Несмотря на некоторую привлекательность программы в той ее части, которая касалась решения коммунальных проблем, вновь на первом плане оказались вопросы национальные в ущерб экономическим и социальным. Требование для жителей столичного района права самим установить его границы и статус и такого же права определить статус Валлонии для валлонов строилось на расчетах расширить свое влияние в Валлонии и Брюсселе с помощью демагогических уловок.

Эта часть программы валлонско-брюссельской группировки подверглась острой критике левых сил, в первую

¹ «La Cité», 22—23.V.1968.

очередь коммунистов. Федерализм, требуемый также и левыми демократическими силами как средство решения национальной проблемы в целом, трактовался в ней как федерализм только для Валлонии и Фландрии. Жизненно важные для Валлонии, валлонского рабочего класса и в равной мере для фламандского пролетариата реформы в экономике были отодвинуты на задний план.

Достигнутое единство позиций Демократического фронта франкофонов Брюсселя и Валлонского объединения нельзя было, однако, рассматривать как залог прочного политического мира национальных партий Валлонии и Брюсселя. Среди валлонских националистических кругов остается живучей идея активной ориентации Валлонии на Францию, что свидетельствует о вполне возможном отходе их на каком-нибудь этапе от борьбы за «региональные ценности» Брюсселя ради достижения принципа «Валлония — прежде всего!». Уже в 1968 г. на объединительном съезде Демократического фронта и Валлонского объединения один из деятелей новой группировки — И. Тири высказался о желательности проведения внешнеполитической линии более «открытой» и последовательной по отношению к Франции и более сдержанной к Бенилюксу. Он же заявил о сохранении «валлонской верности Франции»¹.

Так выясняется еще один из компонентов, составляющих идеологический багаж валлонского национализма, — сепаратизм. В подобном контексте по-иному воспринимается мысль о «федерализме двух», поддерживаемая валлонами. За ней могут скрываться расчеты наиболее экстремистски настроенных элементов довести борьбу за федерализм Валлонии до «логического конца», что, по видимому, могло бы означать и просто конец существованию единой Бельгии.

Сепаратистские идеи и настроения — явление не новое для Валлонии. Идея сближения с Францией была весьма популярна в южных районах Бельгии после окончания второй мировой войны. Тогда они выражали широко распространенные в Валлонии симпатии к республиканскому строю, что явилось результатом влияния здесь социалистической идеологии и энергичной пропа-

¹ «La Cité», 10.VII.1968.

ганды социалистами (до 1936 г.) федерализма и борьбы против монархии в Бельгии.

Сегодня эти тенденции в националистическом движении утратили какую-либо связь с демократическими сторонами прошлого и развиваются на совершенно иной основе, прежде всего в русле процесса европейской интеграции и идей,двигающих его. Значительную поддержку встречает в Валлонии точка зрения, по которой «единственно возможное» политическое решение национальной проблемы в Бельгии надо искать, исходя из реальности существования интегрированной Западной Европы. В защиту ее выступает и видный деятель партии Валлонское объединение Е. Дювьезар. По его мнению, таким решением может стать признание прав Валлонии, Фландрии, Брюсселя в национальном и европейском плане¹. В лице западноевропейских коллег Бельгии по различным союзам сторонники этих взглядов хотели бы, очевидно, видеть достойных арбитров в определении гарантии юридических прав национальных регионов. Не исключено, что в такой ситуации в поисках «защиты» валлонского меньшинства национальные круги рассчитывают опереться на поддержку «родственной» Франции.

Концепции западноевропейской ориентации противостоит глобальная по характеру концепция ориентации Валлонии на франкоговорящую, франкокультурную цивилизацию в мировом масштабе.

Наиболее подробно она излагается Л. Утэром².

Утэр отклоняет как «архаичные» мысли о превращении Валлонии в провинцию Франции и ставит под сомнение возможность позитивных решений валлонской проблемы в рамках интегрированной Западной Европы. Он предлагает свой «оптимальный» вариант решения, исходя из того, что Валлония должна иметь право свободно устанавливать связи со многими преимущественно франкоговорящими странами для создания единой общности, в центре которой должна находиться Франция. Ориенти-

¹ L. Outers. Le Divorce belge, p. 154.

² Л. Утэр — специалист по вопросам международного права, представлял Бельгию в ряде европейских органов. В 1962 г. он был секретарем националистической политической группировки Валлонское обновление, созданной католиками. В последние годы он является генеральным секретарем Демократического фронта франкофонов и депутатом парламента от этой партии.

руясь на нее, южные валлонские провинции могут получить новый стимул в решении социально-экономических проблем путем модернизации инфраструктуры, совместной эксплуатации ядерных центров, обучения технических специалистов в целях укрепления престижа бельгийской провинции Люксембург и валлонской части Лотарингии, налаживания системы речной связи с французскими портами.

Мощным фактором сближения должна стать культурная интеграция Валлонии с Францией. Таким образом, в отличие от многих иных представителей валлонского национализма Утэр выступает за предоставление Валлонии своего рода «государственной самостоятельности».

В валлонских националистических кругах теперь немало таких, кто считает, что в рамках интегрированной Западной Европы для сепаратизма Валлонии (и Фландрии) нет никакого риска, поскольку государство в том абсолютном смысле, как оно рассматривалось в прошлом, теряет свое значение. Поэтому и сепаратизм можно толковать не как средство достижения политической независимости, а как автономию районов, интегрированных в единую Западную Европу.

Варианты валлонских и брюссельских националистических концепций, будь то политические программы партии или сугубо теоретические модели вроде предлагаемой Утэром, не могут скрыть главного — четкой антифламандской направленности и стремления буржуазных кругов Валлонии и Брюсселя любыми средствами удержать свои прежние привилегии, даже если теперь пришлось бы, как думают некоторые, пожертвовать единой Бельгией. Несмотря на общность платформы франкофонских националистов, между двумя их течениями существуют и определенные расхождения, нередко порождающие между ними серьезные трения.

3.

Фламандский

национализм

Более монолитно в идейном и организационно-политическом отношении выступают фламандские националисты. В послевоенный период окончательно сложились органи-

зационные формы националистического крыла фламандского движения в лице партии Фольксюни (Народный союз). Она возникла в 1954 г. на базе группировок: пронацистской «Влаамс Вербонд» и националистической — «Христианский союз и фламандский народ». Пронацистское прошлое напоминает о себе полулегальными связями Фольксюни с неофашистскими военизированными отрядами «Ваамс милитантенорде». В силу этого не вызывает удивления имеющееся в программе партии требование амнистии всем сотрудничавшим с гитлеровским режимом в годы оккупации, с которым Фольксюни выступает единственная в стране. В новую партию вошли ряд независимых представителей националистических взглядов. Ее идейно-политическое руководство составила группа, в которой лидирующее положение заняли профессор Гентского университета В. Курврэ, Ф. Ван дер Элст (председатель партии с 1954 по 1975 г.), Р. Ван дер Паал, Вим Йориссен. Растет влияние Г. Шильтца — одного из ее новых идеологов, избранного в 1975 г. председателем партии. В партии довольно широко представлена интеллигенция и молодежь.

По признанию Ван дер Элста, Фольксюни не что иное, как «политическое выражение определенной идеологии и эта идеология — фламандский национализм»¹. Как движение политическое он сформировался между первой и второй мировыми войнами. Тогда же в нем родились два лозунга: «Все для Фландрии — Фландрия для Христа!», «Во Фландрии говорят только по-фламандски»². Они выражали важную сторону фламандского протеста — болезненное отношение к превосходству языка нации, численно гораздо меньшей, — и зывали к религиозным чувствам фламандцев.

Используя лозунг «Фландрия — для Христа!», националистическая буржуазия искусственно обыгрывала сложившееся мнение о «черной» Фландрии и «красной» Валлонии с целью подогреть религиозный фанатизм фламандцев и направлять его против валлонских «безбожников». Он же предназначен был еще раз подчеркнуть идеологическую и политическую несовместимость Фландрии и Валлонии.

¹ «Res publica», Bruxelles, 1968, N 10, p. 104.

² M.-P. Herremans. La Question flamande. Bruxelles, 1948, p. 62, 103.

Эти же обстоятельства привели к росту сепаратистских настроений во Фландрии. Идеи объединения Фландрии с Голландией — родственной по языку и культуре или с близкой по языку Германией находили достаточно широкую поддержку во фламандских районах до второй мировой войны и в период фашистской оккупации Бельгии. Активное сотрудничество местных националистических кругов с гитлеровским режимом во время оккупации не прошло даром. Оно вызвало острую реакцию демократических сил в Валлонии и, как уже упоминалось, усилило в ней сепаратистские тенденции.

Партийная программа Фольксюни стала политической платформой фламандского национализма. Если в федерализме валлонских националистов довольно сильны сепаратистские нотки, то в требовании федерализма фламандской националистической партии они сейчас почти отсутствуют. Новая обстановка во Фландрии убеждает многих из экстремистски настроенных элементов, что теперь можно отказаться от поисков «лучшего будущего» вне границ Бельгии и обрести это «лучшее» здесь, потеснив Валлонию и франкофонов. Такого рода намерения тоже имеют место в настоящее время, поскольку требования реванша весьма живучи среди фламандских националистов.

Говоря о федерализме, идеологи Фольксюни подчеркивают, что речь идет лишь о Фландрии и Валлонии. Рассуждения об этом, предложения о заключении пакта, «гарантирующего мир и будущее страны, благодаря федерализму двух» несут в себе определенную смысловую нагрузку — снять психологически негативный эффект лозунга «Валлоны, вон из Фландрии», который по-прежнему остается основным лозунгом фламандского движения. На съезде Фольксюни в июне 1971 г. главной темой выступления Г. Шильтца явились вопросы борьбы против «франкоязычного империализма», за укрепление «фламандской концентрации» и «амнистию военным преступникам»¹. Он подтвердил неизменность лингвистической границы в районе Фурона и окончательную принадлежность его (большинство населения составляют франкофоны) Фландрии.

¹ Цит. по: «Le Peuple», 7.VI.1971.

Предлагая «федерализм двух», Фольксюни намеренно выносит за рамки этой идеи проблему Брюсселя. Предоставление столице статуса федерального региона означало бы признание его самостоятельности и, следовательно, примирение с мыслью о потере исконной фламандской территории. Фламандские националисты не готовы к этому. Напротив, Ван дер Элст на съезде прямо заявил: «Мы не намерены отдать Брюссель франкофонам. У нас есть права на него. Наш долг защитить то, что нам принадлежит, а также брюссельских фламандцев от языкового и культурного французского империализма»¹. Настроенные экспансионистски в отношении Брюсселя фламандские националисты не согласны на большой компромисс, чем сделать Брюссель местом встреч «на равных» двух коммун — Фландрии и Валлонии. В результате столица продолжает оставаться «яблоком раздора» между фламандскими и франкоговорящими брюссельскими националистами.

Фламандский экспансионизм не менее ярко, чем в вопросе о Брюсселе, проявился в нежелании Фольксюни поддержать пересмотр конституции. Принятая в 1831 г., она закрепила унитарную государственную структуру Бельгии. Поэтому уже само требование «федерализма двух» предполагало пересмотр ряда законодательных норм конституционного кодекса. Однако Фольксюни отрицательно отнеслась к идее изменить его, мотивируя свои соображения тем, что новая конституция «похищает» у фламандцев позиции численного большинства и «навязывает всеобщую паритетность»² между фламандской и валлонской коммунами в политической и административной системе страны. Принцип двойного большинства, который мог соответствовать федеральному равноправию двух регионов, позволил бы в парламенте блокировать французскому меньшинству фламандское большинство. Таким образом, требуя федерализма, фламандское националистическое движение откровенно выражает желание обеспечить привилегированные позиции Фландрии в новой государственной структуре, положив в ее основу принцип «простого большинства». Следовательно, единственно, на что может рассчитывать Валло-

¹ «Le Peuple», 7.VI.1971.

² «La Libre Belgique», 20.IV.1971.

ния, — это быть признанной в качестве второго национального региона в составе Бельгии, что вовсе не гарантирует ей равноправие в решении вопросов на основе желанного для Фландрии «принципа большинства». Лозунг «Фландрия — прежде всего» остается наиболее концентрированным выражением доктрины Фольксюни.

Помимо федерализма составной частью программы Фольксюни является требование индустриализации фламандских районов. Выступая за индустриализацию, она поддерживает идею проведения реформ в экономике, могущих дать новый толчок развитию Фландрии. Представленный на съезде Фольксюни от имени партии в 1965 г. десятилетний план развития региона был разработан группой профессоров и научных сотрудников Лувенского университета. Орган Коммунистической партии Бельгии газета «Драпо руж» писала: «В экономическом плане Фольксюни — партия типично технократическая и неокapиталистическая, которая от имени «межклассовости» готова доверить только частному сектору контроль и прибыль в экономике»¹.

Политическая и экономическая части доктрины Фольксюни вполне логично вписываются в идеологическую концепцию партии. Ван дер Элст заявил, что эта партия отвергает классовую борьбу, марксизм, коллективизм, как не отвечающие ее представлениям общности и стремится осуществить принцип «социальной справедливости» в интересах рабочего класса и широких слоев фламандских трудящихся². С целью завоевать их доверие Фольксюни демагогически предлагает социальную программу, которая по сравнению с программами баллотирующихся во Фландрии правящих партий выгодно отличается своим радикализмом. В ней делается акцент на таких требованиях, как «более справедливое распределение» доходов, установление гарантированного минимума доходов трудящихся, «гуманизация» отношений на производстве, проведение реформы здравоохранения в интересах трудящихся³.

¹ «Le Drapeau Rouge», 2.IV.1969.

² «Res publica», 1968, N 10, p. 108.

³ «Le Peuple», 7.VI.1971; «Le Drapeau Rouge», 2.IV.1969.

Идеологический, экономический, социальный аспекты доктрины Фольксюни дорисовывают ее облик националистической партии энергичными неокapиталистическими штрихами. В этом отношении она предстала в конце 60-х — начале 70-х годов партией более динамичной, более точно улавливавшей направление сдвигов в обществе, чем франкоязычные националистические партии.

* * *

Фламандская, валлонская и брюссельская националистические группировки, используя национальную проблему и в значительной мере эксплуатируя ее, сумели занять прочные позиции в партийно-политической структуре Бельгии в 60—70-е годы. Они были единственными, чей избирательный потенциал постоянно рос. Это позволило Валлонскому объединению войти в правительственную коалицию после парламентских выборов 1974 г.

Избирательная база Валлонского объединения, Демократического фронта, Фольксюни — преимущественно городское население: чиновники, служащие учреждений, банков, предприятий, ремесленники, мелкие и средние предприниматели, коммерсанты. За Фольксюни и Валлонское объединение голосует часть рабочих. Среди избирателей много молодежи. Мелкобуржуазная масса оказалась наиболее готовой поддержать требования защиты культурно-лингвистических прав и федерализма как расширение компетенций национальных регионов без глубоких преобразований экономических и политических структур общества. В то же время программы национальных партий по сравнению с политическим импобилизмом правящих партий, долгим нежеланием последних согласиться на поиски хотя бы компромиссных реформ реорганизации унитарной государственной системы выглядели достаточно новыми и радикальными в глазах многих избирателей, в том числе рабочих.

В целом среди трудящихся, голосующих за национальные партии, немало таких, кто недоволен политикой правящих партий. Однако отсутствие зрелого классового сознания мешает им выступить в защиту демократических требований левых сил.

4. Государственно- унитаристский национализм

Потеря голосов правящими партиями, рост националистических партий, популярность лозунга федерализма, пропагандируемого и националистическими и демократическими организациями, не могли не вызвать беспокойства в правящем классе. В защиту консервативной унитарной структуры выступила особенно рьяно крупная буржуазия (руководители трестов, банков, страховых компаний, промышленных обществ, биржевые круги, Федерация бельгийских предпринимателей и т. д.), деловые центры которой сосредоточены в основном в Брюсселе. «Государственно-патриотические» позиции этой части буржуазии объясняются тем, что самоуправление Валлонии и Фландрии поставило бы под вопрос созданную ею структуру экономической организации и, следовательно, жесткую централизованную систему руководства страной, наиболее выгодную и удобную для нее. Используя, как правило, французский язык, финансово-промышленные круги не возражают против официального введения двуязычного режима в стране, считая, что эта мера не представляет угрозы для «единой» Бельгии, но противятся любым идеям самоуправления регионов. Вместе с верхушкой католической церкви они выступают носителем идеологии государственного национализма.

Давление крупной буржуазии и церкви на буржуазные партии: социально-христианскую и либеральную (или Партию свободы и прогресса), а также следование в фарватере унитаристского курса социалистической партии завели страну в 60-е годы в политический тупик. Утрата стабильных избирательных позиций буржуазными партиями заставила идейных и политических хранителей принципов консервативного централизма обратиться к поискам компромиссных решений национального вопроса. Внимание вновь привлекли идеи децентрализации, деконцентрации, регионализма, о чем говорилось немало в довоенной и послевоенной Бельгии. При едва уловимых различиях эти идеи объединило довольно явное намерение их авторов сохранить основные прерогативы власти и ее функции в руках централизованного государственного аппарата.

После долгих споров и проволочек партии достигли общего соглашения о пересмотре конституции с целью урегулирования вопроса о замене унитарной структуры государства региональной, т. е. признании национальных регионов и общин (Фландрии, Валлонии, Брюсселя и района с немецким населением) и создании нового государственно-административного аппарата. Унитарная буржуазия выразила готовность пойти на осуществление принципа культурно-лингвистической автономии, передав связанные с ней вопросы в компетенцию национальных районов. Эти уступки были вызваны потребностью ослабить накал националистических страстей, взаимную враждебность Фландрии и Валлонии, затормозить рост центробежных сил. Создание региональных экономических и культурных советов должно было символизировать реформу административной государственной системы и учреждение новой региональной администрации. Тем не менее унитарная буржуазия, заинтересованная решить проблему с наименьшими для себя потерями, вовсе не собиралась выпустить из своих рук контроль над основными областями политики — экономической и социальной. В результате демократическая печать с глубоким разочарованием констатировала, что новые региональные экономические органы наделены лишь консультативными функциями, но не правами реальной власти. «Главная хитрость, — писал член ЦК Компартии Бельгии Жан Терфв, — заключается в том, чтобы функции унитарного государства осуществлялись системой, структуры которой выглядели бы как федеративные»¹.

Признание регионов и частичная децентрализация не внесли серьезных корректив в соотношение сил между центральной и региональными властями. Реформа отвечала интересам консервативных сил, но не удовлетворила ни националистические, ни демократические круги. В такой обстановке перед сторонниками государственного национализма встает задача — противопоставить идеям федерализма новые идеи сохранения централизованной структуры, более умело и тонко маскирующие унитаризм. Такие теории разрабатываются в Бельгии.

В 1967 г. в Лувене обществом политических и социальных исследований был организован коллоквиум, где

¹ «Проблемы мира и социализма», 1970, № 7, стр. 20.

обсуждалась проблема возможности федерализма в условиях бельгийской политической структуры. Материалы коллоквиума составили книгу «Федерализм в Бельгии?»¹. С новой концепцией выступили президент фламандского отделения Института политических и социальных наук в Лувене профессор Ж. Де Мейе, руководитель франкоязычного отделения того же института Ж. Бюшман, представитель Центра исследований и информации по европейским проблемам в Антверпене Л. Дьерикс. Отличие выдвинутой ими концепции от прежних состоит в принципиально ином подходе к национальной проблеме и реформе государственной структуры. Если лингвистический критерий должен быть определяющим, заявил Де Мейе, то нет никакого смысла ограничивать себя созданием федеральной Бельгии в составе фламандского и валлонского государств. Единственно логическим решением в этом случае является сближение с Голландией голландскоязычной части Бельгии, с Францией — франкоязычной, с ФРГ — районов с немецким населением, и все это послужило бы «началом к всеобщему сепаратизму». Сходную точку зрения высказал и Л. Дьерикс, считая, что «идея федерации этнических групп должна быть отклонена, поскольку опирается на националистический образ мышления с его антинациональными и антидемократическими аспектами»².

Возражения Ж. Де Мейе и Л. Дьерикса против федерализма, намерение рассмотреть его исключительно как феномен национализма и сепаратизма вовсе не свидетельство узости кругозора. Если националистически истолкованный лозунг федерализма пугает унитарную буржуазию и ее идеологов призраком смерти государства, то не менее опасным ей кажется лозунг демократического федерализма, который несет в себе угрозу подрыва позиций господствующего класса в обществе. В рамках самой Бельгии только так можно расценить стремление скомпрометировать идею федерализма и покончить с ней тем самым раз и навсегда. Недаром бельгийские антифедералисты, в том числе Ж. Бюшман, утверждая, что федерализм не несет в себе никакой идеологической нагрузки (мысль, которая противоречит Дьериксу) и

¹ «Le Federalisme en Belgique?». Louvain, 1968.

² «Le Federalisme en Belgique?», p. 8—9, 45.

является в каждом отдельном случае не более чем экспериментом, называют в качестве примера США, Швейцарию и другие капиталистические страны, где национальные отношения в последнее время резко обострились¹.

Немалая доля демагогии в антифедералистской системе доказательств предназначена сбить волну национального движения и лишить его почвы, расколов национальные регионы на промышленные зоны. Речь идет о подмене этнического принципа регионального деления Бельгии принципом функциональной регионализации, имеющей в своей основе экономические и социальные мотивы. В этом случае критерием территориального деления становится наличие крупных промышленных центров, таких, как Брюссель, Антверпен, Гент, Льеж, Шарлеруа.

Создание новых «территориальных единств» должно учитывать сложившиеся «традиционные пограничные связи», которые и сегодня определяют тяготение Антверпена и Гента к голландской дельте, Льежа и Лимбурга к промышленному району Голландии Маастрихту, Эно и южной Фландрии к северным районам Франции, бельгийской провинции Люксембург к югу Люксембургского герцогства и т. д.² Де Мейе и Бюшман считают, что с этого момента реформа государственной структуры перестает быть проблемой национальной и внутристрановой. Она приобретает европейские масштабы, а сама Бельгия оказывается способной вписаться в широкие границы «Европы регионов», «Европы наднациональной».

Эти позиции неорегионалистов вполне укладываются в рамки теорий, разрабатываемых идеологами европейской интеграции, в частности направлением, представленным функционалистами, которые выступают с идеей объединения Западной Европы на основе функциональной региональной структуры. Де Мейе откровенно заявляет, что поиски реформ политических институтов внутри страны надо вести с учетом европейских интересов, поскольку «в настоящее время гораздо важнее стремиться к объединениям в крупном масштабе на континентальном уровне, чем следовать по пути раздробленности»³.

¹ «Le Federalisme en Belgique?», p. 39.

² Ibid., p. 11, 28.

³ Ibid., p. 16.

Повторяя одну из главных заповедей теоретиков функционального регионализма о превосходстве интересов и целей региональной системы в целом над интересами и целями составляющих ее районов (или стран), Де Мейе тем не менее не следует жесткой технократической логике, присущей авторам теории. Весьма неуверенно и робко он выражает надежду, что «если бы достаточная децентрализация типа более или менее федеральной могла быть осуществлена в пользу некоторого числа территориальных единств, более тесных, чем лингвистические коммуны... без ослабления общего единства, то способы решения наиболее классические, опробованные во многих странах, могли бы быть введены на национальном уровне»¹ в Бельгии. А защищая государственную целостность на примере собственной страны, Де Мейе неизбежно скатывается к тому, что теоретиками функционализма трактуется как национализм.

В результате даже самые новаторские теории интеграции нередко в Бельгии выглядят как модифицированный вариант сохранения устаревшей унитарной государственной структуры, как «новейшее» средство поддержания прежнего «общего единства».

Общим для авторов, представленных на страницах книги «Федерализм в Бельгии?», был вывод о невозможности, несвоевременности введения федеральной системы. Единство консервативно-унитаристских позиций многих представителей правящих политических кругов Бельгии и тех, кто продолжает разрабатывать «государственно-националистические» идеи на самом современном уровне, держится на такого же рода мнении, которое было, в частности, выражено видным деятелем социально-христианской партии Г. Эйскенсом, неоднократно в 60—70-е годы возглавлявшим правительство. «Бельгия, такая, какая она есть, — заявил он, — несмотря на трудности, является сбалансированной страной, способной решать собственные проблемы в рамках Бенилюкса, Общего рынка и «единой Европы»»². Выделение в качестве главного критерия решения национальной проблемы внешнеполитического фактора и стремление обойти вниманием внутривнутриполитический — это грань, которая

¹ «Le Federalisme en Belgique?», p. 14.

² Цит. по: E.-Ch. Dayes. *La Belgique est-elle morte*. Paris, 1969, p. 41.

разделяет валлонско-фламандских националистов, с одной стороны, и сторонников «государственного национализма» — с другой, в подходе к национальному вопросу.

5.

Борьба прогрессивных сил за демократическую федеральную Бельгию

Обстановку острого национального кризиса левые силы, в первую очередь коммунисты, расценили как неизбежное проявление созданной буржуазией чрезвычайно концентрированной политической и экономической системы руководства. Теперь, когда новые условия развития требуют новых форм руководства обществом, стремление буржуазии приспособиться к реальности выливаются в сложную антидемократическую игру, где используются самые различные средства. «Она навязывает стране бесконечные ссоры между консерваторами-унитаристами, фламандскими экспансионистами и националистами-франкофонами, — говорилось в отчетном докладе Генерального секретаря Компартии Бельгии М. Дрюмо XIX съезду (1968 г.). — Своим нежеланием и неспособностью решить конкретные проблемы буржуазия разжигает в стране шовинизм и расизм»¹.

Национализм в целом, как отмечают левые силы, используется буржуазией в Бельгии как эффективное средство раскола национальных демократических сил, как одно из важнейших средств сохранения разногласий в рабочем движении страны. Различным фракциям бельгийской буржуазии — унитаристской и национальной валлонской и фламандской, выступившим с демагогическими лозунгами угрозы превращения Бельгии в «неуправляемую» страну, если не будет решена национальная проблема, или «исчезновения» Бельгии, если проблема будет решена путем федерализма, удалось добиться определенных успехов. Прогрессивное национальное движение, сумевшее завоевать в начале 60-х годов серьезные позиции в валлонском рабочем классе, оказалось в конце 60-х годов в значительной мере деморализовано.

Тем не менее игравшие в нем руководящую роль Ком-

¹ «Le Drapeau Rouge», 22.XI.1968, Supplement, p. 15.

мунистическая партия и некоторые левосоциалистические организации не прекращают борьбы и продолжают совершенствовать собственную программу демократического решения национального вопроса. Впервые она была сформулирована в 1961 г. в ходе крупнейшей в истории Бельгии всеобщей забастовки. Главное в ней — требование отказа от консервативно-унитарной системы путем проведения федеральной реформы и антимонополистических преобразований в экономике. Эту программу приняло впервые Валлонское народное движение, которое было создано в том же 1961 г. левыми валлонскими социалистами и коммунистами. В 1965 г. требование федерализма включила в свою программу Всеобщая федерация труда Бельгии.

Народное валлонское движение, компартия и Всеобщая федерация труда считают, что мероприятия правительства, осуществленные в 1970—1971 гг., т. е. признание за Фландрией, Валлонией и Брюсселем статуса регионов, создание региональных экономических и культурных советов, не решили проблемы. Соглашаясь на децентрализацию и культурно-лингвистическую автономию, крупная буржуазия не заинтересована наделить регионы реальной политической автономией, способной ослабить ее позиции. Поэтому же деятельность экономических советов оказалась сведена к чисто консультативной. А культурная автономия, как отмечалось на XIX съезде коммунистической партии, — это «реакционный план, который позволяет руководящим кругам лучше контролировать средства, формирующие общественное мнение, и благоприятствует лучшему распространению идей, идеологий, реакционных теорий, которые способны удовлетворить интересы собственников и успокоить их»¹.

Новое правительство Бельгии, созданное весной 1974 г. из представителей христианской, либеральной и националистической партии Валлонское объединение, продолжает придерживаться курса «мини-регионализации», который устраивает буржуазию. Участие в этой политике националистической партии можно расценивать как отступничество ее от собственных программных требований.

¹ «Le Drapeau Rouge», 22.XI.1968, Supplement, p. 14.

Прогрессивные круги Бельгии видят возможность решения национального вопроса только в достижении «нового политического союза» в масштабах всей страны, который коммунисты определяют как «демократический федерализм». Наиболее полно его содержание было раскрыто на XIX и XXI съездах партии в 1968 и 1973 гг. Компартия предлагает создать паритетную структуру правительства, где центральным верховным органом власти стала бы единая Федеральная ассамблея и избираемые всеобщим голосованием региональные представительные ассамблеи. Сенат может быть упразднен, а все исполнительные органы власти, наделенные полномочиями и финансовыми средствами в решении экономических, социальных, культурных вопросов регионов, должны быть подотчетны представительным ассамблеям.

Создание в Валлонии, Фландрии и Брюсселе автономной власти расширило бы участие народных масс в разработке и принятии решений, а значит, подтолкнуло бы демократическую и антимонополистическую борьбу. Прямая связь поисков ответа на национальный вопрос с возможностью активизировать антимонополистические действия в стране — отличительная черта подхода к проблеме коммунистической партии. Поэтому движущей силой в борьбе за истинную демократизацию национальных отношений, считают коммунисты, может стать только рабочий класс в союзе с широкими народными массами.

Коммунисты предлагают создать «новые формы союзов» трудящихся, используя в первую очередь профсоюзные связи. Появление новых общерегиональных профцентров в Валлонии, Фландрии и Брюсселе и координация их деятельности могли бы ускорить достижение широкого единства, отмечалось на XIX съезде партии¹. Основой новых связей должно стать признание требований и специфических прав всех отрядов рабочего движения страны, всех, кто готов поддержать прогрессивную экономическую, социальную и национальную программу.

В последнее время возможности создания широкого демократического фронта возросли. Тенденции к единству усилились в профсоюзном движении Валлонии и Фландрии. Внутри Всеобщей федерации труда Бельгии (ВФТБ) региональным валлонским и фламандским орга-

¹ «Le Drapeau Rouge», 27.IX.1968.

низациям удалось определить общие позиции, где учитываются специфические нужды районов, экономические требования, способные ущемить власть монополий, требования политической автономии регионов. В Валлонии и Фландрии в рамках ВФТБ созданы органы, координирующие деятельность региональных профсоюзов.

Сдвиги в профсоюзном движении заметно повлияли на социалистическую партию. После более чем 10-летнего сотрудничества в правительстве с буржуазными партнерами она перешла в оппозицию. По окончании последних парламентских выборов в 1974 г. социалистическая партия отказалась войти в правительство, мотивируя свое решение программными расхождениями с буржуазными партиями. Эти расхождения стали еще более очевидны в связи с тем, что руководство партии, стремясь укрепить отношения с профсоюзами перед парламентскими выборами 1974 г. и программным съездом, намеренным на конец того же года, подписало с Всеобщей федерацией труда Бельгии ряд соглашений, в том числе по региональной политике. Социалистическая партия вслед за ВФТБ признала возможным урегулирование национальной проблемы только на путях осуществления демократической региональной политики, что предполагает создание региональных органов власти, избранных всеобщим голосованием, наделенных финансовыми средствами и реальными правами в решении внутрирегиональных проблем. Эту свою позицию социалисты подтвердили на съезде в 1975 г. В результате в 1975 и в начале 1976 г. в Бельгии сложилось довольно широкое представительство прогрессивных сил в лице коммунистов, социалистов, ВФТБ, демократических течений Фландрии, которые занимают позицию в пользу демократической региональной политики.

Удастся ли создать мощный союз трудящихся против политики монополий, это будет зависеть от прочности единства левых сил, их способности повести за собой рабочий класс и его союзников, придав борьбе подлинно массовый революционный характер.

АПАРТЕИД В ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

1. Истоки апартеида

Доктрина апартеида, взятая на вооружение правящей националистической партией и правительством ЮАР, проповедует жесточайшую расовую дискриминацию во всех областях жизни. Система апартеида, господства белого меньшинства, закреплённая в более чем 200 законах и распоряжениях, направлена на лишение элементарных политических и социально-экономических прав африканского и другого небелого населения страны, подвёргает его территориальной и бытовой сегрегации.

Термин «апартеид» впервые появился в политическом лексиконе Южной Африки в 1943 г. Авторами этой доктрины явилась группа преподавателей Стелленбосского университета. В сентябре 1948 г. сенатор от Националистической партии Фервурд в своей речи в парламенте заявил: «Мы не провозглашаем ничего нового... Мы пропагандируем традиционную политику Южной Африки... Нашей целью является действенность традиционной политики... называйте вы это сегрегацией или подлинным

африканерским названием «апартеид»¹. В словаре языка африкаанс (1950 г.) дано официальное определение доктрины апартеида как политической идеи, базирующейся на следующих основных принципах: а) различие расовое (или по цвету кожи), по уровню цивилизации, служащее препятствием для ассимиляции; б) сохранение индивидуальности различных цветных групп, из которых состоит население, и их раздельное развитие в соответствии с индивидуальностью их сущности, традициями и способностями, препятствующими интеграции.

Важное значение для понимания сущности апартеида имеет проблема африканерского национализма. Африканерский национализм, т. е. национализм африканеров-буров — потомков голландских колонистов XVII в., развился одновременно и как расизм угнетающей нации по отношению к неевропейскому населению, и как национализм угнетенной в прошлом нации по отношению к английским колонистам Южной Африки. В настоящее время второй аспект постепенно теряет свое бывшее значение, но он оставил заметный след во всем комплексе, именуемом африканерским национализмом. Этот национализм перенесен в политическую, а ныне и государственную доктрину Южно-Африканской Республики — в апартеид. Таким образом, говоря об африканерском национализме, надо иметь в виду, что унифицированная доктрина расового угнетения неевропейского населения Южной Африки — апартеид и есть наиболее общее воплощение африканерского и южноафриканерского английского национализмов.

Колонизация Южной Африки, начатая Голландской Ост-Индской компанией в XVII в., за короткий срок превратилась в совместное предприятие компании и свободных бюргеров, т. е. колонистов (в основном голландского, а также немецкого и французского происхождения). Это не означало, что колонисты и компания действовали на основе какого-либо соглашения или договора. Напротив, колонизация, проводимая свободными бюргерами, вызывала недовольство Директората компании, который препятствовал ее развитию, видя в ней угрозу своим интересам. Таким образом, уже на ранней стадии

¹ E. Brooks. Apartheid. A Documentary Study of Modern South Africa. London, 1968, p. 7.

колонизации Южной Африки наметился первый конфликт в среде колонистов. Этот конфликт ни по силе, ни по размаху не выходил за пределы «семейного» спора. Самым знаменательным в этом конфликте была четкая буржуазная позиция свободных бюргеров, выступавших против феодальных устремлений компании, которая стремилась к сохранению и укреплению своего «права» крупного феодала в Южной Африке.

Европейские события, как правило, оказывали влияние на внутреннюю жизнь колонии. Изменение соотношения сил в Европе и переход «пальмы первенства» от Голландии к Англии явилось историей «упадка Голландии как господствующей торговой нации», историей «подчинения торгового капитала промышленному...»¹ и привело к тому, что Голландия потеряла Южную Африку. Англия, окончательно укрепившаяся здесь после 1815 г., столкнулась с уже сложившейся компактной группой населения европейского происхождения. Сложность создавшегося положения заключалась в разнице уровней экономического и национального развития Англии и европейского населения Юга Африки.

В Южной Африке только начинался процесс образования новой нации. Свободные бюргеры, утеревшие все связи с Европой, не только стали рассматривать Южную Африку как свою родину, но и считали себя единственными хозяевами этой территории, общностью, основанной на одинаковой экономической деятельности, языке, территории и религии. Но это еще не было национальной общностью, так как процесс национальной консолидации только начинался.

В бурской консолидации огромную роль сыграла протестантская религия кальвинизм, основное положение которого — догмат предызбрания позволил бурам с самого начала идеологически обосновать свое особое положение по отношению к неевропейскому населению, а затем, при столкновении с Англией, необходимость защиты особого положения. В основе этого лежали не только религиозно-идеологические принципы, но и — как отмечалось многими исследователями Южной Африки — неразвитость экономических отношений африканеров. Уровень экономического развития африканеров позволял им

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 366.

при экстенсивном ведении хозяйства занимать господствующее положение по отношению к неевропейскому населению, но не способствовал укреплению и развитию их национальной консолидации.

В экономическом плане отмена рабства в Британской империи в 1833 г. явилась ударом по африканерам и их способу ведения хозяйства. Этот акт насильственно и резко переводил их хозяйства на рельсы капитализма. Реакция африканеров выразилась в переселении наиболее подвижной и самостоятельной части этой общности, а именно буров-скотоводов, на земли, расположенные между реками Вааль и Оранжевая, т. е. начался трек. Основа трека заключалась в том, что консолидирующаяся национально-политическая общность африканеров не могла противостоять давлению более сильной и развитой нации, а могла сохраниться только при выходе из-под английского контроля. Переселение буров по существу было первым проявлением апартеида, т. е. идеи раздельного существования. В своем стремлении сохранить общность африканеры выступали сторонниками изоляции, особого, отдельного от английских колонистов пути развития, разделения во всех сферах жизни. На данном этапе трек был направлен против англичан и отражал национальное мировоззрение африканеров.

В результате трека было образовано два бурских государства: Южно-Африканская Республика (Трансвааль) и Оранжевое свободное государство. В условиях активного английского давления, а также прямого воздействия рынка, где предъявлялся спрос на основную товарную продукцию африканеров (шерсть), их хозяйства начали развиваться по капиталистическому пути. Факт же существования собственных государств был использован африканерской интеллигенцией, в основном африканерами Капской колонии, для разжигания националистических чувств.

Английское давление было настолько сильным и угрожающим, что буры начали осознавать, что им есть что защищать и что это не только фермы и стада, но и их нация, их государство. За короткий срок национальное самосознание буров выросло от чувства обиды на англичан до понимания необходимости защиты своего государства. Открытие же золота и алмазов на территории Трансвааля и пограничных ему землях усилило и ускорило

развитие капитализма. Буры начали приобретать один из основных признаков нации — экономическую общность. Своеобразное, типично колониальное развитие бурских государств, при котором буры находились в господствующем положении по отношению к африканскому населению, обреченному на полную территориальную и политическую сегрегацию, тормозило развитие национального рынка.

Следует иметь в виду, что государства Трансвааль и Оранжевое свободное, вступили на путь капиталистического развития, в то время как английский капитализм находился уже на стадии империалистического развития. Как и в начале английской оккупации (1814 г.), произошло столкновение между двумя европейскими колонизационными потоками. Но на этот раз буры не могли прибегнуть к треку и перешли к защите своих государств и своей общности, а англичане в свою очередь стремились не к развитию традиционной колонизации, а к включению Южной Африки в империалистические планы. Как отметил английский ученый Э. Галеви, «это был конфликт между двумя национализмами, двумя системами верований, двумя страстями, двумя абсолютами»¹.

Англо-бурская война (1899—1902 гг.) явилась поворотным пунктом в развитии национально-политической консолидации африканеров. Разгром бурских государств привел к утрате территориальной и государственной базы африканеров, а последовавшее за этим включение их в состав Британской империи привело к необходимости начинать национальное движение не только с самого начала, но и на новой основе и в новых условиях.

Осознанная борьба за национальное самовыражение африканеров практически началась после англо-бурской войны. Переходный период с 1902 до 1910 г., т. е. до образования Южно-Африканского Союза, дает наиболее яркие образцы национальной борьбы африканеров.

Из-за неудачного исхода войны африканеры оказались в тяжелом экономическом положении. Значительная часть их была вынуждена перебраться в город, где они столкнулись с определенной конкуренцией, в первую очередь со стороны квалифицированных рабочих-англичан

¹ Э. Галеви. История Англии в эпоху империализма. М., 1937, стр. 64.

и неквалифицированных рабочих-африканцев. Для африканеров, в основном сельских жителей, был не только разрушен мир «идиллической» сельской жизни, но и подорвано их господствующее положение. На этой почве развился национализм, который должен был помочь африканерской буржуазии встать на ноги. Буржуазная суть национализма, естественно, не была понятна основной массе африканеров. Политическая и культурная битва велась за равные права африканеров и англичан, за литературный язык африкаанс и его равенство с английским. Стали создаваться партии и культурно-просветительные организации африканеров. В Трансваале была организована партия «Хет фольк» во главе с Л. Бота, в Оранжевом свободном государстве — «Оранжевистский союз» во главе с Д. Герцогом, а в Капской колонии существовала наиболее старая партия африканеров «Союз африканеров» во главе с Дж. Хофмейером.

На передний план вышла борьба за национальную культуру, что отражало именно буржуазный этап борьбы за нацию, а также реальное соотношение экономических и политических факторов. В 1904 г. «Южноафриканский союз языка» ввел упрощенное произношение голландского. Был провозглашен лозунг: «Пишите и разговаривайте на африкаанс, учите голландский, читайте на обоих языках». На территории бывших бурских республик открылось около 200 школ. Значительная роль в этой борьбе принадлежала церкви. Собственно она выступала основной движущей силой в борьбе за сохранение национального духа.

Африканеры имели в начале XX в. три партии, каждая из которых выражала по форме общую национальную идею, а в действительности боролась за свое понимание ее. Другими словами, борьба за национально-политическую общность после англо-бурской войны была по существу не общенациональной борьбой африканеров, а борьбой за трансваальское, оранжевистское или капское понимание национально-политической консолидации африканеров. Такое положение не было случайным, за политическими и национальными партийными лозунгами скрывались различия в уровнях экономического развития каждой из провинций будущего союза. Следует учесть также, что африканеры выступали сторонниками объединения Южной Африки, рассчитывая нанести поражение

англичанам при формировании правительств будущей федерации, захватить власть в свои руки и тем самым создать благоприятные предпосылки для своей национально-политической консолидации.

Что же понималось партиями под национально-политической консолидацией?

Партия «Хет фольк» (Трансвааль) выступала за сотрудничество европейцев, за создание единой белой нации на основе английской и африканерской, за панюжноафриканизм, под которым понималось объединение всех английских колоний и протекторатов Юга Африки в единую колыбель белой южноафриканской нации. Будущее государство должно было войти в состав Британской империи¹. Позиция, занятая лидерами указанной партии, объяснялась следующими причинами: сравнительно высоким промышленным развитием Трансвааля, и в первую очередь горнодобывающей промышленности; притоком ойтлендеров²; постоянным давлением Англии, слабостью африканеров, в том числе и их национально-политического единства. Поэтому именно африканеры Трансвааля провозгласили лозунг единой белой нации.

«Оранжевистский союз» (Оранжевое свободное государство) устами Д. Герцога ратовал также за белую южноафриканскую нацию, но состоящую (и в этом принципиальное отличие от идеи партии «Хет фольк») из двух потоков: африканерского и английского. Оба этих потока должны были отличаться друг от друга по языку и культуре, но сотрудничать на базе полного равенства в политической и экономической жизни. Позиция руководителей «Оранжевистского союза» также отражала социально-экономические условия этой колонии. В то время как политические лидеры Трансвааля, на территории которого находились золотодобывающие шахты, выступали за стирание национальных рамок, лидеры наименее развитого Оранжевого свободного государства занимали национальные позиции, свойственные начальной стадии развития капиталистического общества.

«Союз африканеров» (Капская колония) занимал позицию, близкую партии Трансвааля в требовании равенства языков и создания федерации Южной Африки — до-

¹ «Status of the Organization», vol. 1. Longmans, 1924.

² Ойтлендеры — поселенцы иностранного происхождения на территории Трансвааля, привлеченные туда добычей золота и алмазов

миниона Британской империи. Позиция «Союза африканеров» объяснялась тем, что Капская колония была плацдармом проникновения в Южную Африку британского империализма, что создавало сходный с Трансваалем политический и экономический климат.

Таким образом, в начале XX в. африканерское население разделилось в основном на два лагеря: сторонников Л. Боты («Хет фолк») и сторонников Д. Герцога («Оранжевостатский союз»). Бота выражал настроение наиболее развитой буржуазной части африканеров, для которых постоянный деловой контакт с англичанами в промышленности и торговле стал выгодным и необходимым. В своем понимании национального развития африканерского общества они выходили за рамки чисто африканерских национальных требований. Герцог в свою очередь выражал устремления так называемой «сельской» части африканерского населения, которая еще не была глубоко затронута развитием капитализма и опасалась разрушительного влияния индустрии и города на их хозяйственный уклад. Герцог выдвигал три требования: 1) сначала Южная Африка и только потом — Британская империя; 2) раздельное существование европейских национальных потоков; 3) слияние в дальнейшем африканерского и английского потоков, но при обязательном доминировании первого.

Победа Великобритании в войне 1899—1902 гг. окончательно вовлекла африканеров в политическую и экономическую систему капитализма. Однако неприспособленность африканеров в основной своей массе к городской жизни (неграмотность, жизненные привычки сельского существования) создала проблему их экономического положения в условиях конкуренции со стороны неевропейского населения.

Развитие промышленности, и в первую очередь горнорудной, привело к тому, что африканеры пополнили отряды неквалифицированных рабочих, в то время как они считали себя владельцами земли, а не рабочими. Преодоление психологического барьера требовало значительного времени и длительного участия африканеров в экономической жизни капиталистического государства¹.

¹ В результате англо-бурской войны не меньше 10 тыс. африканеров были согнаны со своей земли.

С 1910 г. в связи с изменившимся экономическим положением африканеров по-новому встал национальный вопрос. На смену национализму пришла, а затем стала доминировать расовая идея — апартеид. Другими словами, при капиталистическом развитии и политическом доминировании Англии апартеид стал возможен не как национальное обособление африканеров, а как доктрина, противопоставляющая всех «белых» всем небелым.

Идейно-политической платформой для сближения английского и африканерского населения был бааскап, т. е. господство белого населения. В условиях Южной Африки выход из сложного переплетения национально-экономических проблем был возможен, по мнению и африканеров и англичан, за счет неевропейского населения, причем эксплуатация этого населения должна была проводиться в условиях полной сегрегации. В программе Южноафриканской партии¹, например, было записано: «...в отношении туземцев основной принцип есть господство европейского населения в христианском духе опеки, с полным отрицанием любой попытки смешения рас»². Находясь у власти, Южноафриканская партия немедленно приступила к проведению своей программы в жизнь: были приняты законы, регламентирующие «туземный» труд (фактически неевропейское население было лишено права свободной продажи своей рабочей силы) и запрещавшие африканцам владеть землей за пределами «зарегистрированных туземных районов» (запретной зоной стали 92,3% всей территории ЮАС)³.

Эти законы, принятые в начале XX в., заложили при помощи государственной машины основы унифицированного расизма, известного под названием апартеида. Националистическая партия выдвинула «туземную» программу, аналогичную программе Южноафриканской. Совпадение взглядов было закономерным явлением, разногласия происходили по поводу национально-политической общности африканеров. Националистическая партия

¹ Южноафриканская партия была образована в 1910 г. Учредительный съезд состоялся в 1911 г. Лидером партии был Л. Бота. В 1912 г. произошел раскол и возникла националистическая партия, официально оформившаяся в январе 1914 г., во главе которой стал генерал Д. Герцог.

² «South African Parties and Policies». London, 1960, p. 71.

³ О законодательстве ЮАР, в том числе и «туземном», см. Т. Тау-ров. Апартеид — преступление века. М., 1967.

стремилась не только к полной сегрегации неевропейского населения, что в общем было приемлемо и для английского населения ЮАС, но и к апартеиду между европейцами, что резко отделяло эту партию от Южноафриканской и тем более от английских партий. С самого начала Националистическая партия, проявив себя партией африканеров, выступила за апартеид, с одной стороны, между европейцами, с другой — между европейцами и неевропейцами. Оба направления имеют одну и ту же основу, которая в первом случае выступает в виде национальной борьбы, а во втором — в виде националистического расизма.

Южноафриканская партия, выступавшая за тесный союз, слияние английского населения и африканеров, учитывала бурский национализм, но, связанная с африканерской буржуазией, понимала, что в данной экономической и политической структуре нужна именно такая переориентация национализма.

Важным событием, оказавшим огромное влияние на почти бесконечные политические склоки в среде африканеров, оказалось «Красное восстание» 1922 г. Это восстание пролетариата европейского происхождения, несмотря на требование создания белой Южной Африки, напугало буржуазию ЮАС. С этого времени был узаконен курс на сверхэксплуатацию неевропейского населения, что означало фактическое увеличение доли европейских рабочих при дележе прибыли, полученной путем прямого колониального ограбления. Подкуп европейских рабочих (а наибольший эффект он дал в среде африканеров-пролетариев в первом поколении, не имеющих квалификации) сгладил противоречия в европейском лагере, и в первую очередь среди африканеров. Это не означало, что африканеры отказались от национализма, но было одним из первых шагов на пути трансформации национализма в апартеид в рамках капитализма.

Фактически подкуп европейского пролетариата подсказал выход и в случае с «белыми бедняками»¹. «Белые бедняки», наводнившие города ЮАС, были пропитаны расовыми предрассудками. Они видели своего врага, во-первых, что вполне естественно, в британском

¹ «Белые бедняки» — разорившиеся во время мирового кризиса 20-х годов фермеры-африканеры.

империализме, который выгнал их из родных мест и вытолкнул в промышленность, а во-вторых, в неевропейских рабочих. При этом к чувству оскорбленной национальной гордости присоединилась и расовая ненависть. Именно эта психологическая сложность и превратила «белых бедняков» в материал, восприимчивый к любым идеям и действиям, которые обеспечивали им более или менее прочное положение в жизни за счет неевропейского населения.

Возможность становления и усиления классового сознания южноафриканского пролетариата, независимо от цвета кожи, намечавшаяся ранее, исчезла, уступив место расистской концепции «господства белого человека», т. е. бааскапу, так как бывшие мелкие фермеры, влившиеся в рабочий класс, оказались в плену расово-националистических идей. Пролетариат Южной Африки, не успев окрепнуть, оказался раздробленным по национально-расовому признаку, причем на первый план был выдвинут националистический расизм.

Националистический расизм, выросший из старой бурской политики полной сегрегации и колониальной политики Англии, в условиях капиталистического развития страны не только обосновал неравенство европейских и неевропейских рабочих, воспитав первых в духе, противоположном классовому сознанию, но и сплотил белое население против «черной Африки» и «желтой Азии»¹.

Выборы 1924 г. привели к власти Националистическую партию. Такой результат свидетельствовал не только о силе националистической идеи в среде африканеров и о сближении двух частей европейского населения, но и о том, что в целом местная буржуазия, выросшая в поселенческой колонии, какой являлась эта часть Африки, склонилась к выбору не в пользу «участия в империализме Великобритании», а в пользу «локального империализма». Именно этот выбор в сочетании с националистической борьбой африканеров и объясняет победу в 1924 г.

Однако это не было полным разрывом с Англией. Тенденция сближения двух частей европейского населения, наметившаяся в политической жизни Южной Африки, означала, что локальные интересы национального

¹ E. A. Walker. A History of Southern Africa. London, 1957, p. 607.

движения африканеров на данном этапе еще не могли перерасти в политическую и экономическую силу.

Оказавшись у власти, Националистическая партия издала законы о «Цивилизованном труде» и «Цветном барьере». Новые законы были продолжением политики Южноафриканской партии и подтверждали наличие базы объединения всех африканеров. Отношение к неевропейскому населению со стороны европейских политических партий было определяющим для выявления симпатий английского и африканерского населения и, более того, основным для определения национально-политической консолидации последних.

Таким образом, национальные устремления африканеров, развивавшиеся в период борьбы с английским империализмом и направленные в своем националистическом проявлении против империалистического давления, постепенно претерпели эволюцию и начали приобретать черты общего европейского национализма, который в колониальных условиях Южной Африки не мог быть ничем иным, как расизмом.

2.

Апартеид — расистское оружие фашистского режима

Неизбежная урбанизация африканеров, ускоренная англо-бурской войной и выбором пути развития, вела к изменению задач Националистической партии. С самого начала партия, ориентируясь на представителей лишь одной национальной группы, пошла по пути борьбы за избирателей именно этой группы, видя в этом средство для достижения поставленных задач. Однако изменение экономического статуса африканеров не могло пройти бесследно. Можно отметить взаимосвязь между урбанизацией африканерского населения и целями Националистической партии. По данным Д. Уэлша, в 1904 г. в Южной Африке немногим более 6% африканеров проживало в городах, в 1936 г. эта доля возросла до 44%, а в 1960 г. достигла 76%¹. Националисты, которые начали борьбу за единство и национализм африканеров, за африканер-

¹ D. Welsh. Urbanization and African Nationalism. — «The Journal of Modern African Studies», 1969, vol. 2, p. 265.

скую нацию, пришли к борьбе за единство белого населения Южной Африки в своем требовании бааскапа.

Не следует думать, что тенденция сближения между бурами и англичанами развивалась безболезненно. Впервые, сама эта тенденция стала заметной лишь при ретроспективном изучении и анализе истории Южной Африки, а во-вторых, наличие тенденции еще не означало, что в условиях развивающейся южноафриканской разновидности империализма национально-политическая консолидация африканеров сразу и окончательно была остановлена. Проблема заключалась в том, что национальная консолидация африканеров была обречена на незавершенность.

Одним из парадоксов политической жизни ЮАР является то, что националисты, находясь на крайнем фланге националистических требований, всякий раз после прихода к власти становились наиболее активными проводниками в жизнь идеи сближения африканеров и английской части населения¹. Их сближение, особенно в экономической жизни, являлось объективной тенденцией, хотя наряду с ней продолжали существовать интересы английской части населения, все еще связанного с метрополией и продолжающего считать себя неотъемлемой частью английской нации, и интересы африканеров, все еще стремящихся к национальному конституированию. В то же время антагонизм европейских национальных групп отходил на второй план при проведении политики в отношении неевропейского населения. Как отмечает Б. Бантинг, «правительство Южной Африки стремилось закрыть перед африканцами все пути к улучшению своего положения и, наоборот, укрепить позиции белых»².

В конце 20-х годов националисты предоставили белому населению возможность высказаться по поводу «белой Южной Африки» и «черной угрозы». Такая постановка вопроса означала в то время не только желание националистов укрепиться у власти, но и — главное — готовность идти на определенные уступки. «Черная опас-

¹ Например, в 1933 г. была создана коалиция Националистической, Южноафриканской (африканеры) и Юнионистской (англичане) партий, что означало усиление позиций всего белого населения на основе их возрастающей экономической общности и укрепления капитализма в ЮАС.

² Б. Бантинг. Становление южно-африканского рейха. М., 1965, стр. 55.

ность» оказалась тем политическим лозунгом, который сгладил противоречия между европейскими группами Южной Африки, а лозунг «белая Южная Африка» означал равенство и объединение африканеров и английской части белого населения на принципах бааскапа по отношению к неевропейскому населению. Логическим развитием такого понимания проблем Южной Африки явился апартеид, который означал также, что тенденция сближения африканеров и англичан в условиях империалистического развития Южной Африки стала реальностью.

Другим парадоксом политической жизни Южной Африки является наличие политических деятелей, которые придерживаются еще более реакционных позиций, чем крайне правые руководители Националистической партии. Их характеризует борьба за «чистоту» идей африканерского национализма. Следствием этой борьбы, как правило, оказывается раскол Националистической партии¹. Таким образом, в борьбе двух мнений в национально-политическом единстве (чисто африканерское и общее белое южноафриканское) происходил раскол партии ради «чистоты» африканерской нации и националистической идеи, который в современных исторических условиях означал выделение африканеров во всех сферах жизни общества. Для достижения поставленной цели были созданы африканерские детские, юношеские и студенческие общества и группы. Основными организациями африканеров являлись: Федерация африканерских культурных обществ, Лига спасения, Институт христианско-национального образования и Общество защиты белых рабочих, каждая из которых в своей сфере проводила политику националистического воспитания африканерских масс.

Главная же роль в разжигании и культивировании националистических чувств африканерского населения принадлежит «Брудербонду» (Братский союз), созданному в 1919 г. Основопологающей идеей «Брудербонда»

¹ Первый раскол произошел еще в Южноафриканской партии, из нее выделилась националистическая партия во главе с Д. Герцогом. Раскол самой националистической партии привел к созданию очищенной националистической партии. И наконец, в 1969 г. после очередного раскола из националистической партии (лидер Б. Форстер) выделилась Возрожденная националистическая партия во главе с А. Герцогом (сын Д. Герцога).

явилась идея божьего предызбрания, распространенная на всю африканерскую группу населения. «Брудербонд» считал, что «африканерская нация оказалась на этой земле волею бога, который предопределил ее дальнейшее существование как нации с ее собственным характером...»¹. Иными словами, «Брудербонд» должен был объединить африканеров для борьбы за главенство африканерской нации, активно формировать национальное самосознание, готовить африканеров к битвам за «кальвинистскую, христианско-национальную... республику Южной Африки»², основанную на идее раздельного существования — апартеида.

В подобном духе действовали и вышеуказанные африканерские организации. На определенных этапах, когда Националистическая партия находилась в оппозиции, все эти организации, включая и партию, активно содействовали национально-политической консолидации африканеров.

Все же победа националистов зависела не только от сплоченности африканеров, но и от англоговорящего населения, которое, утрачивая связи с Англией, превращалось в коренное население Южной Африки, подобно африканерам, что вело к принятию ими планов националистов в отношении неевропейского населения и даже республики, но при условии полного равенства двух европейских составляющих. Последнее как раз и означало бы фактический отказ от завершения национально-политической консолидации африканеров. Однако это было не просто политическим требованием английского населения, а следствием империалистического развития Южной Африки и не оставляло никаких надежд узким националистическим расчетам африканеров. Взаимопонимание, проявившееся среди белого населения ЮАС в 1936 г., было оформлено в виде лозунга Националистической партии: «Мы хотим добиться, чтобы Южная Африка осталась страной белого человека».

Политическая и военная экспансия гитлеровской Германии пробудила угасающий национализм африканеров, а первоначальные успехи фашистских войск во второй мировой войне оживили надежды африканеров на захват власти в стране и победу африканерского национализма

¹ A. Hepple. Verwoed. London. 1967, p. 87.

² Ibid., p. 37.

без всякого компромисса. Основным требованием националистов в эти годы стало требование республики, понимавшееся как республика белых, в которой африканерам отводилась первая роль, а англичанам — вторая.

Разгром гитлеровской Германии перечеркнул надежды африканеров видеть англичан гражданами второго сорта, но не затронул главного требования — республики. Другими словами, логика развития локального империализма фактически разрушила любые африканерские и английские попытки изменить суть самого процесса становления капитализма в его высшей стадии в поселенческой колонии. И африканеры, стремящиеся к своему национальному государству, и англичане, связанные с метрополией, не могли достичь своих узких целей, так как неизбежно вступали в конфликт с самими собой, твердо укрепившимися в Южной Африке и имеющими свои локальные интересы.

К выборам 1948 г. Националистическая партия пришла под лозунгом апартеида, который на этот раз окончательно воплотил в себе африканерский и южноафриканский английский национализм. Эти выборы, принесшие победу националистам, со всей очевидностью показали, что африканеры, некогда насильственно включенные в развитое капиталистическое общество, пытались не только сохранить свое национальное лицо, но и максимально использовать для этого те возможности, которые открылись перед ними. Находясь в привилегированном положении по отношению к неевропейскому населению, африканеры, не обладая достаточной экономической мощью, повели национальную борьбу путем защиты старой бурской политики полной сегрегации и тем самым выступили в едином строю с англичанами, что привело к ослаблению чисто национальных требований африканеров. Доктрина апартеида в этих условиях оказалась базой для создания блока белого населения против неевропейского населения.

В Южной Африке капиталистическое хозяйство ломает этническую чересполосицу европейского и африканского населения, и это закономерно. Однако тем и реакционен апартеид, что он отгораживает белое население от африканского и создает условия для возникновения белой империалистической нации, которая в своеобразных условиях Южной Африки должна быть нацией гос-

под. Апартеид призван «исправить» логику капитализма, не допустить появления единой африканской нации, сохранить племенную раздробленность. Отсюда резерваты, обучение на племенных языках, консервация племенных отношений и т. д.

После экономического кризиса 30-х годов лидеры националистов поняли, что африканеры окончательно втянуты в сферу капиталистического производства, что урбанизация — явление постоянное. Урбанизация изменила африканеров. Ныне большинство африканеров живет в городах, их вкусы и привычки претерпели эволюцию. Выросла африканерская буржуазия, которая оказывает значительное влияние на ход национально-политической консолидации африканеров.

Действительность свидетельствует о легкости, с которой господствующий класс африканеров отказался от борьбы за нацию, используя национализм лишь как лозунг, при помощи которого можно развращать пролетариат, подавлять его классовое сознание.

Националистическая партия оказалась основным политическим орудием африканеров. Выдвинув апартеид, националисты не замкнулись в рамках одной национальной группы, а выступили с позиций «белой Южной Африки» и «единства белой Южной Африки» вместо «африканерского единства» и «превосходства африканеров». Этим они поставили на повестку дня вопрос о республиканской форме правления как наиболее полно отражающей интересы локального империализма. Борьба за республику, по мнению лидеров Националистической партии, должна была проходить через полное разрешение «туземного вопроса». Смысл этого положения заключался в беспрепятственном проведении апартеида в жизнь. В то же время республиканская форма правления должна была не только снять препятствия на пути африканерской политики, но и благоприятствовать национально-политической консолидации, уже не столько узкоафриканерской, сколько империалистической, т. е. включающей английскую часть населения ЮАС.

Республика, пришедшая на смену Союзу с его крепкой связью с Англией, не была государством завершенной национально-политической консолидации африканеров. Наоборот, национально-политическая консолидация не получила своего завершения в виде создания буржуаз-

ной нации африканеров, а республика как форма государственного объединения подвела черту под национальными устремлениями африканеров. С этого времени, говоря о ЮАР, следует иметь в виду, что все белое население, невзирая на вспышки английского и африканерского национализма, объединено в единой экономической общности и в силу колониальной сущности государства занимает положение господствующей империалистической нации.

Экономическое и политическое развитие должно было привести к объединению белого населения как господствующей группы в рамках своей локальной обособленности, которая впоследствии, после укрепления, должна была примириться с великодержавным империализмом. При этом «классовый состав общества в большей мере совпадает с расовым и национальным»¹, что приводит к совпадению классового и национально-расового гнета, противопоставлению всего белого населения африканскому, за счет эксплуатации которого происходит затухание классовых и национальных противоречий в среде белого населения, где национализм африканеров теряет черты локального империализма, сливаясь с великодержавным.

Выборы 1948 г. показали, что, голосуя за националистов, южноафриканские белые голосовали за бааскап, считая его само собой разумеющимся в доктрине апартеида. «Традиционный апартеид попросту означает, что белые и черные не могут никогда встречаться в ином качестве, кроме как господ и слуг»².

Постоянный и всевозрастающий приток африканцев в города, в промышленность — эта все увеличивающаяся угроза для белого населения (с точки зрения белого населения) явилась одной из основных побудительных причин для выработки теории апартеида. «...Белые, занимающие сравнительно скромное положение, по-видимому, являются теми, кто особенно настойчиво поддерживает меры дискриминации против черных, ибо эти белые видят в неграх своих конкурентов»³.

¹ С. Т. Калтахчян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969, стр. 203—204.

² L. Brown. Against the World. New York, 1969, p. 55.

³ Хун Кома. Расовые мифы. — «Расовая проблема и общество». М., 1957, стр. 222.

Апартеид под маской раздельного существования во всем (в национальном плане, экономической и культурной жизни и т. д.) проводит в конечном счете комплексную политику «господ и слуг», т. е. колониального закабаления. Выдвинув апартеид в качестве государственной политики, националисты в действительности привели в систему все законы и положения, которые существовали до них. Им не пришлось поспешно издавать законы, так как они были изданы до этого, они лишь усилили зримые черты апартеида, выявили его внешние признаки.

Разбив население ЮАР на этнические группы, правительство фактически приступило к проведению в жизнь предвыборного манифеста Националистической партии, в котором, в частности, говорилось: «В целом наша политика предусматривает разделение наиболее крупных этнических групп и подгрупп в районах их проживания, где каждая группа получит возможность развиваться в самообеспечивающуюся единицу. Мы поддерживаем общий принцип территориальной сегрегации банту и белых... причем банту в городских районах должны рассматриваться как временные жители, не обладающие ни политическими, ни социальными правами наравне с белыми. Процесс племенного распада следует приостановить...»¹

Превратившись в унифицированную расовую доктрину белого населения, апартеид сочетает в себе полную территориальную сегрегацию небелого населения, что означает более жесткое ограничение его социальных, экономических и политических прав с расколом, разделением по племенному признаку.

Фактически в ЮАР, как говорится в программе Южноафриканской коммунистической партии, «возник колониализм нового типа, при котором угнетающая белая нация оккупировала территорию и живет бок о бок с угнетенным народом. С одной стороны, нынешняя так называемая «белая Южная Африка» обладает всеми чертами развитого капиталистического государства... С другой стороны, у «небелой Южной Африки» налицо все отличительные черты колонии. Именно это сочетание самых худших черт империализма и колониализма в преде-

¹ Цит. по: «Апартеид. Его последствия для образования, науки, культуры, информации». М., 1969, стр. 22.

лах одной страны определяет особую природу режима, существующего в Южной Африке»¹.

Агрессивный характер фашистской доктрины апартеида со всей полнотой проявился в последнее время в вопросах, связанных с внешнеполитической деятельностью ЮАР. События недавних дней в Анголе вновь показали сущность южноафриканского расизма. «Едва родившись, — отметил Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде КПСС, — это прогрессивное государство стало объектом иностранной интервенции, это — дело рук империализма и южноафриканских расистов — заклятых врагов независимой Африки, а также тех, кто взял на себя неблагоприятную роль их пособников»². Военная интервенция южноафриканских войск в Анголе и отказ правительства ЮАР освободить оккупированную территорию Намибии — отражение стратегии ЮАР как составной части политики империализма.

В последние годы правительство ЮАР заявляло о «либерализации» доктрины апартеида, о стремлении к проведению политики «диалога» с независимыми африканскими государствами. Однако все заявления правящих кругов ЮАР были направлены на внесение раскола в антиимпериалистический, антиколониальный и антирасистский фронт народов Африки.

Как отметил в выступлении на XXV съезде КПСС исполняющий обязанности президента Африканского национального конгресса Южной Африки О. Тамбо, «стремясь приспособиться к меняющейся ситуации, реакционные режимы в этом районе мира, и особенно фашистский режим в Южной Африке, вынуждены отчаянно маневрировать с тем, чтобы противостоять наступлению прогрессивных сил»³.

Только победа национально-освободительного движения в Южной Африке может привести к решению национальной проблемы ЮАР.

¹ «The Road to South Africa Freedom». The Programme of the S. A. Communist Party. London, 1962, p. 26.

² Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС о очередных задачах партии в области внутренней и внешней политики, стр. 14.

³ «Правда», 4 марта 1976 г

О ХАРАКТЕРЕ И РОЛИ НАЦИОНАЛИЗМА РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

1. Ленинизм

о национализме угнетенных наций

Проблема национализма в развивающихся странах, определение его характера и роли как в период завоевания политической независимости, так и в период борьбы за экономическую самостоятельность — одна из сложных проблем национально-освободительных движений. Она имеет важное теоретическое и практическое значение.

В свое время В. И. Ленин указывал, что в основе всех видов и форм национализма лежит стремление буржуазии отстаивать свои классовые интересы, защищать привилегии своей нации и обрекать другие нации и народы на подчиненное и даже бесправное положение. В шовинизме и расизме, в защите национальной и расовой обособленности, в национальном эгоизме и проповеди национальной исключительности проявляются различные формы и виды идеологии буржуазного национализма, буржуазного мировоззрения. Идеологи империализма делают все, чтобы подменить классовую борьбу пролетариата против национальной и международной буржуазии меж-

доусобной борьбой различных наций, народов и племен, подорвать основы интернациональной солидарности трудящихся как внутри страны, так и на международной арене. Они выдают свои классовые интересы за общенациональные, затушевывают классовые различия и классовую борьбу, противоположность интересов пролетариата и буржуазии.

В. И. Ленин решительно осуждал проявление национализма в рабочем и коммунистическом движении, выступал против «приспособления» социализма к национализму, против партий и организаций, прикрывающих социалистическую фразеологией свою националистическую сущность.

Опасность проявления буржуазного национализма особенно сильна в странах, длительное время подвергавшихся угнетению, где сохраняется отсталая мелкобуржуазная структура, а рабочий класс недостаточно развит и не имеет массовой марксистско-ленинской партии, вносящей социалистическую идеологию и сознание в ряды пролетариата и всех трудящихся. Особенно живучи мелкобуржуазные предрассудки и национальное недоверие в крестьянской среде.

Подчеркивая необходимость борьбы против всех видов и форм буржуазного национализма, В. И. Ленин вместе с тем был против абстрактной постановки вопроса «о национализме вообще». Он требовал учитывать конкретные условия, содержание и характер проявления национализма в различных странах, указывал на необходимость «отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой»¹.

Национализм угнетающей, великодержавной нации направлен на порабощение слабых и малых наций, национальных меньшинств, и он всегда реакционен. Партии рабочего класса борются с ним бескомпромиссно. Другое дело — национализм угнетенных и малых наций, направленный против всех видов угнетения и неравенства, имеющий общедемократическое содержание, которое, как говорил В. И. Ленин, «мы безусловно поддерживаем»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 358—359.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 276.

Вместе с тем В. И. Ленин обращал внимание на два направления национализма и важность принципиального выделения его «двух тенденций», одна из которых участвует в борьбе против всех видов угнетения и насилия, а другая стремится навязать широким массам буржуазный национализм и отстаивать интересы буржуазии. Но признание исторической закономерности и прогрессивности национальных движений и национализма угнетенных наций должно ограничиваться, как отмечал В. И. Ленин, «строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях, — чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией»¹.

Марксисты-ленинцы поддерживают не национализм угнетенных наций, как таковой, а его демократическое содержание. Речь идет не о сущности национализма, которую они отвергают, а о его конкретно-историческом прогрессивном проявлении, которое направлено против всякого угнетения и неравенства наций. «Поскольку буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, — писал Ленин, — *поскольку* мы всегда и во всяком случае и решительнее всех за, ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения. Поскольку буржуазия угнетенной нации стоит за *свой* буржуазный национализм, мы против»².

Марксисты-ленинцы отличают национальное от националистического, поддерживают все подлинно национальное, отвечающее интересам широких масс, учитывают национальную психологию, сознание, чувство, национальную культуру, язык и обычаи. В то же время они выступают против всего националистического, против разжигания национальной розни, национального нетерпения, недружелюбия, превосходства одной нации над другой, против национального чванства, эгоизма и абсолютизации национального момента.

Исходя из ленинского анализа, Программа КПСС также указывает на проявление в национализме угнетенных наций как общедемократического, так и реакционного содержания. Силы империализма и реакции стремятся использовать реакционную сторону буржуазного национализма освободившихся стран, «оттеснить демо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 132.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 275.

кратические силы наций, воспрепятствовать социальному прогрессу, помешать распространению научного социализма»¹.

Национализм в развивающихся странах, как и в развитых, неоднороден, многолик и сложен. Неравномерность социально-экономического развития отдельных стран, различный уровень жизни их народов определяют и неодинаковый характер проявления национализма. В освободившихся странах широко распространены национализмы: патриархально-общинный, феодальный, буржуазный, мелкобуржуазный, религиозный и т. д. Однако при всем многообразии проявления национализма в этих странах по характеру и содержанию можно выделить два главных направления: 1) прогрессивное (демократическое), содействующее борьбе против угнетения и неравенства нации, и 2) реакционное, смыкающееся с силами внутренней и внешней реакции. Критерием для определения прогрессивности или реакционности национализма служит его отношение к общей борьбе против империализма и реакции, против всех видов угнетения и неравенства, за национальную независимость и экономическую самостоятельность, отношение к внутренним и внешним прогрессивным силам, и прежде всего к трудящимся массам, к выбору дальнейшего пути развития молодых национальных государств.

Национализм сыграл свою роль в завоевании народами колониальных и зависимых стран политической независимости. Прогрессивная тенденция национализма развивающихся стран и теперь содействует их участию в борьбе против империализма и неокolonизма и потому имеет позитивное значение. Реакционная же тенденция национализма играет на руку империализму и реакции.

2.

Национализм развивающихся стран и неокolonизм

После завоевания народами колоний и полуколоний политической независимости представители прогрессивного

¹ «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 360.

проявления национализма в развивающихся странах продолжают борьбу против империализма и реакции, за экономическую самостоятельность. Проникновение империализма в экономику стран бывшей колониальной периферии происходит под видом экономической, финансовой и научно-технической «помощи». Во многих молодых государствах империалистические державы имеют значительные капиталовложения и экономические интересы, сильные позиции как во внешней торговле, так и на внутреннем рынке. В итоге увеличивается финансовая, экономическая и технологическая зависимость большинства молодых национальных государств от развитых стран капитализма.

В условиях неравноправных отношений между империалистическими державами и освободившимися странами национальные чувства молодых государств стали еще более обостренными. Их национализм в основе своей направлен против продолжения старых и применения новых методов и форм угнетения, против идеологии и политики неокOLONиализма, против шовинистического отношения к народам, нациям и расам развивающихся стран. По существу это национализм все еще эксплуатируемых наций, имеющий антиимпериалистическую, нередко и антикапиталистическую направленность.

В связи с переходом национально-демократических революций на новый этап коренных социально-экономических преобразований в освободившихся странах идет процесс размежевания и поляризации борющихся социально-политических сил, в том числе и среди националистов. Происходит расслоение национальной буржуазии; обостряются противоречия между мелкой и средней буржуазией; национальная буржуазия утрачивает прежнюю революционную роль, и ее место занимают национально-демократические прослойки.

Пришедшие в освободившихся азиатских и африканских странах к власти революционно-демократические силы принадлежат к средним, промежуточным, непролетарским в своей основе слоям. В ряде стран они проводят коренные социально-экономические преобразования, превращают государственный сектор экономики в ведущий, расширяют связи со странами социализма и борются против неокOLONиализма. При известных условиях они становятся на путь социалистической ориентации. Осу-

щества социально-экономические преобразования, национально-демократические силы сами изменяются. Они стремятся все в большей степени опираться на массы, а наиболее последовательные из них признают классовую борьбу и передовую роль рабочего класса и делают реальные шаги к сближению с научным социализмом.

Представители же второй тенденции национализма стоят за сохранение буржуазных порядков и за капиталистическую систему хозяйства. Они выступают против глубоких социально-экономических преобразований, против расширения связей со странами социализма и активного участия широких масс в политической жизни своей страны, идут на союз и сотрудничество с империализмом и внутренней реакцией. Прибегая к помощи империализма, они стремятся приглушить общедемократическое, антиимпериалистическое содержание национализма и раздуть его реакционную сторону. Они ведут борьбу против прогрессивных режимов освободившихся стран, против революционных движений.

Конечно, кроме охарактеризованных двух главных тенденций национализма в развивающихся странах можно встретить немало оттенков, промежуточных групп и течений. Однако размежевание политических сил в этих странах и среди националистов идет в основном между силами прогресса и демократии, с одной стороны, силами реакции и империализма — с другой.

В борьбе за подлинную национальную независимость и экономическую самостоятельность, за социально-политические преобразования рабочий класс развивающихся стран поддерживает прогрессивные тенденции антиимпериалистического национализма, идет на сотрудничество с революционно-демократическими силами и борется как против неокOLONиализма, так и против представителей реакционной тенденции национализма. Проблема отношения рабочего класса к национализму угнетенных и освободившихся наций — это в значительной мере проблема отношения к союзникам рабочего класса в антиимпериалистической борьбе.

Определяя стратегию и тактику пролетариата в национально-освободительных движениях, В. И. Ленин призывал быть внимательным к тем возможным союзникам пролетариата в революции из среды промежуточных классов и средних слоев, которые поворачивают к проле-

тариату, и вести борьбу против тех, кто поворачивает к буржуазии. Урок истории состоит в том, указывал Ленин, что мелкобуржуазные элементы «далеко не при всех условиях и далеко не во всех странах являются, могут являться и должны являться противниками социализма»¹. Поэтому партии пролетариата стремятся к тому, чтобы найти пути подхода к непролетарским элементам и прослойкам, к разным революционно-демократическим партиям и силам, ко всем возможным союзникам пролетариата, в том числе к революционным демократам и прогрессивным националистам, выступающим против общего врага.

Одной из особенностей современного этапа национально-освободительного движения развивающихся стран является то, что в ряде стран Азии и Африки происходит известное сближение точек зрения различных национально-демократических партий и революционных организаций, вырабатывается общая платформа патриотических и прогрессивных сил, выступающих против империализма и неокOLONиализма. Подлинные сторонники прогресса в освободившихся странах понимают, что успех борьбы за достижение полной политической и экономической самостоятельности в значительной мере зависит от объединения и консолидации всех демократических и патриотических сил нации. В борьбе против империализма, неокOLONиализма и реакции коренные интересы рабочего класса, народно-демократических сил и всех трудящихся освободившихся стран совпадают.

Факты показывают, что во многих освободившихся странах с учетом нынешнего соотношения классовых и политических сил, в том числе многопартийности, ни один класс, ни одна политическая партия не в состоянии в одиночку решать задачи национально-демократической революции, монопольно руководить перестройкой социально-политической жизни на путях прогресса. Поэтому наиболее соответствующей современному этапу формой революционной борьбы против империализма и неокOLONиализма и продвижения революции вперед стало объединение революционных и прогрессивных сил в едином антиимпериалистическом фронте. Как отмечало международное Совещание коммунистических и рабочих пар-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 133.

тий 1969 г., интересы социального прогресса народов недавно освободившихся стран требуют «тесного сотрудничества между коммунистическими партиями и другими патриотическими и передовыми силами»¹. Выступая на этом совещании, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отмечал, что в борьбе против империализма, неоколониализма и реакции «решающее значение приобретает формирование прочного союза всех прогрессивных, всех антиимпериалистических сил»².

В политической жизни многих освободившихся стран происходят важные изменения. Взамен прежнего общенационального фронта борьбы за политическую независимость, в котором участвовали представители всех классов и классовых групп, в том числе и национальная буржуазия, теперь создается национально-демократический фронт борьбы против общего врага. В нем участвуют лишь те патриотические и антиимпериалистические силы, которые продолжают борьбу против империализма и выступают против неоколониализма. Этот фронт уже не включает те круги национальной буржуазии и других эксплуататорских классов, которые идут на сговор с империализмом. Единство общенациональных сил, возникшее в ходе национально-освободительного движения, теперь переходит в единство всех национально-демократических сил, выступающих за доведение национально-демократической революции до конца.

Примером сближения позиций и сотрудничества между коммунистами и революционными демократами может служить опыт создания антиимпериалистического фронта в Сирии и Ираке. В Сирии, например, Прогрессивный национальный фронт (ПНФ) ставит перед собой задачу укрепления революционно-демократического режима и упрочения некапиталистического пути развития, развертывания борьбы против неоколониализма, феодализма и крупной буржуазии.

В Ираке Прогрессивный национально-патриотический фронт включает левых баасистов и коммунистов. В задачи фронта входит осуществление прогрессивных социально-экономических преобразований с целью созда-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы, стр. 314.

² Там же, стр. 62.

ния предпосылок для образования в будущем социалистического общества. Созванное в апреле 1975 г. Совещание представителей коммунистических и рабочих партий арабских стран отметило как положительный факт формирование прогрессивных национальных фронтов в ряде государств, вхождение коммунистов в состав правительств, легализацию компартий. Совещание указало на необходимость сохранения возникших прогрессивных режимов, консолидации и союза между всеми прогрессивными силами, развития демократии в интересах трудящихся¹.

Аналогичное сотрудничество и координация усилий прогрессивно-патриотических партий и сил происходят в ряде других стран Азии, Африки и Латинской Америки.

3. Деятели национально-освободительных движений о национализме

Ленинское определение демократического содержания и двойственной природы национализма угнетенных наций оправдалось на богатом опыте истории. Во многих странах Азии и Африки национально-освободительные движения разворачивались под флагом национализма. Изучение истоков и характера национализма угнетенных наций показывает, что главное его острие направлено против чуженационального гнета и ставит своей целью достижение национальной независимости и свободы. В национализме, например, таких деятелей Азии и Африки, как Сунь Ят-сен, М. Ганди, Кемаль Ататюрк, Дж. Неру, Аун Сан, П. Лумумба, Г. А. Насер, и других доминирует прогрессивная тенденция. Они призывали свои народы к борьбе против империализма и колониализма, против внутренней и внешней реакции.

Свой принцип национализма Сунь Ят-сен определял как программу борьбы против империализма, за освобождение китайского народа от чуженационального гнета. Под воздействием идей Великой Октябрьской социалистической революции в России Сунь Ят-сен дополнил

¹ См. «Правда», 25 апреля 1975 г.

свои «три народных принципа» — национализм, демократизм и народное благоденствие — тремя новыми политическими установками: союз с Советской Россией, союз с коммунистической партией, поддержка рабочих и крестьян. Эти установки отразили прогрессивный характер национализма Сунь Ят-сена, которого, как известно, В. И. Ленин называл представителем «боевой и победоносной китайской демократии»¹.

Против колонизаторов был направлен и национализм выдающегося сына Индии Махатмы Ганди, возглавлявшего антиимпериалистическую борьбу широких масс страны. «Национализм в моем понимании, — говорил он, — значит, что моя страна должна обрести свободу»². В. И. Ленин указывал, что в движении против английского империализма М. Ганди объективно играл прогрессивную роль.

Развивая в новых условиях идеи М. Ганди, другой выдающийся деятель Индии — Дж. Неру писал, что «современный национализм является реакцией против иностранного империализма и расизма»³. Вместе с тем, как отмечал Дж. Неру, «возникли другие принципы, более прочно опирающиеся на неопровержимые факты сегодняшнего дня, — принцип интернационализма и пролетарский принцип»⁴. Поэтому он призывал к сотрудничеству с представителями пролетарского принципа и прогрессивными силами как внутри страны, так и вне ее.

Против иностранного гнета был направлен антиимпериалистический национализм Кемалья Ататюрка. Турецкие националисты с оружием в руках сражались с империализмом, что, по словам В. И. Ленина, заставило «самые мощные империалистские державы убрать руки прочь»⁵. Однако впоследствии правые националисты Турции пошли на сближение с силами реакции и империализма, приглушили демократическое содержание кемалистского национализма, раздули его реакционные тенденции и оттеснили левых националистов.

Прогрессивен был и национализм видного революци-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 400.

² Цит. по: Дж. Неру. Открытие Индии. М., 1955, стр. 457.

³ J. Nehru. India To-day and To-morrow. — «Economic Review», AICC, I.IV.1959, p. 5.

⁴ Дж. Неру. Открытие Индии, стр. 24.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 354.

онного демократа, национального героя Бирмы Аун Сана. Он призывал «придерживаться такого национализма», который не направлен против других народов: «Я признаю как достоинства, так и ограниченность чистого национализма. Я люблю его достоинства, но не допускаю ослепления его узкими рамками, хотя понимаю, что для громадного большинства наций преодолеть эти рамки нелегко. До тех пор, пока национализм воспитывает в нас любовь к своему народу и другим народам или по крайней мере не прививает нам ненависти к другим, я полностью за него. До тех пор, пока национализм вселяет в нас чувство национальной и социальной справедливости, ведущее нас на борьбу с любыми проявлениями угнетения и тирании у нас в стране и во всем мире, я полностью за него»¹. Аун Сан призывал к объединению всех прогрессивных и патриотических сил страны в борьбе с колониализмом и империализмом, за единство действий рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Он выступал против реакционных националистов, идущих на соглашение с империализмом. Последователи Аун Сана в Бирме борются за то, чтобы страна шла по пути прогресса, в направлении к социализму.

Президент Египта Гамаль Абдель Насер определял содержание арабского национализма как борьбу против империализма и за свободу. «Одна из основных целей арабского национализма, — говорил он, — достижение независимости. Это означает ликвидацию колониального общественного строя, который мы унаследовали от многих лет жизни под властью других»². По мнению Насера, арабский национализм является движущей силой освободительного движения арабов и направлен на то, чтобы обеспечить «братство арабских народов в борьбе против эксплуатации и империалистического господства, суверенитет всей арабской нации, независимость арабских народов и повышение их жизненного уровня»³.

Наряду с борьбой за политическую независимость в задачи арабского национализма Насер включал и социальную революцию. За 18 лет участия в развитии египетской революции (1952—1970 гг.) взгляды Насера под-

¹ *Аун Сан*. Бирма бросает вызов. М., 1965, стр. 194—195.

² «Life», 20.VII.1959, p. 27.

³ Цит. по: «Правда», 15 ноября 1968 г.

вергались значительной эволюции. От политики антиимпериализма он постепенно переходил к политике антикапитализма и провел ряд социально-экономических преобразований, направленных против помещиков и крупных капиталистов. Если в начале египетской революции Насер отрицал наличие классовой борьбы в стране, утверждал, что египетский народ — это «единая национальная семья», то потом он признал существование классовой борьбы и заявил: «Пока рабочие и феллахи, угнетенные и лишенные всего в прошлом, не займут свое естественное место в обществе, мы не сможем ликвидировать эксплуатацию»¹. Выступая как представитель революционных демократов, которые стремились обеспечить успех национально-освободительной революции в Египте, Насер говорил, что «нет сентиментального или фантастического социализма, а есть универсальный социализм, основанный на научных принципах... Мы будем изучать социалистический опыт других стран во всем мире»².

Антиимпериалистическому содержанию арабского национализма и арабского единства Насер придавал решающее значение. Осуществление завещания Насера стало знаменем демократических сил Египта в борьбе за прогрессивное развитие страны.

Вместе с тем в арабском мире еще сильны позиции реакционных националистов, политика которых нередко смыкается с планами империалистической буржуазии расколоть единство рядов национально-освободительного движения. Однако этой тенденции противостоит антиимпериалистический национализм прогрессивных сил и широких масс.

4.

Буржуазные концепции о национализме в развивающихся странах

Идеологи империализма делают ставку на реакционные проявления национализма в развивающихся странах, пытаются расколоть и разобщить ряды патриотических и

¹ Цит. по: И. П. Беляев, Е. М. Примаков. Египет: время президента Насера, стр. 321.

² Там же, стр. 312.

революционных сил, противопоставить друг другу национально-патриотическое и коммунистическое движения, оторвать национально-освободительные движения развивающихся стран от мирового пролетарского движения, мирового социализма. Они стремятся приглушить демократическое, антиимпериалистическое содержание национализма, раздуть его реакционные черты, привлечь националистов развивающихся стран на свою сторону и использовать их в своих классовых интересах.

Империалистическая пропаганда умышленно извращает взгляды марксистов-ленинцев на характер и роль национализма в развивающихся странах с целью сорвать процесс консолидации антиимпериалистических сил.

Идеологи буржуазии изображают дело так, будто марксизм-ленинизм непримирим к любым проявлениям национализма, а поэтому не может быть и речи о союзе всех левых сил развивающихся стран, включая коммунистов, революционных демократов и прогрессивных националистов, в целях совместной и согласованной борьбы против империализма и неоколониализма, за прогрессивный путь развития. Например, отрицая возможность сотрудничества между прогрессивными националистами и коммунистами арабских стран, газета «Нью-Йорк таймс» безапелляционно утверждала, что вообще «арабский национализм и коммунизм несовместимы». Эти утверждения были подхвачены некоторыми органами арабской печати, обвинявшими коммунистов в том, что «они якобы проявляют вражду по отношению к арабскому национализму» и таким образом «являются врагами арабского единства».

Определяя национализм вообще как некую надклассовую «идеологию национального самосознания», многие буржуазные авторы преднамеренно не разграничивают национализм эксплуататорских классов и национализм национально-демократических сил, широких масс в развивающихся странах.

Характерна и «эволюция» идеологов империализма. Если в период подъема национально-освободительных движений народов колоний и полуколоний они решительно отвергали их национализм, всячески преследовали националистов, выступавших против колониального господства, то впоследствии, когда стало ясно, что никакими силами не удастся сохранить колониальную систему, так-

тика империализма изменилась. Его адепты ищут своих союзников среди националистов.

Теперь буржуазные теоретики уже делят национализм на два главных вида: «западный» и «незападный». Если национализм стран Западной Европы, утверждают они, играл «гуманную роль», то национализм стран Востока производит «разрушительные действия». Вполне понятно, что националисты, которые выступают за прогрессивное развитие революции, зачисляются в разряд «радикальных» или «красных», а те, кто идет на союз и сотрудничество с империализмом, восхваляются и поддерживаются. Их характеризуют как «умеренных» и «разумных», способных стать «наиболее надежной защитой от коммунизма».

Вместе с тем некоторые буржуазные авторы вынуждены признать ряд фактов. В вышедшей в ФРГ «Современной истории колоний» делается вывод, что основа «колониального национализма» — «отказ от подчинения метрополии, борьба за свободу и равенство, выход из отчуждения, характеризовавшего колониальную ситуацию»¹. Автор книги «Арабский национализм и британский империализм» Дж. Марлоу писал, что «арабский национализм является реакцией на давление Запада». Американец Р. Эмерсон выражает свое несогласие с теми социологами Запада, которые утверждают, что национализм развивающихся стран уже стал анахронизмом, недопустимым в наш атомный век. Эмерсон считает, что основным требованием национализма в этих странах является «восстановление самоуправления, формирование морали и стимулирование социальной солидарности». Шведский экономист Г. Мюрдаль пишет, что «новый национализм в Южной Азии имеет историческое определение, весьма отличное от зарождавшегося национализма в Европе в далеком прошлом». В национализме стран Юго-Восточной Азии наряду с отрицательными чертами Мюрдаль отмечает и прогрессивные, направленные на то, чтобы «создать импульс к изменениям»².

При всем многообразии и разноречивости определений характера и роли национализма в развивающихся

¹ «Moderne Kolonialgeschichte». Köln — Berlin, 1970, S. 37.

² Г. Мюрдаль. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972, стр. 169.

странах буржуазные авторы, как правило, стремятся использовать различные проявления национализма в этих странах в интересах капиталистического развития.

5. О двух сторонах национализма развивающихся стран

При определении роли и характера национализма в развивающихся странах неизменно возникает вопрос: исчерпал ли национализм свою антиимпериалистическую направленность после завоевания политической независимости или его прогрессивные черты все еще сохраняются, участвует ли он в идейно-политической борьбе против империализма и неокOLONиализма, находится ли в лагере патриотических и демократических сил общества?

Разумеется, и после завоевания политической независимости в национализме развивающихся стран проявляются две общеизвестные тенденции: с одной стороны, представители прогрессивного проявления национализма участвуют в борьбе против империализма и неокOLONиализма и защищают интересы своих государств, а с другой стороны, представители реакционного проявления национализма идут на сговор с внутренней и внешней реакцией. Нельзя забывать, что национализм угнетенных и развивающихся стран не только включает идеологию национальной буржуазии, но и отражает идеологию средних, мелкобуржуазных слоев, которые и после того, как национальная буржуазия утрачивает свою революционно-прогрессивную роль, продолжают борьбу против империализма и реакции.

Объективная действительность обязывает и в настоящее время проводить различие между национализмом развивающихся стран, когда он выражает прогрессивные тенденции, жизненные интересы и чаяния народных масс, и национализмом вне пределов этих стран. Поэтому глобальная, недифференцированная характеристика национализма во всем несоциалистическом мире вряд ли способна дать адекватную картину реальных процессов.

В монографии К. Брутенца «Современные национально-освободительные революции» отмечается, что национализм развивающихся стран не исчерпал своего анти-

империалистического и демократического содержания, что «и теперь это — национализм наций, которые во многих отношениях все еще остаются фактически угнетенными и эксплуатируемыми и далеко не достигли равноправного положения в своих связях с империалистическими державами, не завершили духовную «деколонизацию»». Решительно критикуя реакционные проявления национализма в развивающихся странах, К. Брутенц вместе с тем отмечает, что это, «конечно, не означает, что национализм в бывшем колониальном и полуколониальном мире на современном этапе утратил прогрессивные стороны, исчерпал свое антиимпериалистическое содержание, хотя тенденция развития в таком направлении ясно заявляет о себе»¹. Коммунисты выступают против того, чтобы национальное самосознание замкнулось в скорлупе национализма, и ведут активную пропаганду интернационального мирозозерцания как идеологии, отвечающей назревшим задачам национально-освободительных революций.

Ныне антиимпериалистические, буржуазно-демократические движения и революции переросли или перерастают узкие буржуазные рамки. В повестке дня стоят задачи национально-демократических революций, социального освобождения. Опыт показывает, что объединение всех патриотических, демократических и революционных сил в едином антиимпериалистическом фронте оказывается важным фактором прогрессивного развития национально-освободительных революций. А установление тесного сотрудничества и правильных взаимоотношений между всеми революционными и патриотическими силами, между революционными демократами, прогрессивными националистами и коммунистами, несомненно, будет способствовать доведению национально-демократической революции до конца и успешному продвижению по пути к социализму.

¹ К. Н. Брутенц. Современные национально-освободительные революции. М., 1974, стр. 268.

АРАБСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ

1. Этапы эволюции

Развитие антиимпериалистической борьбы в странах Арабского Востока связано с широким распространением идей национализма, ростом его влияния на экономическую и политическую жизнь арабских стран. Усиление национализма в арабских странах в последние годы не только реакция на экспансионистскую политику империализма, пытающегося столкнуть арабское национально-освободительное движение с антиимпериалистическими позициями, но и результат происходящих в арабском мире национальных процессов, обусловленных качественно новым социальным содержанием национально-освободительных революций. В условиях, когда доминирующей тенденцией мирового развития является процесс закрепления и дальнейшего развития разрядки напряженности, открываются возможности, благоприятствующие расширению борьбы арабских народов за установление эффективного контроля над природными богатствами, перестройку неравноправных международных экономических отношений, прогрессивные социальные преобразования.

В ряде арабских стран борьба за национальное освобождение начинает перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений — как феодальных, так и капиталистических. Эта тенденция отчетливо проявляется в странах, вставших на некапиталистический путь развития. В них создаются необходимые экономические, политические и культурные предпосылки для последующего социалистического строительства. В этих странах особенно заметно тесное переплетение национальных и социальных задач антиимпериалистической борьбы.

Социально-экономические изменения, происходящие в арабских странах, определяют своеобразие национализма в условиях борьбы за экономическую независимость. Существенной чертой такого национализма становится не только его антиколониальная, но и антикапиталистическая направленность. Национализм уже не просто реакция на колониальное угнетение, а политическое движение за социальный прогресс.

В начале 70-х годов в развитии арабского национально-освободительного движения произошли существенные сдвиги. В связи с повышением цен на нефть, увеличением поставок нефти на мировой рынок значительно возросла роль арабских стран в системе мирового капиталистического хозяйства.

Новый этап экономических противоречий между развитыми капиталистическими и развивающимися странами отмечен активизацией усилий арабских стран, направленных на коренную перестройку всей системы международных экономических отношений, укрепление хозяйственной самостоятельности, ликвидацию зависимости от империализма. Ряд арабских стран возглавил борьбу за ликвидацию фактической монополии империалистических держав на национальные природные богатства, за использование их для независимого экономического развития.

Возросший экономический потенциал арабских стран увеличил возможности их совместных выступлений против империализма, сионизма и реакции, способствовал сплочению различных отрядов арабского национально-освободительного движения, укреплению антиимпериалистической солидарности арабских народов. Это убедительно продемонстрировала октябрьская война 1973 г.

Свидетельством усиления общеарабского фронта ста-

ло Совещание глав арабских государств в Рабате (октябрь 1974 г.). Выработка участниками Совещания общей политической платформы для борьбы за обеспечение законных прав арабского народа Палестины укрепила позиции арабских стран на международной арене. Прямым результатом этого явились решения и резолюции по палестинской проблеме, одобренные Генеральной Ассамблеей ООН, обсуждение ближневосточного вопроса в Совете Безопасности (январь 1976 г.), где впервые приняли участие представители Организации освобождения Палестины (ООП). Итоги дискуссии в ООН показали значение совместных действий арабских стран, убедительно продемонстрировали растущее понимание всеми миролюбивыми силами и прогрессивной общественностью важности палестинской проблемы, без решения которой невозможно всеобъемлющее справедливое политическое урегулирование ближневосточного конфликта.

Наряду с развитием прогрессивных тенденций национализма в арабских странах отчетливо проявляются и его реакционные стороны. Это в значительной мере связано с активизацией в некоторых странах правого крыла внутри арабского освободительного движения, консолидацией сил, стремящихся дискредитировать социалистическую ориентацию. Усиливается борьба двух тенденций национализма, притупляется его антиимпериалистическая направленность. Национализм нередко становится источником ослабления антиимпериалистического единства, верх берет его реакционная сущность.

На современном этапе развития арабского национально-освободительного движения особое значение приобретает анализ позитивных и негативных элементов национализма в арабских странах, выявление двух основных тенденций в арабском национально-освободительном движении — революционно-демократической и буржуазно-националистической.

Правильная позиция в отношении арабского (и любого) национализма может быть определена лишь при соблюдении социально-классового подхода, учете того, создает ли та или иная тенденция национализма предпосылки для глубоких прогрессивных сдвигов, перехода национально-демократических сил на позиции научного социализма или тормозит социальный прогресс, препятствует развитию мирового революционного процесса.

Какова роль национализма в современном арабском мире? Является ли он временным или долгосрочным фактором, выполняет ли конструктивные или деструктивные функции? Чтобы ответить на эти вопросы, следует прежде всего уяснить его особенности, причины влияния в арабском мире.

Арабский национализм — сложное и противоречивое явление. В широком смысле арабский национализм — политическое движение за объединение арабских стран, достижение политической и экономической самостоятельности, ликвидацию зависимости от империализма во всех сферах экономики, политики и культуры. Но арабский национализм является также теоретическим выражением попыток приспособить арабский мир к ходу мирового развития, добиться национального самоутверждения и самовыражения в условиях усиливающейся интернационализации общественной жизни, ломки межарабских перегородок, преодоления экономической и культурной замкнутости.

Несмотря на пестроту арабского мира, неравномерность экономического, политического и культурного развития отдельных стран, существующие между ними серьезные политические противоречия, можно, по-видимому, говорить об известном сходстве черт, predetermined общностью исторических судеб, языка, культуры, религии, которой на протяжении длительного периода принадлежала роль интегрирующего фактора.

Возникновение арабского национализма тесно связано с национально-освободительной борьбой народов Арабского Востока сначала против турецкого господства, а затем против экспансии европейских держав. В отличие от развитых стран Европы, где национализм формировался в иных исторических условиях, в арабских странах национализм не всегда имел ярко выраженное буржуазное содержание, что было связано с относительно слабым развитием капитализма в колониях.

Одна из отличительных особенностей арабского национализма состоит в том, что в странах Арабского Востока борьба против империализма, за преодоление раздробленности арабского мира развертывалась прежде всего под лозунгами арабского единства. Фактором, усиливавшим стремление арабов к единству действий, стала палестинская проблема. Сионистская экспансия в Пале-

стине в 20—30-е годы способствовала подъему национального сознания арабских народов, пробуждению у широких масс чувства патриотизма и национальной солидарности. Новая волна арабского национализма поднялась во время палестинской войны в мае 1948 г. Спровоцированная империалистами, палестинская война между арабскими государствами и Израилем сделала необычайно популярным лозунг объединения арабов на антисионистской платформе.

Борьба против империализма, заинтересованность в предотвращении постоянной угрозы империалистической агрессии против арабских государств укрепляла национальные чувства арабских народов, видевших в объединении гарантии безопасности.

Просветительское движение в наиболее развитых арабских странах, начавшееся с середины XIX в. прежде всего в Сирии (50—70-е годы), Египте (80—90-е годы), деятельность мусульманских реформаторов в последней четверти XIX в. положили начало формированию арабской общественно-политической мысли¹. Именно в этот период зарождается идеология арабского национализма, закладываются теоретические основы национально-освободительной борьбы, начинают складываться общественно-политические концепции арабских просветителей, выражавших интересы как формировавшейся арабской буржуазии, так и выходцев из феодальных кругов, выступавших против отсталости, феодальных пережитков, сдерживавших развитие буржуазных отношений. Арабский национализм выступает главным образом как противовес навязываемым колониальным концепциям.

Победа над фашизмом создала благоприятные условия для роста национально-освободительной борьбы на Арабском Востоке. Появление независимых арабских республик, ликвидация режима иностранной военной оккупации в Сирии и Ливане (1946 г.) послужили толчком для развития антиимпериалистического движения во всех арабских странах. Национально-освободительное движение начинает превращаться в действенный фактор революционного процесса.

¹ Подробнее об этом см.: «Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX—начало XX вв.)». М., 1973; З. И. Левин. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте. М., 1972.

В условиях перехода от колониальной зависимости к независимому развитию в группе арабских стран сложилась ситуация, когда ни буржуазия, ни пролетариат не смогли взять на себя руководство революцией. На первый план выдвинулись революционно настроенные представители мелкой буржуазии. Объективно заинтересованные в осуществлении антиимпериалистической революции, они берут на себя выполнение ее национальных и социальных задач.

К началу 50-х годов под влиянием внутренних и внешних факторов в содержании арабского национализма произошли значительные изменения. На этапе борьбы за политическую независимость лозунг национального освобождения нес в себе в основном антиколониальное, антиимпериалистическое содержание. После завоевания государственного суверенитета сама жизнь внесла в него уточнения. По мере обострения внутренних противоречий в арабских странах все отчетливее обнаруживалось, что общенациональная идеология начального периода национально-освободительного движения уже не соответствует экономическим потребностям, не отражает тех изменений, которые произошли в расстановке классовых сил. Традиционный национализм уже не мог быть импульсом развития, адекватным идеологическим выражениям процессов, связанных с поисками путей развития, выбором общественной ориентации.

Осознание необходимости осуществления социальных изменений в арабских странах, рост антикапиталистических настроений масс привели к широкому распространению идей социализма на Арабском Востоке. Появляются концепции, в которых националистические установки увязываются с социалистическими лозунгами. Социализм становится «радикализированным и во многих случаях более эффективным вариантом национализма»¹.

Рост интереса к социализму в арабском мире был обусловлен объективными причинами. В социализме лидеры многих арабских стран видели альтернативу капитализму, неспособному создать условия для быстрого экономического развития, обеспечить подъем жизненного уровня народных масс, эффективное средство ликвидации экономической отсталости. В конце 50-х годов ряд идео-

¹ См. «Вопросы философии», 1969, № 6, стр. 44.

логов арабского национально-освободительного движения, не ограничиваясь лозунгами национализма, выдвинули концепции «арабского социализма». Однако этот социализм представлял не что иное, как мелкобуржуазное, националистическое истолкование социализма, попытку сконструировать особую модель, в которой могли бы сочетаться националистические лозунги и некоторые принципы социализма, истолкованные в соответствии с национальной спецификой.

Один из идеологов арабского национализма и баасистского движения, М. Афляк, в книге «Битва народов единой судьбы» писал: «...социализм — это средство для возрождения национализма в нашей партии, это ворота, через которые арабская нация вновь входит в историю. Национализм, т. е. арабское единство, — это и есть наш путь к социализму. На шкале ценностей единство стоит выше социализма»¹. Мелкобуржуазная трактовка социализма содержалась и в программе партии Баас, в которой утверждалось, что она является социалистической партией и что социализм вытекает из самой сущности «арабского национализма»². Иными словами, лозунг социализма был поставлен на службу национализму и националистической идеологии.

Подмена классовой постановки вопроса рассуждениями о приоритете национализма над всеми социально-экономическими факторами, отождествление национализма и единства — одного из главных лозунгов арабского национализма фактически вели к оправданию «особого пути», подходу к арабскому обществу с ненаучных позиций.

Важные идеологические сдвиги произошли в арабском обществе в начале 60-х годов. Они были связаны с укреплением левого мелкобуржуазного крыла арабского национально-освободительного движения, выступившего с требованием проведения социальных реформ. В немалой степени они были обусловлены возрастанием политической активности и влиянием национально-патриотических сил в Египте.

Антиимпериалистический курс Египта, где под руководством Насера впервые в арабском мире были осу-

¹ М. Афляк. *Ма' арака аль-масыр аль-вахид*. Бейрут, 1958, стр. 54.

² См. Г. И. Мирский. Арабские народы продолжают борьбу. М., 1965, стр. 78—79.

ществлены социально-политические перемены, сделали исключительно популярными идеи арабского единства.

До 1961 г. в Египте пропагандировался принцип сотрудничества всех классов общества, включая крупную буржуазию. Но классовый мир с буржуазией был недолог. Усиление роли буржуазии в области экономики очень скоро нашло отражение и в ее попытках добиться руководства государственной политикой. Используя популярные лозунги арабского национализма и арабского единства, в которых она видела средство для объединения арабских стран под ее эгидой, крупная египетская буржуазия пошла для укрепления своих позиций на союз с сирийской буржуазией. Однако единство, осуществленное антидемократическими методами, существовавшее лишь на политической основе и не имевшее необходимой социально-экономической базы, было нереальным и малоэффективным. Египетская буржуазия оказалась неспособной добиться объединения арабов. Усилились поиски иных путей реализации единства.

После выхода Сирии из состава ОАР (сентябрь 1961 г.) идея Насера об объединении арабов, включая и представителей эксплуататорских классов, была заменена лозунгом борьбы против реакционных режимов, создания союза стран прогрессивной ориентации. В новую концепцию арабского единства, предусматривавшую установление единства на революционной основе, был привнесен антибуржуазный элемент. Нежелание буржуазии сотрудничать с новым режимом, ее сопротивление антикапиталистическим июльским декретам Насера в 1961 г. ускорили принятие мер, которые способствовали развитию Египта по некапиталистическому пути¹. Правительство ОАР оказалось перед необходимостью начать наступление на позиции египетской буржуазии. Антиимпериалистическая и антифеодальная революция начала приобретать антикапиталистическую направленность.

Борьба за выбор пути развития проходила в условиях острых классовых столкновений. Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что в Сирии за 20 лет ее независимого существования произошло более 20 военных перево-

¹ См. *Г. И. Мирский. Армия и политика в странах Азии и Африки.* М., 1970, стр. 73—76; *И. П. Беляев, Е. М. Примаков. Египет: время президента Насера,* стр. 305—323.

готов, прежде чем у власти утвердилось прогрессивное крыло Партии арабского социалистического возрождения.

Социально-экономические преобразования в Египте, Сирии, Алжире, направленные против крупной и некоторой части средней буржуазии, способствовали укреплению демократического содержания арабского национально-освободительного движения и арабского национализма.

Усиление прогрессивных тенденций, связанных с борьбой за достижение экономической самостоятельности, социальный прогресс в арабском национально-освободительном движении, вызывало страх империализма и реакции перед перспективами его развития. Израильская агрессия, развязанная против арабских стран в июне 1967 г., показала, что империализм стремится любой ценой остановить освободительное движение арабских народов, а если удастся, то и вынудить его к отступлению.

Развитие событий в арабском мире ускорило выдвижение на политическую арену представителей средних промежуточных слоев, пришедших к руководству арабским национально-освободительным движением. Если на первом этапе национально-освободительной революции можно было говорить о национализме угнетенной нации, поднявшейся под руководством национальной буржуазии против общего врага — колониализма, то после завоевания политической независимости речь идет уже о национализме средних, промежуточных слоев. Представители этих слоев становятся выразителями антиимпериалистических тенденций в национально-освободительном движении, осознают необходимость изменений социально-экономической структуры арабских стран, развития их по пути социального прогресса.

Сдвиги в социально-экономическом развитии арабских стран нашли отражение и в идеологии. Идеологи арабского национализма пытаются по-новому осмыслить изменения в национально-освободительном движении, классовой структуре общества. Наиболее дальновидные представители арабского национально-освободительного движения начинают понимать, что для достижения подлинного единства в борьбе с империализмом и сионизмом и решения объективно назревших социаль-

ных задач недостаточно прежних мелкобуржуазных программ, нужны иные теоретические установки.

Закономерным результатом движения был разрыв с традиционным национализмом, не сумевшим объединить массы перед лицом внешних и внутренних врагов, решить кардинальные проблемы арабского общества.

В концепции арабского единства укрепляются революционно-демократические тенденции. Некоторые лидеры арабского освободительного движения, выступавшие под лозунгами антиимпериалистического национализма, под влиянием конкретной действительности постепенно подходят к идеям социализма. Гамаль Абдель Насер, начав с утверждения о существовании «арабского социализма», пришел к признанию классовой борьбы, необходимости ликвидации «эксплуататорского капитализма» как обязательного условия перехода к социализму¹.

От антиимпериалистического национализма к провозглашению социалистических целей, реальной антикапиталистической борьбе — таков путь представителей патриотической интеллигенции, сумевших подняться до осознания интересов широких народных масс.

Подобная эволюция стала возможна в силу изменения содержания национально-освободительной борьбы на новом этапе, когда на первое место выдвигаются задачи осуществления глубоких социально-экономических преобразований как гарантии уже достигнутых успехов революции. «...Сам национализм этих людей толкает их к принятию социализма, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК Сирийской компартии Х. Багдаш. — И как бы ни казалось это явление парадоксальным, противоречащим прежним критериям, оно является фактом, к которому привела диалектика развития нынешней эпохи, эпохи перехода от капитализма к социализму»².

По существу в силу объективных факторов социально-классового развития на Арабском Востоке речь идет об эволюции от националистических позиций к позициям защиты интересов народных масс на социально-классовой основе. Однако эта объективная тенденция развития прокладывает себе путь через взаимодействие и борьбу

¹ «Political and Social Thought in the Contemporary Middle East». Ed. by *Kemal H. Karpat*. New York — Washington — London, 1968, p. 208—209.

² Цит. по: «Проблемы мира и социализма», 1964, № 8, стр. 55.

многих сил и факторов, что в области идеологии находит выражение в появлении различных теорий арабского национализма. Корни этих теорий — в социально-экономической структуре арабских стран, особенностях социального положения средних слоев, в специфике их психологии и поведения. Особый социально-психологический климат арабского общества, в котором господствуют традиционные представления и огромная роль принадлежит религии и национализму, способствует возникновению концепций, в неодинаковой степени сочетающих религию, национализм и социализм. Значительные различия, существующие между арабскими странами (уровень социально-экономического развития, политическая ориентация, методы решения национальных проблем, отношение к мировой социалистической системе и т. д.), определяют необходимость дифференцированного подхода к проявляющимся в той или иной стране тенденциям арабского национализма.

В целом идеологическая борьба в арабском мире концентрируется вокруг двух основных течений арабского национализма: буржуазно-реформистского, ориентированного на капитализм, хотя оно не обязательно представлено классом буржуазии как таковым, и революционно-демократического, связанного с перспективой преобразования общества на социалистических началах. Между этими двумя течениями сохраняются переходные, промежуточные ступени.

Выявить позитивные элементы в содержании различных концепций арабского национализма можно лишь, если подходить с точки зрения классовой борьбы, сверять лозунги с интересами и политикой отдельных классов, оценивать эту политику не по заявлениям, а по реальному классовому содержанию.

2.

Национализм, ориентированный на капитализм

Одной из разновидностей арабского национализма является тунисский национализм, являющийся основой так называемого «дестуровского социализма» — официальной доктрины правящей Социалистической дестуров-

ской партии (СДП) в Тунисе, выражающей интересы мелкой и средней буржуазии города.

«Дестуровский социализм» помимо терминологического сходства не имеет ничего общего с социализмом, ибо это реформистский национализм, ориентирующийся на капитализм, отрицающий революционные методы борьбы и предлагающий модель эволюционного развития, рассчитанный на прагматическое использование традиций, отдельных элементов социализма и принципов частного предпринимательства в интересах капиталистического развития.

«Дестуровский социализм» отличается полным отрицанием объективных законов социализма, опыта стран реального социализма, и прежде всего СССР. Диктатура пролетариата объясняется анархией, а социализм отождествляется с национализмом реформистского толка. Признавая существование классов, идеологи «дестуровского социализма» отрицают наличие противоречий между ними, формулируют положение о социальном мире и классовом сотрудничестве в обществе. Ссылки на неклассовую природу общества подкрепляются тезисом об особенностях социальных структур стран «третьего мира», рассуждениями о том, что схема, разработанная Марксом, будто бы применима лишь к анализу промышленно развитых государств.

Между тем усиление классовых антагонизмов в стране, обострение социальных противоречий между крупными землевладельцами и феллахами, рабочим классом и новой буржуазией, сложившейся в частном и государственном секторах экономики, растущие оппозиционные настроения среди молодежи и интеллигенции свидетельствуют о том, что классовые противоречия не только существуют в Тунисе, но и углубляются. Социальные конфликты маскируются призывами к классовой гармонии, общенациональному единству. «Все прстиворечия должны отступить перед требованиями национального единства. Это относится ко всем социальным слоям», — писала газета «Аксон», официальный орган Социалистической дестуровской партии¹.

«Дестуровский социализм» игнорирует материальные условия жизни общества. Идеологи преподносят его как

¹ «Action Tunisienne», 12 Juin 1970.

особый вариант социализма, отличного как от капитализма, непопулярного в глазах масс, так и от научного социализма, создающего условия для развития, но «в ущерб душе». Отличительной чертой этого социализма является акцент на некое моральное усовершенствование людей. «Государство, — по утверждению теоретиков режима, — выполняет свой долг в интересах всех, как бедных, так и богатых. . . Такой путь мы избрали для достижения социализма. Наш метод основан на уважении к человеку, а не на классовой ненависти или диктатуре бедных над богатыми»¹.

Причины эксплуатации, злоупотреблений «дестуровский социализм» усматривает не в природе капиталистического способа производства, а в недостатках человеческого воспитания. Субъективные аспекты деятельности человека отрываются от их реального социального содержания. В основу экономической политики положено поощрение частного национального и иностранного капитала. Укрепление позиций иностранного капитала в экономике страны привело к тому, что страна находится в зависимости от неоколониализма².

Критикуя ошибочные концепции «дестуровского социализма», видный деятель тунисского коммунистического движения М. Хармель подчеркивал: «Социализм не может быть арабским, африканским и дестуровским. Он может быть только научным. Само собой разумеется, что этот вывод не должен привести нас к сектантской позиции по отношению к немарксистским социалистическим течениям, которые отражают огромную притягательную силу социализма, могут послужить переходными формами к научному социализму и выражают в определенной степени социалистическую ориентацию»³.

Правительство Туниса за годы независимости провело серию социально-экономических мероприятий: создан государственный сектор; национализированы электростанции, городской транспорт, железные дороги, ранее принадлежавшие французским монополиям, приняты меры по развитию сельского хозяйства. Но и национализа-

¹ «The Ideologies of the Developing Nations». Edited and with introduction by Paul E. Sigmund. New York — London, 1963, p. 144.

² Подробнее см.: В. Гусаров. Тунис. М., 1974, стр. 31, 34.

³ «Международное Собрание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969». Прага, 1969, стр. 235—236.

ция, и частичное ограничение капитала, и создание кооперативов — все это осуществляется в первую очередь в силу экономической необходимости и, что очень важно, не с антикапиталистических позиций.

Другой разновидностью арабского буржуазного национализма является марокканский национализм. Под его лозунгами выступают идеологи, взявшие на вооружение теории национального капитализма. Использование ими некоторых лозунгов социализма является, с одной стороны, политической спекуляцией на социализме, с другой — попыткой применить в конкретных условиях отдельные принципы социализма, касающиеся сферы экономики, для развития материального производства, не подрывая при этом господства крупного капитала. О таком буржуазном социализме писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «...Под изменением материальных условий жизни этот социализм понимает отнюдь не уничтожение буржуазных производственных отношений, осуществимое только революционным путем, а административные улучшения, осуществляемые на почве этих производственных отношений, следовательно, ничего не изменяющие в отношениях между капиталом и наемным трудом...»¹

Подобного рода концепцию выдвигает королевское правительство Марокко. Национализм, тяготеющий по своей природе к буржуазному прагматизму, питает концепцию марокканских лидеров. Пытаясь сконструировать «третью идеологию», стоящую над классами, они по существу повторяют тезис теоретиков «арабского социализма», утверждающих, что ни социализм, ни капитализм не пригодны для арабского общества, что необходимо создать теорию, «исключающую недостатки капитализма и социализма», философской основой ее должен стать ислам, «учение ислама должно вдохновлять и обуславливать поведение каждого из нас в нашей повседневной жизни»². Ислам и национализм — идеологическая основа деятельности марокканского правительства. Традиционализм умело используется для идеологического оправдания существующего общественно-политического и социально-экономического строя. Концепция марокканского национализма базируется на философии, от-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 454.

² «Maroc — Documents». Rabat, 1963, N 9, p. 16.

вергающей «кровавую битву и восстание» и строящейся лишь на убеждениях¹.

Что же представляет собой марокканский национализм на практике? На первый план выдвигаются интересы экономического развития, но при этом остается в тени классовый характер преобразований. Осуществляемые в стране реформы носят поверхностный характер, не затрагивают самой структуры общества. До сих пор не решены многие экономические и политические проблемы, оставшиеся в наследство от колониального прошлого. Контроль над жизненно важными секторами экономики осуществляют иностранные монополии. Провозглашенный правительством курс на «марокканизацию» отнюдь не направлен против иностранного вмешательства в экономику. «Марокканизация» представляет собой не что иное, как передачу части собственности иностранных монополий национальной буржуазии. Политика «марокканизации» привела к укреплению позиций феодалов, крупной промышленной и торговой буржуазии.

Экономическая программа правительства предусматривает усиление государственного сектора, который становится основой обогащения новых буржуазных слоев. Аграрная реформа проведена в интересах кулаков и помещиков. Не ставится вопрос о ликвидации докапиталистических форм эксплуатации.

«Социализм», к которому, по мысли идеологов режима, должно привести эволюционное развитие капитализма, отождествляется с частичными социальными преобразованиями общедемократического характера, проводимыми в условиях капиталистического развития. Иными словами, национализм монархических кругов Марокко — это буржуазный национализм умеренного толка, обосновывающий эволюционный вариант развития.

Следует отметить, что в последние годы в Марокко сложилась новая политическая ситуация. Подъем антиимпериалистической борьбы ускорил проведение мероприятий, способствовавших усилению борьбы за экономическое освобождение. Приняты меры по ограничению деятельности иностранного капитала в промышленности, сфере торговли, финансов. Ликвидированы позиции иностранного частного капитала в сельском хозяйстве. На-

¹ «Le Monde», 10 juillet 1973.

метились тенденции к либерализации внутренней жизни страны. Правительство объявило о намерении привлечь прогрессивные, демократические силы к участию в решении государственных дел. Начат диалог между правительством и оппозиционными партиями. Большой победой левых патриотических сил явилась легализация в августе 1974 г. Партии прогресса и социализма (ППС), запрещенной в 1959 г.

Эти факты говорят о возможности эволюции марокканского национализма. Реализация ее зависит от осуществления программы последовательной антиимпериалистической борьбы, от единства всех патриотических сил страны.

Крайне правой разновидностью арабского национализма является национализм консервативных проимпериалистических режимов (Саудовская Аравия, Объединенные арабские эмираты и некоторые другие). Проводником националистической политики и практики выступает здесь феодальная верхушка. Апеллируя к лозунгам арабского национализма, она выпячивает его шовинистические аспекты. Лозунги национализма используются для того, чтобы отвлечь массы от борьбы против неокOLONиализма, за социальные преобразования. В этих странах лозунг арабского единства становится средством маскировки обостряющихся классовых противоречий. Идея объединения арабов в борьбе против империализма и сионизма подменяется призывами к единству на религиозной основе. Феодально-буржуазные круги объявляют себя сторонниками ортодоксального ислама, противопоставленного всем другим религиям и атеизму коммунистов, объявленных врагом ислама. Очевидна взаимосвязь такого национализма с антисоветизмом и антикоммунизмом.

Феодально-монархический режим Саудовской Аравии, представляющий интересы блока феодалов и верхних слоев буржуазии, — оплот наиболее консервативных сил в арабском мире. Основная идеологическая концепция режима — ислам. Его влияние на социальную и политическую жизнь страны огромно. С помощью религии правящая верхушка пытается упрочить свое положение, отгородиться от внешних влияний, главным образом от влияния коммунистических идей. Не менее важно также стремление монархического режима сделать ислам осно-

вой общеарабской политики. Главная цель при этом — объединить на базе религии под эгидой Саудовской Аравии все реакционные силы, создать антисоветский «защитный пояс» в арабском мире, уничтожить прогрессивные режимы, якобы «угрожающие существованию арабского мира и ислама»¹. Уничтожение «арабского социализма» признается не менее важным, чем борьба против сионизма.

Сыграв определенную роль в организации нефтяного бойкота, Саудовская Аравия добилась значительного укрепления своих позиций в межарабских отношениях. Но акции, связанные с введением нефтяного эмбарго, были продиктованы отнюдь не антиимпериализмом правящих кругов. Как заявил выразивший официальную точку зрения министр по делам нефти и минеральных ресурсов Саудовской Аравии Ахмед Заки Ямани, «наилучший способ использования арабами их нефти — это рассматривать ее как базу для более тесного сотрудничества с Западом, и особенно с Соединенными Штатами»². Не удивительно поэтому, что неокOLONIZаторы делают на Ближнем Востоке особую ставку на режим Саудовской Аравии.

После убийства короля Фейсала (март 1975 г.) в деятельности правящей элиты наметились определенные сдвиги. Как уже отмечалось, деятельность правительства Саудовской Аравии до недавнего времени характеризовал воинственный панисламизм во внешнеполитическом плане, незначительная модернизация — во внутриполитических сферах. Нынешние саудовские руководители, не отказываясь в целом от прежнего курса, разрабатывают планы модернизации, используя для экономического подъема всевозрастающие доходы от нефти.

Националистические тенденции проявляются и в политике феодально-племенных кругов Иордании.

В марте 1972 г. правящие круги Иордании выдвинули предложение об образовании Объединенного Арабского Королевства, направленное против осуществления права народа Палестины на самоопределение. В арабских странах оно вызвало отрицательную реакцию. Однако в последнее время в политике иорданского прави-

¹ «Afrique — Asie», N 45, 10—23.XII.1973.

² Цит. по: «Новое время», 1973, № 5, стр. 27.

тельства возникли новые моменты. После заключения второго египетско-израильского соглашения о разводе войск на Синае Иордания заняла по отношению к нему критическую позицию. Во время своего визита в Дамаск (октябрь 1975 г.) король Хусейн заявил, что Иордания присоединяется к преобладающей в арабском мире точке зрения, согласно которой общее урегулирование на основе вывода израильских войск со всех оккупированных арабских земель не может быть подменено частичными соглашениями в рамках стратегии «шаг за шагом».

Таким образом, национализм как политическое и идеологическое движение выступает в арабских странах в различных формах, причем прослеживается определенная связь между типами национализма и процессами модернизации общества. В рамках стран капиталистической ориентации в самых общих чертах можно, по-видимому, выделить несколько типов арабского национализма: либеральный национализм реформистского толка, модернизированный буржуазный национализм, консервативный реакционный национализм.

Отличительная особенность арабского национализма — сочетание его с религиозными лозунгами. Связи религии и национализма в арабских странах крепки, но не абсолютны. Механизм взаимодействия религии и национализма определяется тем, какое место отводится этим идеологическим феноменам в системе взглядов стоящих у власти групп, какие функции они выполняют в обществе. В зависимости от конкретных условий соотношение исламизма и национализма может меняться в сторону усиления или уменьшения как религиозных, так и национальных моментов. В одних случаях можно говорить о национализме, не связанном с религией (Тунис), в других — о сочетании национализма и исламизма (Марокко), о появлении особых форм религиозного («мусульманского») национализма. Однако при всех отличиях каждой из разновидностей национализма, обусловленных неодинаковым уровнем экономического, политического и культурного развития той или иной страны, степенью зрелости общественного движения, всем им присущи общие черты. В странах, где национализм становится средством, призванным обеспечить социально-экономические потребности, порожденные зависимостью, на путях капиталистического развития, суть всех разнообразно-

стей национализма сводится к абсолютизации национального момента, манипулированию национальными лозунгами для достижения националистических целей во внутренней и внешней политике, затушевыванию классовых противоречий, извращению национального, превращению его в националистическое.

В то же время углубление освободительного процесса вынуждает отдельных представителей стоящих у власти социальных групп переходить на более радикальные позиции. В ряде случаев они становятся участниками борьбы против империализма вместе с другими антиимпериалистическими силами. Пытаясь проводить независимый от империализма курс, лидеры ряда арабских стран стремятся теоретически обосновать свой новый курс, который якобы не ведет ни к капитализму, ни к социализму, хотя в действительности он не выходит за рамки «зависимого капитализма».

3.

От антиимпериалистического национализма к ориентации на социализм

Важным завоеванием арабского национально-освободительного движения явилось возникновение патриотических прогрессивных режимов. Показателем укрепления антикапиталистических тенденций в развитии национально-освободительной революции стало появление новых общественно-политических сил, связанных с государством, государственным сектором. Во главе этих сил выступила революционная демократия, сделавшая выбор в пользу осуществляемого революционными методами независимого развития с социалистической перспективой.

Выдвижение революционной демократии на передний план антиимпериалистической борьбы — качественно новое явление в развитии национально-освободительного движения на современном этапе. Оно свидетельствует о кризисе политической роли буржуазии, о ее неспособности решить кардинальные проблемы независимого развития. В то же время переход власти в руки революционной демократии — следствие недостаточного развития пролетариата, который в силу ряда объективных и субъективных причин не смог возглавить руководство националь-

по-освободительной революцией на этапе борьбы за экономическую независимость. Представляя интересы широкой коалиции социальных сил, объединяющих крестьянство, рабочий класс, мелкую городскую буржуазию, радикально настроенную интеллигенцию, революционные демократы выдвигают и осуществляют на практике развернутую программу демократических преобразований, которые имеют антиимпериалистическую, а нередко и антикапиталистическую направленность.

Революционные демократы успешно решают задачу создания независимой национальной экономики, постепенно добиваются ее освобождения от господства иностранного капитала. Под контроль государства поставлены все или большая часть природных богатств стран, идущих по некапиталистическому пути. Национализированные нефтяные богатства Алжира, Ирака, Сирии стали действенным орудием в борьбе за экономическую независимость.

Основным направлением социально-экономического развития арабских стран с революционно-демократическими режимами является национализация основных средств производства, создание сильного государственного сектора, осуществляющего контроль над частным сектором. «Контроль над сектором экономики, — указано в документах сирийской Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), — невозможен до тех пор, пока этот сектор не будет превращен в общественную собственность... Только социализм способен создать условия для развития современной промышленной и национальной экономики в слаборазвитой стране»¹.

Государственный сектор составляет базу для социальных преобразований, является важным рычагом развития национальной экономики. В последние годы быстрый рост государственного сектора происходит в Алжире, Сирии, Ираке. В Алжире доля госсектора составляет 80% промышленного производства, в Сирии — около 85, в Ираке — около 70%.

Проводя мероприятия, направленные на освобождение от экономической зависимости от иностранного капитала, ограничение позиций местного капитала, осуществ-

¹ «Documents Relating to Socialist Conversion in the Syrian Arab Republic». Damascus, 1966.

для радикальные аграрные реформы, революционные демократы своей деятельностью способствуют созданию и укреплению экономических, социальных и политических предпосылок, необходимых для дальнейшего продвижения по пути социального прогресса к социализму.

В теоретическом плане наиболее последовательные представители революционной демократии, преодолевая узкие рамки мелкобуржуазного национализма, приближаются к марксистскому пониманию процессов общественного развития, воспринимают у научного социализма критику капитализма, идеи о классах и классовой борьбе, о необходимости политической активизации масс, расширении демократии в социальной и политической сферах. Признание роли рабочего класса — одно из серьезных завоеваний революционной демократии. Выступая на заседании национального совета профессиональных союзов в октябре 1970 г., председатель Революционного совета и Совета Министров Алжирской Народной Демократической Республики Хуари Бумедьен назвал рабочих «истинным гарантом социалистической ориентации страны»¹. Подтверждением курса на увеличение роли рабочих в государственном строительстве является принятие Закона о социалистическом управлении предприятиями, предусматривающего возрастание роли рабочих в управлении производством.

Повышается роль рабочего класса в Сирии. Революционно-демократическое руководство рассматривает рабочий класс в качестве главной опоры в строительстве социализма. Встав на позиции антифеодальной, антикапиталистической борьбы, лидеры левого крыла национально-освободительного движения постепенно приходят к выводу о несостоятельности тезиса об «особом» характере «национального социализма», усиливаются социально-классовые моменты в решении ими общенациональных задач.

В процессе социально-экономического развития стран, идущих по пути социального прогресса, лозунг единства приобретает иную социальную направленность. Если идеологи «арабского социализма», нарушая логическую последовательность этапов, выдвигали лозунг: «Един-

¹ «Discours du president Boumediene. 2 juillet 1970—1 mai 1972», tome III. Alger, 1972, p. 119.

ство, свобода, социализм», то наиболее последовательные из революционных демократов признают, что начальным этапом осуществления арабского единства должно явиться освобождение от экономической зависимости, создание на этапе национально-демократической революции экономических, политических и идеологических предпосылок социализма, а затем уже достижение арабского единства на социалистической основе.

На новом этапе антиимпериалистической борьбы единство внутри страны и совместные действия с другими арабскими странами рассматриваются как предпосылка экономического и социального освобождения.

Критерием зрелости революционно-демократического руководства является отношение к компартии. Отказ от антикоммунизма, признание того, что он вредит интересам национально-освободительного движения, свидетельствует о значительной эволюции, которую проделывают наиболее радикальные представители революционной демократии. Заметную эволюцию в этом направлении претерпела Партия арабского социалистического возрождения в Сирии (ПАСВ) — от мелкобуржуазной узконационалистической, иногда выступавшей с антикоммунистических позиций, до революционно-демократической партии, сотрудничающей с компартией, при участии которой осуществляется программа прогрессивных преобразований, создаются необходимые предпосылки для постепенного перехода к социализму. Примечательна также идеологическая трансформация иракской Партии арабского социалистического возрождения (Баас). Прежнее ее руководство в 1963 г. преследовало коммунистов. После баасистского переворота, в результате прихода к власти национальных прогрессивных сил руководители Баас поддержали идею создания прогрессивного национального фронта с участием всех демократических сил.

Положительные сдвиги в вопросах укрепления союза национально-демократических сил и коммунистов, наметившиеся в некоторых арабских странах, отражают закономерный процесс в развитии арабского национально-освободительного движения, связанный с углублением национально-демократической революции. О качественных изменениях, происходящих в арабском национально-освободительном движении, свидетельствует создание в Сирии Прогрессивного национального фронта (ПНФ),

в состав которого вошли правящая Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ), Сирийская коммунистическая партия (СКП), Арабский социалистический союз (АСС) и ряд других патриотических организаций.

Процесс консолидации демократических сил развивается в Ираке. В июле 1973 г. в стране был создан Прогрессивный национально-патриотический фронт с участием Партии арабского социалистического возрождения (Баас), Иракской коммунистической партии (ИКП) и других прогрессивных сил.

Создание в Сирии и Ираке антиимпериалистических, национальных демократических фронтов с участием коммунистов способствует укреплению социальных завоеваний революционно-демократических режимов, осуществлению программ национального развития, упрочению сотрудничества между этими странами и мировым социализмом. Среди революционных демократов крепнет сознание, что страны социалистического содружества, Советский Союз — надежная опора в борьбе за политическую и экономическую независимость, что союз с ними является гарантией укрепления экономического и военного потенциала арабских стран, условием достижения прочного мира на Ближнем Востоке.

Необходимость дальнейших усилий в направлении всестороннего сотрудничества с социалистическими странами во главе с Советским Союзом подчеркнута в Хартии Прогрессивного национального фронта Сирийской Арабской Республики. «...Социалистические страны во главе с Советским Союзом, — отмечается в Хартии, — это главная международная сила, которая стоит на нашей стороне... Поэтому наша внешняя политика нацелена на достижение самого тесного сотрудничества с этими государствами в интересах совместной борьбы за освобождение и строительство социализма»¹. Экономическая, политическая и военная помощь, оказываемая Советским Союзом и другими странами социалистического содружества арабским народам, позволяет им успешнее вести борьбу против империализма, сионизма и реакции, за единство на антиимпериалистической основе, укрепление национальной независимости и достижение социального

¹ Цит. по: «Современная Сирия» (Справочник). М., 1974, стр. 351.

прогресса. Характерно в этой связи заявление, сделанное на XXV съезде КПСС членом руководства Партии арабского социалистического возрождения Ирака Зейдом Хейдаром. «Мы с надеждой взираем, — говорил он, — на вашу последовательную, полную чувства солидарности деятельность, особенно на нынешнем этапе, когда активизировались происки империализма, и в первую очередь американского, против арабского национально-освободительного движения и антиимпериалистических государств, идущих по пути прогрессивных социальных преобразований»¹.

По мере углубления национально-освободительной революции, усиления ее социальных аспектов происходит эволюция идеологии революционной демократии в направлении к социализму. В то же время в понимании основных задач национально-демократической революции представители революционной демократии придерживаются взглядов, существенно отличающихся от марксистских (защита интересов мелких собственников, специфический подход к проблеме классовых взаимоотношений и т. д.).

Расхождение между научным социализмом и концепциями революционной демократии отчетливо проявляется в отношении религии. Религиозные лозунги — важный структурный элемент идеологических систем в арабских странах. И дело тут не столько в религиозности отдельных лидеров, сколько в социально-психологических особенностях массового сознания в арабских странах. Обращение к религии, используемой революционными демократами в интересах национального развития, для мобилизации масс, — характерная черта идеологической жизни арабских стран. Но не препятствуя на данном этапе проведению социально-экономических преобразований, религия приводит к ослаблению общедемократических, антиимпериалистических элементов в национализме, затрудняет развитие классового сознания и распространение научных знаний в обществе. И это будет продолжаться до тех пор, пока коренное изменение социально-экономической структуры не приведет к ее постепенному отмиранию. Причины непоследовательности, мелкобуржуазной ограниченности ряда лидеров стран

¹ «Правда», 3 марта 1976 г.

социалистической ориентации не только в специфике их классовой базы, промежуточного положения в обществе, но и в социально-политической неоднородности. В рядах революционных демократов идет непрекращающееся размежевание. Четко выделяются два основных направления: левое крыло, тяготеющее к марксизму, и правое, с которым связана опасность бюрократизации, перерождения прогрессивного режима. Борьба между этими направлениями носит сложный и противоречивый характер.

Преодолевая в своей практической деятельности узкие рамки мелкобуржуазного национализма, революционные демократы тем не менее продолжают подвергаться сильному воздействию мелкобуржуазной стихии. Этим объясняется непоследовательность отдельных представителей революционной демократии; некоторые антидемократические тенденции во внутренней политике; боязнь масс, в интересах которых принимаются радикальные социально-экономические меры; поддержка ошибочного тезиса о противоречиях «богатых» и «бедных» стран, играющего на руку империалистической пропаганде, во внешнеполитической деятельности и т. д.

Идеология революционной демократии отражает специфику современного этапа национально-освободительной революции, на котором еще только создаются материально-технические, культурные предпосылки для последующего перехода к строительству социализма.

Антиимпериалистический национализм революционной демократии является объективным закономерным этапом идеологического развития арабских государств. Отличительная черта такого национализма — связь национальных целей с задачами достижения социального прогресса. Этот национализм может быть отождествлен с антиимпериалистическим патриотизмом. Дальнейшая эволюция его во многом зависит от того, насколько глубоко будут проводимые социально-экономические преобразования; как тесна будет связь революционной демократии с мировым социализмом. Отступление от этого союза подрывает единство прогрессивных и демократических сил, ведет к усилению реакционного национализма, антисоветизма.

Опыт развития отдельных арабских стран свидетельствует о том, что социалистическая ориентация существует как тенденция и реализация ее зависит от целого

ряда объективных и субъективных условий. При определенном соотношении классовых сил происходит переосмотр прогрессивных социально-экономических преобразований. Примером подобного рода служит политика нынешнего египетского руководства. Поощрение частного сектора, проведение политики «открытых дверей», предусматривающей широкое привлечение иностранного, особенно американского, капитала, прозападная внешнеполитическая ориентация — все это ведет к отказу от антиимпериалистических принципов Насера, ликвидации прогрессивных завоеваний египетской революции.

Определенные сдвиги произошли и в сфере идеологии. Наметился возврат к ранее преодоленным мелкобуржуазным концепциям, отступление от принципа классовой борьбы. В противовес лозунгу классовой борьбы был выдвинут лозунг «социального мира», надклассового национального единства, не отражающий расстановку классовых сил на этапе углубления революции. Националистические лозунги оказались на первом плане. Характерно заявление египетской газеты «Аль-Гумхурия» о том, что «египетский патриотизм и арабский национализм — основные движущие силы славных побед революции за 20 последних лет»¹.

В высказываниях идеологов посленасеровского периода большое место занимают религиозные обоснования их деятельности. Если Насер, особенно в последние годы, возвращался к мысли о «научном характере социализма», то сейчас в Египте все чаще говорят об «арабском», «исламском» социализме, о строительстве социализма на основе мусульманской веры. Тем самым допускается отступление от программных принципов, сформулированных в «Программе 30 марта 1968 г.» и в Хартии национальных действий (1962 г.), отход от революционно-демократической идеологии в сторону буржуазного национализма.

Подстрекаемое империализмом, а также консервативными арабскими режимами, руководство АРЕ пошло на свертывание связей с Советским Союзом. Проявлением недружественной политики Египта в отношении СССР явилось одностороннее прекращение действия Договора о дружбе и сотрудничестве 1971 г. между двумя стра-

¹ «Аль-Гумхурия», 25 июля 1972 г.

нами. Этот шаг противоречит национальным интересам Египта, всех арабских народов; он ведет к подрыву антиимпериалистического единства прогрессивных сил, к сближению с империализмом и реакцией.

Анализируя различные тенденции арабского национализма, нельзя не отметить, что в некоторых странах, проводящих антиимпериалистическую политику, национализм выступает в своеобразных формах. Отсталость общественного сознания, неподготовленность масс к восприятию современных форм идеологии в условиях, когда особенно актуальной становится задача форсированной модернизации отсталого общества, приводят к тому, что национализм принимает специфическую религиозную окраску, выступая в традиционном облачении. Усиливается религиозный элемент в концепциях национализма, арабского единства, тенденция к подчеркиванию самобытности. Идеи научного социализма в некоторых случаях трансформируются в концепцию «исламского социализма». Понятие «социалистический» оказывается равнозначным термину «арабский исламский социализм», причем религии отводится первое место в освободительной борьбе.

Мусульманская религия представляется панацеей от всех бед, средством решения проблем человечества, ислам рассматривается как основа «третьей теории», имеющей универсальное значение. Подобные концепции разделяются, в частности, некоторыми ливийскими кругами.

Вместе с тем, было бы ошибочно не принять во внимание осуществляемые в стране антифеодальные и антиимпериалистические мероприятия. Шаги на пути укрепления экономической независимости и национального суверенитета, предпринятые в Ливийской Арабской Республике, противоборство с нефтяными монополиями, укрепление позиций государственного сектора в экономике, ряд мер по улучшению положения масс свидетельствуют, что ливийское руководство пытается разрешить экономические и социальные задачи, которые стоят перед страной. Проводимые на практике общедемократические преобразования, имеющие не только антиимпериалистическую, но и антикапиталистическую направленность, позволяют укреплять политические и экономические основы независимости страны.

Арабское освободительное движение переживает один из сложных моментов своего развития. Это связано со спецификой проблем, возникающих перед ним на современном этапе, с трудностями экономического, политического, социального и военного характера, усилившимися в результате арабо-израильской войны. В сложившихся условиях исключительную актуальность приобретает укрепление арабского единства. Между тем, несмотря на проявившееся в период октябрьской войны 1973 г. стремление арабских стран к единству действий в борьбе против израильской агрессии, предпочтение отдается регионализму, национализму, узконационалистические интересы ставятся выше общих интересов. Раздробленность различных отрядов движения препятствует успешной борьбе за достижение прогрессивных целей. Нельзя также упускать из виду, что укрепление тенденции к единству действий арабов, солидарность их в нефтяном, палестинском вопросах, координация военных, политических усилий происходит в условиях сохранения глубоких социально-экономических, политических и идеологических различий между арабскими странами. Арабский мир сегодня — это два десятка независимых государств с населением более 100 млн. человек. Эти государства придерживаются самой различной политической ориентации. Очевидно, что их участие в антиимпериалистической борьбе преследует различные цели.

На пути укрепления арабского единства немало препятствий. Трудности, переживаемые независимыми государствами, используют империализм и сионизм. Они делают ставку на националистические, раскольнические тенденции в арабском мире, преследуя при этом основную цель — выхолостить из арабского освободительного движения его социальное содержание, добиться ограничения национально-демократической революции буржуазно-демократическими рамками, ликвидировать прогрессивные социальные завоевания арабских народов, оторвать арабское национально-освободительное движение от мирового социализма.

Подрывная деятельность империализма и сионизма особенно активизировалась в связи с заключением египетско-израильского соглашения по Синаю. Реакционные

148

круги прилагают все усилия к тому, чтобы подорвать сотрудничество прогрессивных национально-патриотических сил как внутри каждой страны, так и в масштабах всего арабского мира. Особенно возросла активность связанных с империализмом арабских реакционных режимов. Используя колоссальные доходы от нефти для давления на прогрессивные арабские страны, они пытаются добиться изменения их внутривосточного и внешнеполитического курса, отказа от социалистической ориентации.

На националистических настроениях в арабском мире спекулируют маоисты, стремясь вбить клин между арабскими странами и странами социалистического содружества, оторвать арабское национально-освободительное движение от мирового социализма.

Поиски самостоятельного пути развития ведутся в нелегких условиях. В свое время В. И. Ленин писал, что предрассудки национального эгоизма, национальной ограниченности «могут исчезнуть лишь после исчезновения империализма и капитализма в передовых странах и после радикального изменения всей основы экономической жизни отсталых стран...»¹. Странам, о которых идет речь, предстоит еще пройти трудный путь для того, чтобы решить до конца задачи национально-освободительной революции, целью которой остается укрепление политической независимости, достижение экономической самостоятельности, демократизации всех сторон жизни. Их дальнейшее развитие тесно связано с перспективами некапиталистического развития, непосредственно зависит от прочности союза арабского национально-освободительного движения со странами мировой системы социализма, международным рабочим классом.

В поддержке стран социализма и международного рабочего движения, в сплочении всех патриотов освободившихся государств, в создании в них широкого антиимпериалистического фронта прогрессивных сил, заинтересованных в революционных преобразованиях, — залог успешного развития освободительной антиимпериалистической революции, перерастания ее в социалистическую.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 168.

«МУСУЛЬМАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ»

1.

Ислам и идейная борьба на современном Востоке

Одну из отличительных черт идеологической борьбы в развивающихся странах составляет обращение к религии и облачение различных социально-экономических, политических и философских концепций в религиозную форму. Это особенно широко распространено в странах, где население исповедует ислам. В условиях, когда подавляющее большинство населения составляют крестьянские и полупролетарские слои, использование мусульманских верований и традиций в целях приспособления их к современной обстановке является одним из средств воздействия на массы и завоевания их на свою сторону.

Ислам оказывает влияние на формирование в ряде государств Востока так называемых национальных официальных идеологий. Во многих развивающихся странах ислам провозглашен официальной религией, и различные мусульманские учения составляют неотъемлемую часть идейной основы государства. Однако эти учения различаются между собой по своему подходу к вопросу о степени допустимости «осовременивания» отпавших догма-

тов вероучения, а также по своей социальной ориентации. И здесь многое зависит от того, идейному вооружению каких классовых сил служит та или иная концепция, каково положение самих мусульманских идеологов в обществе и государстве, каков фактический статус ислама в стране, как складываются взаимоотношения местной мусульманской общины с соотечественниками-немусульманами, с зарубежными единоверцами и т. д.

Главным объектом внимания подавляющего большинства современных исламских теоретиков является ныне не богословие, а экономика и политика, социальные и морально-этические проблемы. Исламские идеологи прилагают немало усилий, чтобы найти оптимальную форму сочетания ислама с национализмом, полагая, что такой синтез будет способствовать государственной консолидации, а также социальной и этнической интеграции развивающихся стран. Хотя и в различной мере, с разной степенью эффективности, но подобные устремления присущи как мусульманским *модернистам*, так и *традиционалистам* — двум группам исламских теоретиков, внешне отличающимся отношением к проблеме приспособления религии к современным условиям. Если вторые еще тяготеют к «букве» исламской догматики и шариа, то первые склонны руководствоваться скорее «духом» Корана, надеясь с помощью новой интерпретации «освободить» мусульманство от средневековой ограниченности. Но эта задача до конца невыполнима, поэтому по ряду вопросов наиболее модернизированные теории начинают смыкаться с традиционалистскими концепциями, становясь тем самым тормозом идейного и общественно-политического прогресса.

Сказанное, однако, не исключает того, что в конкретных исторических условиях отдельной страны модернизация ислама может иметь некоторые в известной мере позитивные черты. Нельзя не учитывать, что новая трактовка мусульманских догматов включает в себя попытку представить экономический прогресс и социальное развитие в качестве освященной религией задачи, что при этом разрабатывается идеал ответственной перед обществом активной личности.

Тем не менее религиозные по форме концепции всегда несколько правее классово-однотипных светских учений: конфессиональная оболочка и догматика, каким бы но-

вым содержанием их ни стремились наполнить, неизбежно обращают общественную мысль в прошлое, привносят в политические и социальные теории дополнительную долю консерватизма.

В 60—70-е годы наибольшее распространение получили доктрины «мусульманского национализма» и «мусульманского социализма», включающие различные учения — «исламской экономики», «исламской демократии», «исламской этики» и т. д. Как правило, все они выступают с позиций модернизма, являясь одной из форм идеологии «третьего пути», и развиваются преимущественно в буржуазном или мелкобуржуазно-националистическом направлении. Первое направление преобладает в странах капиталистической ориентации (Иран, Афганистан, Пакистан, Малайзия и др.), второе характерно для государств социалистической ориентации (Алжир, Ирак и др.). Причем с конца 60-х годов на развитие буржуазной мусульманской мысли заметное воздействие стали оказывать позиция и настроения различных слоев мелкой буржуазии.

Что касается различных феодальных и полуфеодальных слоев, играющих самостоятельную роль лишь в наиболее отсталых районах «мусульманского мира», то их интересы отражаются в идеологии традиционалистского типа. Правда, в современных условиях традиционалисты уже не могут открыто выступать в защиту средневековых феодальных порядков и все чаще спекулируют на консервативных сторонах мелкобуржуазных воззрений и психологии. Традиционалистские теории берутся на вооружение реакционными политическими силами, находящимися в большинстве развивающихся стран в антиправительственной оппозиции; только в ряде стран, например, в отдельных княжествах Персидского залива, эти теории находят отражение в концепциях правящих кругов.

2.

Тенденции модернизации мусульманской мысли

Как ни велика сила традиции, основная линия в развитии ислама в наши дни — стремление приспособить его в духе времени, модернизировать. Вместе с тем модер-

нисты, представляющие чаще всего буржуазные и так называемые средние слои, еще не могут окончательно расстаться со многими традиционными представлениями, в результате чего признание необходимости трактовать изначальные догматы религии применительно к новым условиям сочетаются у них с призывами к «возрождению веры». При этом модернизаторы ислама сознательно идут на оживление отдельных элементов прошлого, учитывая склонность сравнительно широких масс, в первую очередь крестьянских, к традиционализму. Для этих теоретиков характерен призыв к интеграции нового и старого как в области экономики и социальных отношений, так и в философском плане.

Именно с таких позиций выступает видный индонезийский деятель М. Натсир, который в обращении к традиции видит возможность поддержать «национальную самобытность», а главное — предохранить единоверцев от «инородных влияний», прежде всего коммунистического. Он резко осуждает фанатиков, пытающихся реставрировать общественный строй времен «верблюда и финиковой пальмы», и одновременно противится попаданию ислама под чрезмерное воздействие эпохи «самолетов и телевидения»¹. Малайские буржуазные националисты, выступая «за прогрессивное, динамичное мышление и действие», в то же время порицают некоторых своих соотечественников за нападки на традиционно настроенных богословов на том основании, что такие действия ведут к «общему упадку религии»².

Стремление «примирить» модернизм и традиционализм в философском плане составляет характерную черту современной буржуазной реформации ислама. В тех случаях, когда в роли реформаторов выступают представители правых реакционных сил, обращение к традициям носит откровенно антикоммунистический характер, а модернизация имеет явно «прозападную» направленность. Когда же к религии апеллируют идеологи буржуазно-демократического или радикально-мелкобуржуазного толка, мусульманские традиции в той или иной степени связываются с социальными утопиями народных масс,

¹ М. Natsir. Islam dan akal merdeka. Djakarta, 1970. hal. 54; М. Natsir. Kubu pertahanan mental dari abad ke abad. Surabaya, 1970. hal. 17—18, 25.

² «Revolust mental». Kuala-Lumpur, 1971, hal. 17, 236.

а модернизация предусматривает проведение ряда антиимпериалистических и антифеодальных преобразований, а в отдельных случаях подчиняется прогрессивным задачам, которые выдвигаются мелкобуржуазными теориями общественного развития.

Та же двойственность наблюдается и в подходе современных мусульманских реформаторов к пониманию предназначения ислама. Одни теоретики, например турецкий теолог З. Улькен, видят свою задачу в том, чтобы доказать вечный характер «истинной» сущности этого вероучения и религии в целом¹. Иранский буржуазный идеолог А. Тораби стремится представить религиозное наследие как неотъемлемую часть культуры и именно в этом видит его «поучительность» для общества². По мнению же известного пакистанского теоретика Г. Парвеза, ислам нельзя рассматривать только как религию, поскольку мусульманство представляет собой особый общественный строй, определенные нормы социальной и личной жизни. Поэтому, считает он, ислам правомерно сравнивать не с другими религиями (христианством, иудаизмом и т. д.), а с общественными системами и противопоставлять «исламский путь развития» социализму, а также капитализму³.

В связи с происходящей во всем мире научно-технической революцией проблема соотношения науки и религии занимает все большее место в выступлениях мусульманских теоретиков, теологов, публицистов. Одни (в их числе пакистанец Г. Парвез) утверждают, что ислам и наука касаются различных сторон общественной жизни, а потому не противоречат друг другу. Другие (как, например, афганский богослов Абдулвахид) заявляют, что, мол, ислам как «философия жизни» охватывает все стороны человеческого познания и, следовательно, включает в себя такие принципы, которые предусматривают дальнейший научный прогресс и развитие отдельных наук⁴. Широкое распространение получили

¹ См. Ю. Рустамов. Современная турецкая буржуазная социология (Критический очерк). Баку, 1967, стр. 37.

² См. Г. Б. Гусейнов. Критика современной буржуазной социологии Ирана. Баку, 1973, стр. 23.

³ J. G. Parwez. Islam. A Challenge to Religion. Lahore, 1968, p. 19.

⁴ См. «Религия и общественная мысль народов Востока». М., 1974, стр. 27—28.

теории «примирения» разума и веры, которые обосновывают тезис о том, что наряду с «вечным и абсолютным небесным правом» существуют также «естественные законы»¹.

В современных мусульманских теориях важное место занимает стремление найти такое соотношение между религиозной и светской сферами в обществе, которое не противоречило бы представлению об исламе как носителе высших духовных ценностей. «Процесс секуляризации влечет за собой не ликвидацию самой религии, а изменение ее структуры и роли», — отмечает американский социолог Р. Н. Белла, призывая религиоведов показать сдвиг, который происходит ныне, особенно в развивающихся странах, в переориентации «от преимущественно потустороннего к преимущественно посюсторонним религиозным интересам»². Намечая подходы к этой проблеме, Белла, однако, рассматривает ее в отрыве от классовых противоречий и различий в политической ориентации отдельных стран Востока.

Традиционалистские же концепции, которые направлены против любых форм секуляризации, либо полностью вытесняются светскими учениями прежде всего в странах, где узаконен принцип секулярной государственности (в Ираке и т. д.), либо оказываются на вооружении реакции (например, «Братьев-мусульман» в арабских странах, «Джамаати исламиа» — в Южной Азии).

Религиозные концепции, полностью или частично вошедшие в официальные доктрины развивающихся государств, в большей или меньшей степени основаны на принципах модернизации. При всей внутренней противоречивости и сложности процесса «осовременивания» ислама в настоящее время нельзя не отметить новые тенденции в развитии различных теорий («исламская экономика», «исламская демократия», «мусульманский социализм», различные концепции традиционалистского типа).

¹ Подробнее см.: «Зарубежный Восток и современность», т. II. М., 1974, гл. V, VI.

² Р. Н. Белла. Социология религии. — «Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы». М., 1972, стр. 274—275.

3. Теория «исламской экономики»

Учение об «исламской экономике» базируется на идее «хорошо сбалансированной мусульманской общины (уммы)». В работах современного пакистанского идеолога М. Хасана Мумтаза, в которых достаточно подробно изложены принципы такого «сбалансирования», на первое место выдвигается исламская концепция потребления, в основу которой положено добровольное самоограничение, «являющееся вернейшим двигателем общественного прогресса»¹.

Подобно многим буржуазным экономистам теоретики «исламской экономики» считают первостепенным противоречие не между трудом и капиталом, а между потребителем и производителем, рассматривая последнее как фундамент социальных антагонизмов и конфликтов. Центральное место отводится защите принципа частной собственности и проблемам регулирования сферы потребления. При этом «исламская экономика» рассматривается как «смешанная», сочетающая индивидуальную инициативу и предпринимательство с государственным контролем над ними. Подобной точки зрения придерживаются многие модернизаторы ислама в Пакистане, Афганистане, Иране, Турции, Индонезии, Малайзии и в других странах, идущих по пути капитализма.

В противовес реальности «исламская экономика» выдается за некий «средний» путь. Противопоставляя такую экономику социалистической и капиталистической, один из видных пакистанских идеологов, Д. Икбал, подчеркивал, например, что ислам якобы поддерживает «равновесие между трудом и капиталом». Защищая право частной собственности в качестве основного права человека, он в то же время оговорился, что в руках одного лица не должно сосредоточиваться такое богатство, которое бы становилось средством эксплуатации других людей².

Теоретики «исламской экономики» пытаются извле-

¹ *M. Hasan Mumtaz. Stray Thoughts on Economic Development of Pakistan. Karachi, 1967, p. 128.*

² *Javid Iqbal. Ideology of Pakistan. Karachi — Lahore, 1971.*

коть из самого мусульманского вероучения аргументы в пользу частнособственнического владения. Одни (в их числе афганец Мухаммад Иршад) пишут о «социальной функции» собственности «правоверных», обязывающей их рассматривать свои личные средства как общественные и не делать лишних трат, прежде всего во имя исключительно личных потребностей¹. Другие делают акцент на том, что лишь имущие могут реально выполнять религиозные обязанности: выплачивать «закат» (налог-пожертвование с доходов, который, по шариату, богатые должны вносить в пользу бедных и сирот), милостыню, совершать дорогостоящий хадж (паломничество в «священную» Мекку)². Третьи сочетают защиту «священного» и «естественного» права собственности с апелляцией к теории ее «трудового происхождения»³. В то же время все мусульманские теоретики толкуют о том, что ислам осуждает злоупотребление богатством и порицает пороки капитализма, что ислам признает «законную» и отрицает «незаконную» собственность. Причем «законной» считается такая собственность, которая унаследована в соответствии с нормами шариата или же создана личным трудом того, кто, однако, неукоснительно выполняет мусульманские предписания. Последняя оговорка служит обоснованием национализации иностранной собственности, которая автоматически попадает в категорию «незаконной».

Большинство современных теорий «исламской экономики» одобряет практику государственного регулирования, особенно распространение его на сферу потребления. Рычаги такого регулирования усматриваются в запрещении взимать «риба» (ссудный процент), в обязанности мусульман платить «закат», в шариатских нормах наследственного права. Причем трактовка всех этих предписаний зависит от степени радикальности или консервативности идеологов, апеллирующих к ним.

В Пакистане, Индонезии, Малайзии, в ряде арабских стран уже выработано несколько вариантов подобных

¹ См. М. Гульджанов. Некоторые аспекты модернизации ислама в современном Афганистане. — «Религия и общественная мысль народов Востока». М., 1971, стр. 200.

² «Revolusi mental», hal. 422—423.

³ Zainal Ahmad Abidin. Dasar-dasar ekonomi dalam Islam. Djakarta. 1952, hal. 85.

интерпретаций. Так, одни мусульманские теоретики, подобно реформаторам конца XIX — начала XX в., распространяют запрет только на ростовщичество и доказывают законность капиталистических финансовых операций, другие — выступают с мелкобуржуазными проектами создания банков, предоставляющих займы без процента. Пытаясь соединить «указания» Корана с различными западноевропейскими и американскими буржуазными экономическими учениями, пакистанский идеолог И. Х. Куреши предложил считать ссудный процент законным в том случае, когда его величина в данных конкретных условиях не препятствует развитию национального предпринимательства и хозяйства страны в целом¹. Предписание же о «закате» ныне трактуется в духе специфически мусульманского средства перераспределения богатств. Утверждается, что, выплачивая этот налог, имущие «делятся с бедняками», а потому соблюдение предписания о «закате» в конечном счете может якобы привести к ликвидации нищеты, несправедливости и социального неравенства.

Подобные идеи популяризируют некоторые афганские и малайзийские идеологи, видный филиппинский мусульманский деятель Алухан Гланг, индонезийские теологи — Зайнал Ахмад Абиндин, Ибрахим Тахер, пакистанские — М. Хасан Мумтаз, Г. Парвез и др.²

Для тех, кто придерживается ориентации на империалистический Запад, характерно стремление объединить теорию «исламской экономики» с отдельными концепциями буржуазной политекономии. Наиболее часты обращения к кейнсианству с его идеями прогрессивного

¹ Подробнее см.: С. Ф. Левин. О толковании запрещения ссудного процента у мусульман Пакистана в связи с буржуазной реформацией ислама. — «Религия и общественная мысль народов Востока». М., 1971, стр. 117—139; А. И. Ионов. Проблема ссудного процента в выступлениях мусульманских идеологов современной Индонезии. — Там же, стр. 140—152; М. Т. Степанянц. Философия и социология в Пакистане. Очерки. М., 1965, стр. 79—84.

² «Revolusi mental», hal. 424; Ibrahim Taher. Islam, Marx dan Keynes. Djakarta, 1967, hal. 60; Aluhan Glang. A Constitution for Muslims. — «Solidarity». Manila, 1971, vol. 6, N 9; Л. Р. Полонская. Новые тенденции в модернизации ислама (на примере Пакистана). — «Религия и общественная мысль народов Востока». М., 1974, стр. 13—18; М. Гильджанов. Некоторые аспекты модернизации ислама в современном Афганистане. — «Религия и общественная мысль народов Востока». М., 1971, стр. 201.

налогообложения, правительственного контроля над денежным обращением, инвестициями и т. д.

Некоторые современные мусульманские идеологи популяризируют принципы так называемого «экономического коллективизма». В понимании Ибрахима Тахера и его единомышленников, эти принципы означают «гармоничное сочетание прав индивидуума и коллектива», а также «приоритет общественных интересов над личными»¹. В ряде стран «исламского мира» концепция «экономического коллективизма» имеет много общего со светскими теориями «национальных социализмов» мелкобуржуазного толка, где курс на кооперирование, создание государственного сектора рекламируется чуть ли не в виде прямого противопоставления капиталистической системе хозяйствования. Большое место в этой концепции отводится проектам установления «экономического равновесия» в обществе с помощью неукоснительного соблюдения мусульманами предписаний о «риба», о «закате» и шариатских нормах наследственного права. И хотя «исламская экономика» популяризируется как система, которая обеспечивает особый, «средний» путь развития, на деле — в зависимости от политической ориентации сторонников такой системы — упор делается на черты, которые либо сближают «исламскую экономику» с капитализмом, либо отдаляют от него. Характерно, что в первом случае мусульманские теоретики перестают проводить то различие, которое делалось ими в годы борьбы за независимость между иностранными монополиями и национальным капиталом: собственность иностранного происхождения уже перестает считаться «греховной» и подлежащей осуждению «правоверных». В современной Индонезии некоторые исламские деятели, например, открыто призывают равняться на образцы «западного бизнеса» и ратуют за то, чтобы в стране был создан «благоприятный» для такого предпринимательства климат². А в работе доктора Рафи-уд-Дина, опубликованной в 60-х годах Институтом исламской культуры Пакистана, прямо подчеркивалось сходство между

¹ Ibrahim Taher. Islam, Marx dan Keynes, hal. 60.

² Sjafruddin Prawiranegara. Merombak pandangan hidup dan struktur politik sebagai sjarat mutlak memperbaiki ekonomi. Djakarta, 1972, hal. 32.

мусульманскими принципами и основными принципами капитализма¹. Другой пакистанский идеолог — Сумар заявлял, что «ислам — религия капитализма, что это вероучение не ставит препятствия на пути накопления богатств, хотя и регулирует их распределение через религиозный налог и милостыню»².

Некоторые мусульманские деятели берут на вооружение теории западной правосоциалистической пропаганды. Так, в Турции популяризируются идеи «государства всеобщего благоденствия» («рерах давленш»), а также «трансформации», «социализации», «демократизации» капитализма и т. д.

Мусульманские доктрины «социального и экономического равновесия» служат буржуазным идеологам для обоснования существующей якобы возможности устранить общественные недуги, избежав классовых битв и радикального преобразования производственных отношений. Имеют место попытки представить дело так, что выполнение предписаний ислама уже само по себе исключает такое общение людей, где деньги — основа всех взаимоотношений, что оно позволяет учитывать «совместные интересы рабочих и предпринимателей»³.

4.

Теория «исламской демократии»

Политические доктрины современных модернизаторов ислама превозносят принципы национализма и национального суверенитета над концепцией всемусульманской государственности. Там, где сохранились монархические режимы, дело обычно ограничивается апологией национального государства, хотя и придается большое значение всемирной координации действий мусульман и их духовной общности. Большинство буржуазных и мелкобуржуазных мусульманских теоретиков-модернистов с «исламской демократией» связывают идеи республиканизма и парламентаризма. Среди приверженцев этих

¹ Rafi ud Din. The Fallacy of Marxism. Karachi, p. 9.

² Цит. по: Hafeez Malik. The Spirit of Capitalism and Pakistan Islam. — «Contribution to Asian Studies». Leiden, 1971, N 2, p. 31.

³ «Revolusi mental», hal. 423—424.

идей такие известные пакистанские политические деятели, как М. Джинна, Лиакат Али-хан, М. Айюб-хан и идеологи И. Х. Куреши и Д. Икбал, индонезийские мусульманские лидеры М. Натсир, Бахрум Ранкути, Зайнул Ахмад Абидин, видный малайзийский теоретик Сайид Мухаммад Хусейн Ал-Аттас и многие другие.

Наиболее четко принципы «исламской демократии» были сформулированы в 50-х годах И. Х. Куреши: верховная власть бога, правление народа, фактическая власть его представителей. По вопросу о том, кого можно и нужно считать представителями народа, между мусульманскими идеологами нет единства. Одни — сторонники парламентской демократии, другие — различных форм господства бюрократической элиты, третьи — диктаторских режимов. Причем иногда такие режимы рассматриваются не как диктаторские, а как переходные типы «исламской демократии».

Следуя излюбленному тезису о «среднем» — мусульманском пути развития, многие апологеты «исламской демократии» порицают диктатуру, будь то, по их словам, «тирания меньшинства» при «хорошем, но ошибочном капитализме» или же «диктатура большинства» при «безбожном коммунизме». В ряде случаев предпринимаются попытки соединить западноевропейские и американские правовые категории с соответствующей интерпретацией отдельных доктрин видных мыслителей мусульманского средневековья, чаще всего Ибн-Халдуна, называемого «арабским Монтескье XIV в.». При этом обычно идеализируются лозунги раннебуржуазного демократизма и обличается формальный характер буржуазных свобод в настоящем. Иногда «исламскую демократию» противопоставляют «западной», утверждая, что лишь первая является гарантом прав народа.

Концепция «исламской демократии» (или «истинно исламской политической системы») предусматривает определенную степень подчинения мусульманского духовного сословия государственному контролю, лишения представителей этого сословия монопольных позиций в области судопроизводства и образования. Серьезное внимание уделяется при этом истолкованию ряда религиозных категорий — «шура» (совещательность), «иджтихад» (право самостоятельного суждения на основе Корана и сунны), «иджма» (согласное мнение богословов).

Рассматривая «иджитihad» как обоснование права на такую трактовку норм ислама, которая отвечает современным условиям, одни теоретики видят воплощение «шура» и «иджма» в создании при правительстве советов мусульманских законоведов, другие — в Народной ассамблее и т. д. Но сколь бы модернизированными ни выглядели современные модели «исламской демократии», все они покоятся на признании необходимости соответствия государственного права и общественной морали духу мусульманства. Тем самым создаются условия для вмешательства духовенства в дела государства. Поэтому не только коммунисты, но и революционные демократы и даже многие буржуазные политические деятели подчеркивают несовместимость апелляции к исламу с последовательными демократическими преобразованиями, которые в принципе могут осуществляться лишь при курсе на секуляризм, при отказе от признания исключительности какой бы то ни было религиозной системы.

В целом же в развитии мусульманских политических учений, а также в эволюции концепций «исламской демократии» в 60—70-х годах наблюдаются две противоречивые тенденции: с одной стороны, вырабатывается «восточная» модель правового государства, которая по существу носит буржуазный характер и в конечном счете все больше сближается с западными моделями этого типа; с другой — формируется мелкобуржуазное понимание «мусульманской» государственности, где в той или иной степени находят свое отражение социальные утопии верующих масс. В первом случае основной упор делается на противопоставлении «исламской демократии» марксистскому учению, во втором — на доказательстве внутреннего родства мусульманских и социалистических идеалов, что непосредственно преломляется в теориях «мусульманского социализма».

5.

Теория

«мусульманского социализма»

Проблема отношения ислама к социализму находится в центре внимания мусульманских идеологов различной социальной принадлежности и политической ориентации.

Буржуазным, а в известной мере и мелкобуржуазным лидерам развивающихся стран свойственно стремление с помощью лозунгов «национальных» и «религиозных» социализмов оградить народные массы от растущего воздействия учения марксизма-ленинизма. В то же время привлекательность опыта СССР и других социалистических государств, особенно высоких темпов их развития, для развивающихся стран, плодотворность сотрудничества последних с миром социализма побуждают демократически и патриотически настроенных идеологов Востока рассматривать социалистический путь в качестве наиболее эффективного для решения задач общественного прогресса и борьбы с бедностью¹. Последнее не исключает, однако, попыток использовать экономические принципы марксизма, отказавшись от главного в этом учении — диктатуры пролетариата. Что касается апеллирующих к исламу революционных демократов, то они стремятся облечь социалистические идеи в доступные для широких масс символы, образы, представления и на этой основе выработать программы претворения в жизнь народных идеалов социальной справедливости.

Буржуазная трактовка «мусульманского социализма» имеет много общего с однотипными светскими концепциями «национальных социализмов». Как и последние, она испытывает сильное влияние мелкобуржуазного радикализма. Но это влияние не выходит за рамки отмеченного еще К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» желания буржуазии «излечить общественные недуги для того, чтобы упрочить существование буржуазного общества»².

Различия между основными трактовками «мусульманского социализма» проявляются прежде всего в характере их «антикапитализма». Зачастую и буржуазные и мелкобуржуазные теории отражают антиимпериалистические устремления и заинтересованность широких общественных сил, в том числе национальных предпринимателей, в укреплении экономической самостоятельности развивающихся стран. Отсюда довольно последовательное отрицание многими идеологами «западного» капитализма. На этом фактически кончается сходство

¹ См. Р. А. Ульяновский. Предисловие к кн. О. В. Мартышина «Социализм и национализм в Африке». М., 1972, стр. 4.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 453.

буржуазной и мелкобуржуазной трактовки «мусульманского социализма».

Если сторонники первой интерпретации ограничиваются выпадами против иностранного капитала, то приверженцы второй обличают не только империалистическую, но и капиталистическую эксплуатацию в целом. Причем буржуазные теоретики сознательно используют получившие распространение еще в колониальный период иллюзии масс о том, что любое выступление против западных монополий, даже когда оно не выходит за рамки антиколониализма и антиимпериализма, носит социалистический характер. Идеологи же «мусульманского социализма» мелкобуржуазного толка в своем «антикапитализме» сами находятся в плену идеализации национальных форм частной собственности. Эта идеализация вызвана непониманием естественной и неразрывной связи крупного капитала с мелким самостоятельным производством, непониманием того, что оба они представляют собой, как говорил В. И. Ленин, «две формы товарного хозяйства»¹.

Хотя и с разных позиций, но при трактовке проблем собственности, социального и экономического прогресса теоретики «мусульманского социализма» оперируют принципами рассмотренной выше концепции «исламской экономики». Представление об исламе как об особой модели «третьего пути», попытки вывести социалистические элементы из «природы» этого вероучения неизбежно ведут к тому, что в большинстве случаев «мусульманский социализм» противопоставляется не только «капиталистическому индивидуализму», но и «безбожному коммунизму». Однако в теориях либерального толка, как правило, осуждаются лишь «крайности» частнособственности психологии — стремление к роскоши, к непроизводительным тратам и т. п. В учениях радикального направления проводится идея о необходимости перераспределения собственности в интересах общества и дается «исламское» обоснование подобным мерам. Трактую богатство как «орнамент жизни», египетский идеолог М. Шальтут, например, подчеркивал, что все — владение бога, а потому быть богатым — значит выполнять социальную функцию, т. е. обеспечивать счастье общества

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 193.

и удовлетворять его нужды¹. «Мусульманские социалисты» обличают алчность, взяточничество, коррупцию. Но в либеральных теориях все это рассматривается не как следствие капитализма и порождаемых им порядков, а как частные недостатки. Достаточно верить в бога, утверждал индонезийский исламский деятель Сайфуддин Зухри, а также выполнять религиозный долг, помнить о загробной жизни, и вступят в свои права самоконтроль и самодисциплина, что и приведет к торжеству социальной справедливости².

В радикальных же трактовках недуги современного Востока нередко непосредственно связываются с капиталистической системой, как таковой. Однако «мусульманским социалистам» всех направлений свойственно утопическое представление о возможности устранения пороков капитализма через реформы в сфере распределения и потребления, но отнюдь не производства. За «социалистические» выдаются меры «регулируемой» или «направляемой экономики», планируемое и координируемое правительством развитие государственного и кооперативного секторов. Во всех теориях «мусульманского социализма» в качестве важнейших рычагов воздействия на жизнь общества выдвигаются, подобно тому как это имеет место в концепции «исламской экономики», предписания ислама, и прежде всего относительно «заката», «риба», шариатских норм наследования.

Апеллируя к отдельным религиозным положениям, радикально настроенные идеологи нередко пытаются обосновать право государства на взимание подоходного налога, национализацию частных предприятий, перераспределение богатств в пользу трудящихся. Иногда такое обращение к исламу служит лишь средством донесения до масс верующих действительно передовых идей и мобилизации народа на свершение демократических радикальных преобразований. Вот, например, что говорится по этому вопросу в программных документах Суданской компартии (1967 г.): «Арабские народы отвергают фальсификацию ислама и считают свою религию силой трудящихся, борющихся за свое достоинство, национальную

¹ *Mahmud Shaltut. Socialism and Islam. — «Political and Social Thought in the Contemporary Middle East». New York — Washington — London, 1968, p. 130, 132.*

² «Antara». Djakarta, 13.II.1961.

свободу и социализм, рассматривая социализм как единственный строй, который возвышает духовные ценности, справедливость и равенство между людьми»¹. Но, обращаясь к привычным для масс религиозным символам, подлинные революционеры никогда не выделяют особый «мусульманский социализм». Любая попытка такого выделения неизбежно уводит от борьбы за идеалы научного социализма, вступает в противоречие с такими основополагающими его принципами, как учение о классовой борьбе и диктатуре пролетариата.

«Мусульманские социалисты», особенно буржуазного толка, в одних случаях вообще отрицают деление общества на классы, в других — пытаются доказать возможность социальной гармонии в случае выполнения предписаний ислама. Так, индонезийский идеолог Зайнул Арифин абсолютизировал неразвитость национального капитала, с тем чтобы проповедовать среди соотечественников классовый мир. Одновременно он призывал их к борьбе против действовавших в стране иностранных монополий.

Обращение к лозунгам «мусульманского социализма» и их современная трактовка убедительно иллюстрируют растущую роль мелкобуржуазной идеологии и психологии в развивающихся странах. Не случайно в 60—70-е годы немало исламских теоретиков «третьего пути» стали эволюционировать в направлении мелкобуржуазного радикализма. Пример тому — изменения в воззрениях Г. Парвеза, который уже в 60-е годы стал открыто осуждать капитализм за то, что «капитал сосредоточивается в руках меньшинства, а нищета становится уделом трудящихся, составляющих основную массу населения»². Симптоматично, что этот далекий от научного социализма и во многом зараженный антикоммунистическими настроениями мусульманский идеолог выносит смертный приговор капиталистической системе. «По мере того как люди будут становиться более просвещенными и будут осознавать свои подлинные интересы, они начнут отказываться от развития по пути капитализма... Это веление истории»³.

¹ «Документы коммунистических и рабочих партий стран Ближнего Востока и Северной Африки». М., 1970, ч. II, стр. 282.

² G. Parwes. Islam. A Challenge to Religion, p. 234.

³ Ibid., p. 240.

Под воздействием реальностей социального развития в выступлениях «мусульманских социалистов» появились рассуждения о ценности труда вообще, личности рабочего в частности. По мнению арабского теоретика Камала ад-Дина Рифаата, например, труд — «база, на которой строится социализм», а ислам, по его словам, возвысил значение трудящегося, сделал его «равным с другими людьми в правах и обязанностях»¹.

Трансформация буржуазных трактовок «мусульманского социализма» в мелкобуржуазные иногда идет в левозэкстремистском русле: на первый план выдвигаются идеи самобытности Востока вообще, мусульманского в частности, а «антизападничество» наряду с антиимпериалистическим содержанием обретает и антикоммунистические черты, что в конечном счете ведет к отступлению от последовательного антиимпериализма. Распространение таких левозэкстремистских теорий используется реакционерами в борьбе против учения научного социализма: отождествляя это учение с шовинистическими домыслами Мао Цзэ-дуна и ему подобных, реакция противопоставляет ислам ему же самой фальсифицированному «социализму».

«Мусульманские социалисты» различных направлений придают большое значение так называемым «исламским ценностям», которые отождествляются с понятиями солидарности, братства, справедливости. Обычно декларируется, что лишь в пределах этих ценностей может быть достигнуто благосостояние общества и каждого его члена. По утверждению М. Шальтута, например, только среди мусульман возможно проявление социальной солидарности в обоих ее видах — моральном и материальном: в первом случае правоверные «слышат голос бога», во втором — проявляют готовность идти навстречу общественным нуждам, утешая попавших в беду, помогая осуществлению общих надежд². По словам приверженцев «мусульманского социализма», все верующие, независимо от национальности, социального положения и цвета кожи, равны перед богом, государством, законом. Все

¹ Цит. по: Р. М. Шарипова. Роль руководства Аль-Азхара в современной модернизации ислама. — «Религия и общественная мысль народов Востока». М., 1974, стр. 167—168.

² «Political and Social Thought in the Contemporary Middle East», p. 218—230.

они — братья, которые должны руководствоваться принципом общественной справедливости.

Но в толковании «исламских ценностей» обнаруживаются расхождения между буржуазными и мелкобуржуазными теоретиками. В основе радикальных концепций неизменно лежат противоречия: критическое отношение к капиталистической действительности нередко сочетается там с защитой мелкособственных интересов, инерцией традиционного мышления, религиозными утопиями. Искренняя критика буржуазной демократии у некоторых «мусульманских социалистов» соседствует с верой в преобразующую роль ислама. В то же время наиболее радикальным из них не чужды представления о социальной дифференциации, о лежащих в ее основе экономических противоречиях, о классовой природе государства¹, более того — о факте использования ислама в интересах различных общественных сил². Идеализируя период первых халифатов, эти идеологи в современных условиях выступают против власти помещиков и фабрикантов³. Защищая частную собственность, они одновременно, ссылаясь на ислам, освящают право государства посягать на «незаконное» богатство, приобретенное в результате эксплуатации, право перераспределять его в пользу неимущих.

Характерную черту всех религиозных концепций, в том числе мелкобуржуазной трактовки «мусульманского социализма», составляет, как уже отмечалось, преувеличение роли морального, точнее, морально-конфессионального фактора в политике, экономике, в обществе в целом. В основе такой гипертрофии — призыв

¹ Признание такого рода содержится, например, в работах Г. Парвеза (см. *Г. Парвез. Селим ке нам* (урду), (б. г.), т. 1, стр. 81—84, 290—297).

² Пример тому — выступление ряда арабских мусульманских деятелей против реакционной организации «Братья-мусульмане» (см. «Аль-Гумхурия», 8—15.VI.1968).

³ Пакистанский идеолог Икрам Азам, например, утверждал, что общество «мусульманского социализма» может быть создано лишь при условии перераспределения собственности в пользу бедняков и подчинения частного предпринимательства национальному государственному регулированию. По его словам, ислам не признает исключительных прав отдельной личности, группы или расы на определение судеб человечества, ибо «все средства к существованию предназначены богом для нужд всех людей» (*Ikram Asam. Economic of Islam and Socialism*. — «The Pakistan Times», 14.VII.1967).

к мирному преобразованию социальной структуры, к возможно более безболезненному выравниванию имущественного положения сограждан. Давая моральную (но не экономическую) оценку капиталистических порядков как «несправедливых», радикально настроенные «мусульманские социалисты» осуждают все виды угнетения, ратуют за гуманизм, чувство общественного долга и патриотизма, торжество добра и справедливости. Искренность этих устремлений отличала многих радикалов от «религиозных социалистов» буржуазного толка, а в ряде случаев помогала подняться до осознания гуманистической и демократической природы марксистского учения¹.

Тем не менее в тех случаях, когда речь идет не об обращении революционеров к исламу в чисто пропагандистских целях, разрабатывается особая модель «мусульманского социализма». Как бы радикальна она ни была, противопоставление религии атеизму неизбежно создает благоприятную почву для антикоммунизма, вольно или невольно развращая политическое сознание масс, таит потенциальную угрозу скатывания на позиции реакции.

Попытки отдельных создателей такой модели опереться на некоторые марксистские положения, в первую очередь в области критики капитализма, еще не дают им возможность окончательно вырваться из пут религиозно-националистической ограниченности. Происходит либо мелкобуржуазное истолкование учения научного социализма, либо малоотличающееся от такого толкования выискивание «параллелей» между собственными концепциями и марксизмом. Если же и имеют место заимствования коммунистических идей, то из них выхолащивается исходное социально-классовое начало. Пример тому — метаморфоза, которая произошла с рядом принципов социалистического хозяйствования (относительно государственного планирования, кооперирования, создания госсектора), когда те под видом «восточного коллективизма» были включены в «мусульманский социализм».

¹ Видный индонезийский мусульманский деятель Абикусно Чокросуйосо писал, что «коммунизм интеллектуален», ибо сила его воздействия основана на повышении сознательности и умственного уровня масс, на признании того, что истинно (*Abikusno Tjokrosujoso. Planning ekonomi Indonesia. Djakarta, 1951, hal. 10, 151—152*).

Таким образом, приверженность отдельных правительств и идеологов развивающихся стран религиозной традиции, несмотря на их стремление приспособить религию к новой социалистической ориентации, тормозит усвоение и осуществление идей научного социализма.

6. Традиционалистские концепции

Традиционалистские концепции широко используются в идейно-политической борьбе наиболее консервативно настроенных мусульманских кругов. Исходя из идеи неизблемости отправных догматов ислама, создатели этих концепций в последние десятилетия уже не могут не учитывать те изменения, которые происходят в развивающихся странах и в настроениях масс, особенно мелкой буржуазии, на чью поддержку они все более рассчитывают. В результате в теоретических построениях традиционалистов ныне можно найти элементы приспособления к новым веяниям модернизации. Главными же в их идеологии остается доведение до крайности идеи исключительности ислама, религиозного коммунизма и фанатизма, что обращено против любых прогрессивных общественных преобразований, и прежде всего тех, которые предусмотрены учением научного социализма.

Однако традиционалистские теории внутренние неоднородны. Чем напряженнее идейно-политическая борьба в той или иной стране, тем очевиднее становятся расхождения между отдельными теоретиками. Иначе и не может быть при крайней пестроте и многоликости социального состава приверженцев мусульманского традиционализма. К ним относятся шейхи и богословы, руководители крупных исламских партий и организаций, профессора мусульманского права и теологии, бродячие религиозные учителя-наставники, сельские муллы и др. Если же говорить о массовой базе традиционализма, то ее составляют преимущественно выходцы из социальных слоев, так или иначе причастных к докапиталистическим формам и методам хозяйствования, а также наиболее отсталые этнические группы. Влияние традиционалист-

ских представлений особенно значительно в среде приверженных исламу религиозно-этнических меньшинств. В современных условиях к традиционализму обращаются и некоторые буржуазные идеологи, представляющие наиболее консервативно настроенные предпринимательские круги. Правда, было бы неправильно полагать, что они искренне ратуют за воскрешение мусульманского наследия и действительно заинтересованы в «незыблемости» религиозных догматов, соответствующих временам средневековья, в гегемонии духовной элиты во всех сферах государственной и общественной жизни своих стран. Прагматизм и политический расчет — вот что в первую очередь вынуждает часть мусульманских буржуазных лидеров блокироваться с этой элитой, апеллировать к представлениям масс, склонных к традиционализму.

От прочих исламских концепций современные традиционалистские учения отличает отказ от любых форм ограничения частнособственнических интересов, защита принципов теократии, что прежде всего проявляется в стремлении обосновать и утвердить доминирующие позиции мусульманско-богословского сословия в государстве, а также в защите тезиса о единстве религии и политики, воинственных нападках на теорию и практику секуляризма. Все эти исходные начала традиционализма преподносятся его апологетами в виде различных концепций, иногда даже под «социалистической» окраской. Однако главное их предназначение, с точки зрения реакционных мусульманских идеологов, — борьба против коммунистических идей.

Вместе с тем отношение традиционалистов к исламскому наследию характеризуется двойственностью и непоследовательностью. Выступая под девизом «очищения» и «возрождения» истинного мусульманского вероучения, они нередко воспринимают лишь те элементы наследия, которые не вступают в прямое противоречие с запросами «духа времени». Все остальное либо отвергается, либо подвергается новому толкованию. Подобный подход к наследию отличает, в частности, некоторых лидеров «Братьев-мусульман». Ратуя за незыблемость традиционных догматов ислама, они в то же время признавали ценность отдельных нововведений. Требуя, чтобы шариат был правовой основой государства, они заявляли, что

мусульманская религия по своей природе универсальна и содержит все лучшее, что есть в прочих идеологических и социальных системах¹.

С такой позицией сближаются взгляды других традиционалистски настроенных мусульманских лидеров. Так, Маталам, представляющий на Филиппинах постепенно обуржуазившиеся феодальные группировки, которые встали на путь сепаратизма, опасаясь, что приобщение мусульманских районов к общему ходу развития страны подорвет их сословные привилегии и власть над единоверцами, зовет вновь вернуться к Корану, сунне, к теократии времен пророка Мухаммеда и первых халифов. Он требует, чтобы государство пребывало под «абсолютной властью бога», предлагает руководствоваться во всем морально-этическими предписаниями ислама. По словам Маталама, шариат должен и впредь оставаться правовой основой жизни филиппинских мусульман. И все же он не смог ограничиться апелляцией к прошлому, подняв вопрос о «кооперативном землепользовании», о «закате» как о средстве справедливого распределения богатств, о запрещении «риба» и о праве рабочего на долю прибыли. Беря на вооружение лозунг «мусульманского социализма» и «исламской экономики», Маталам объявляет обращение к религиозным традициям исходной опорой борьбы с «буржуазным капитализмом». Тем не менее главное, что определяет его традиционализм, — это стремление использовать ислам для борьбы против коммунизма².

Наиболее наглядно «обуржуазивание» традиционалистской идеологии проявляется в Саудовской Аравии, где традиционалисты входят в состав правящих кругов и оказывают серьезное влияние на выработку идейных основ официального курса. Здесь также получили распространение идеи некоего «среднего» пути. Видный государственный деятель этой страны Ахмед Заки Ямани пытается соединить их с традиционным подходом к исламской теории и праву. По его мнению, мусульманский мир, опираясь на шариат, сможет утвердить свою само-

¹ C. P. Harris. *Nationalism and Revolution in Egypt*. Hague, 1964, p. 161—162, 165.

² *Aluhan Glang*. Muslim Secession or Integration. Quezon City, 1969, p. 117.

бытность и развиваться «независимо от Запада и Востока», защитив себя тем самым и от «потока коммунизма», и от «определенных несправедливостей капитализма». Ямани стремится представить правовые нормы ислама как специфическую юридическую систему, способную эволюционировать в соответствии с социальными потребностями и «уравновешивать интересы личные с общественными». При этом он особо подчеркивает, что «признание всеобщего интереса и благосостояния в качестве основы законодательства почти единодушно признано мусульманскими юристами». Особый акцент делается на идее «социальной солидарности» в исламе, согласно которой «индивидуум несет ответственность за благополучие всего общества», а также на защите частной собственности, находящейся, по словам Ямани, под охраной бога¹. Примечательно, что этот мусульманский идеолог не смог не признать того факта, что в настоящее время в религиозное юридическое мышление все активнее внедряются секуляристские принципы. Однако Ямани пытается представить дело так, что конфессиональный элемент якобы служит основой этики, в результате чего «мирские» деяния попадают в зависимость от «божественного руководства».

Приспосабливаясь по сути дела к буржуазному развитию, сторонники традиционалистских концепций внешне сохраняют непримиримость относительно всего «западного». Под этой оболочкой «антизападничества» реакционеры скрывают спекуляцию на традициях антиколониальной борьбы масс, на их стремлении оградить свой духовный мир от посягательств неоколониализма, а главное, пытаются навязать своим согражданам-единоверцам ненависть к коммунизму как явлению, возникшему на «почве Запада». Когда же в такое противоборство с пролетарской идеологией изредка включают лозунг «мусульманского социализма», то в его трактовку помимо антикоммунистической направленности вводится также и критика капитализма справа. В подобных случаях эта традиционалистская «социалистически» окрашенная доктрина напоминает тот «феодалыный социализм», научную оценку которого в свое время дали

¹ *Ahmad Zaky Jamani. Islamic Law in Contemporary Issues. — «God and in Contemporary Islamic Thought». Beirut, 1972, p. 55, 58, 60.*

в «Манифесте Коммунистической партии» основоположники марксизма¹.

Правда, на позициях приверженности наследию прошлого до сих пор стоят еще некоторые действительно антиимпериалистически настроенные идеологи мелкой буржуазии ряда стран Востока, а также представители социальных слоев, связанных с различными местными докапиталистическими укладами. С исламом, точнее, с идеализируемым периодом становления и начального развития этой религии они неразрывно сочетают представления о социальной справедливости, а доказывая правомерность тезиса о единстве религии и политики, ссылаются на участие отдельных мусульманских духовных лидеров в борьбе против закабаления своих народов империализмом².

Однако общая тенденция эволюции традиционалистского направления в исламе такова, что оно все явственнее скатывается в лагерь реакции. Одновременно усиливающийся антикоммунизм ведет не только к утрате антиимпериалистической направленности, но даже к сближению с капиталистическим Западом³. Специфичны и символичны этапы этой переориентации: смягчение богословских выпадов в адрес христианства, которое снискало себе на Востоке заслуженную репутацию пособника колонизаторов, а главное — «небезуспешность» обращения к христианским лидерам с призывом единения сил в борьбе против «безбожного» коммунизма.

Внешнее «антизападничество» большинства традиционалистских концепций в современном исламе еще продолжает придавать им притягательность в глазах антикапиталистически настроенных крестьянских, полупролетарских, люмпенских, мелкобуржуазных слоев населения. Исходя из тезиса о неразрывности религии и политики, традиционалисты стремятся популяризировать в массах

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 448.

² См. *Е. А. Дорошенко*. О некоторых религиозных институтах и деятельности шиитского духовенства в современном Иране. — «Религия и общественная мысль народов Востока». М., 1971, стр. 184.

³ См. *Э. Ю. Гасанова*. Ислам и принцип лаицизма в современной Турции. — «Религия и общественная мысль народов Востока». М., 1974, стр. 109; *Р. П. Кондакян*. Место религии во внутренней политике послевоенной Турции. — «Академия наук Армянской ССР. Вестник общественных наук». Ереван, 1968, № 1, стр. 47—49.

идею «исламизации» государства, причем принцип теократии неизменно подразумевает такое положение, когда за духовной элитой сохраняются ведущие, если не монопольные позиции во всех областях политической и общественной жизни.

Именно претензии на подобное господство наряду с крайне реакционной позицией, занимаемой традиционалистами по вопросам внутренней политики, во многом объясняют резко негативное отношение к ним со стороны правящих кругов даже большинства тех стран, где ислам объявлен официальной религией. Пример тому — ограничение деятельности А. Маудуди и его сторонников в Пакистане, запрещение пропаганды и деятельности «Братьев-мусульман» во многих арабских государствах, обострение взаимоотношений между шиитским духовенством и шахом в Иране, подавление движения «Даруль ислам» правительственными войсками в Индонезии и т. д.

В периоды подъема революционного движения традиционалистская реакция не раз выдвигала лозунг «джихада» («священной войны») против демократических сил. Этот лозунг использовали лидеры «Братьев-мусульман» в борьбе против режимов социалистической ориентации на Арабском Востоке, предводители «Джамаати ислами» и их единомышленники — против прогрессивных движений в странах Южной Азии, представители правых мусульманских кругов — против Компартии Индонезии во время событий 30 сентября 1965 г. и т. д.

Следуя отмеченной выше трактовке антикоммунизма как составной части «антизападничества», идеологи традиционалистского толка пытаются утверждать, будто капитализм и социализм едины в своем «грубом материализме» и привязанности к мирским благам. В то же время всячески подчеркивается «духовность» ислама. Мариам Джемила, единомышленница А. Маудуди, например, утверждала, что социализм, коммунизм и капитализм являются якобы лишь различными формами модернистской идеологии, но принципиально не отличаются друг от друга, тем более что все они «привержены плотским интересам, разрушающим мораль»¹.

Коммунистическому учению с его теорией классовой

¹ *Marjam Jameelah*. Islam and Modernism. Lahore, 1967, p. 17.

борьбы и пролетарского интернационализма традиционалисты противопоставляют тезис о наднациональном и надклассовом «мусульманском единстве», о всемирной общности «правоверных», пренебрегающей любые межгосударственные барьеры. Космополитический характер этого тезиса становится все более очевидным по мере обуржуазивания части традиционалистских концепций. При этом большое место отводится проповеди «мусульманского братства» трудящихся с их угнетателями. Реально существующую противоположность интересов эксплуатируемых и эксплуататоров А. Маудуди, например, стремится представить как противоречия, «искусственно насаждаемые коммунизмом»¹.

Антикоммунистическая трактовка «мусульманского единства» и «джихада» все более открыто противопоставляется общности угнетенных народов в борьбе против империализма. Проявление национальных устремлений и особенно национальные движения под демократическими лозунгами традиционалисты клеймят как региональный национализм, противоречащий самой природе ислама. «Различные измы — баасизм, берберизм, африканизм и даже коммунизм в руках опытных деятелей служат средством отвлечения мусульман от решения основных проблем, — утверждает один из таких идеологов. — Наше общество утратило сознание собственного органического единства. И ни одна «часть» территории (мусульманского мира. — Л. П.) не может обособленно решить свои интернациональные проблемы ни путем берберизма, ни путем африканизма, ни путем коммунизма»².

Реакционная трактовка «мусульманского единства» была использована в идейно-политической борьбе против национально-освободительного движения бенгальцев и образования государства Бангладеш.

Мусульманский постулат о делении мира на «область войны» и «область ислама» трактуется традиционалистами в качестве коллективного обязательства всех «правоверных» вести постоянную борьбу за исламизацию общества, причем в пределах не только отдельной страны, региона, но и всего земного шара.

¹ *Abul a'la Maududi. Unity of Muslim World. Lahore — Dacca — Karachi, 1967, p. 16.*

² *Ibidem.*

На фоне остальных мусульманских идеологов традиционалисты обычно отличаются наибольшей нетерпимостью к иным точкам зрения, неразборчивостью в средствах при очернении инакомыслящих, пусть даже из числа приверженцев ислама, наибольшей категоричностью суждений и, как правило, безудержной агрессивностью. Со своей стороны идеологи иных направлений, в том числе мусульманских, отмечают архаичность традиционалистских концепций, нежелание их создателей должным образом учитывать веяния времени.

Идейные установки мусульманских теоретиков разных направлений подвергаются серьезной критике со стороны коммунистов, а также многих других демократически мыслящих и прогрессивно настроенных общественных деятелей и идеологов. Иногда отдельные такие установки осуждают и либерально настроенные лица, в том числе представители правящих режимов ряда государств Востока. Чаще всего при этом порицаются традиционалисты, чьи политические акции нередко идут вразрез с официальным курсом.

Но в большинстве стран Востока с мусульманским населением (за исключением Турции, Ирана, АРЕ, Сирии, Пакистана, Индонезии и др.) еще не начали складываться традиции научной критики ислама, а также разоблачения классовой сущности развивающихся на основе этого вероучения течений общественно-политической, экономической и правовой мысли. Еще очень сложны условия работы местных атенстов, требующие от них большого гражданского мужества и подлинные героические усилия. Тем значительнее заслуги тех, кто стоит у истоков свободомыслия и борьбы за политическое прозрение масс, за высвобождение их умов и сердец из-под гнета религиозных предрассудков¹.

Ведя активное наступление против тех, кто пытается использовать религию в целях империалистической и внутренней реакции, прогрессивные силы Востока не могут не учитывать в своей деятельности уровень развития угнетаемых и эксплуатируемых масс, в первую очередь

¹ Э. Ю. Гасанова. Ислам и принцип лаицизма в современной Турции. — «Религия и общественная мысль народов Востока». М., 1974, стр. 112; Л. Р. Гордон-Полонская. Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана (Критика мусульманского национализма). М., 1963, стр. 297 и др.

крестьянства. В свое время В. И. Ленин неоднократно призывал революционеров учиться работать в своеобразных условиях восточных стран, где религия по существу еще является господствующей формой мировоззрения¹. Ленинская мысль о необходимости для коммунистической партии учитывать уровень развития крестьянских стран Востока сохраняет свою актуальность в современной ситуации развивающихся стран.

В связи с этим определение социальной сущности и политической направленности основных идейных течений буржуазного и мелкобуржуазного толка, которые облечены в религиозную и национально-религиозную форму, продолжает иметь важное значение для идеологической борьбы в развивающихся странах.

¹ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 457.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

1.

Антимонополистическая борьба и национальный вопрос

Ленинизм, будучи непримирим к идеологии буржуазного национализма и противопоставляя ей идеологию пролетарского интернационализма, в политической деятельности обязывает осуществлять дифференцированный подход к национальным движениям, исходя из задач революционного процесса, его направлений и этапов.

Содержание и пути решения национального вопроса находятся в тесной связи с исторически конкретной обстановкой, в которой развивается революционный процесс. Эта обстановка выдвигает требование связать революционную борьбу за социализм с демократической и социалистической программой в национальном вопросе.

XXV съезд КПСС дал развернутую характеристику эпохи. «Мы живем, — сказал Л. И. Брежнев в докладе, — в эпоху коренных социальных перемен, продолжают укрепляться и шириться позиции социализма. Победы национально-освободительного движения открывают новые горизонты перед странами, завоевавшими независимость. Нарастает классовая борьба трудящихся против

гнета монополий, против эксплуататорских порядков. Приобретает все большие масштабы революционно-демократическое, антиимпериалистическое движение. Все это в целом означает развитие всемирного революционного процесса»¹.

Нынешняя эпоха создает новые условия для борьбы масс за социальный прогресс, в том числе за национальные интересы.

Марксизм-ленинизм определил место национального вопроса в классовой борьбе пролетариата. «По сравнению с «рабочим вопросом», — писал В. И. Ленин, — подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса. Но от игнорирования национальных движений его теория далека, как небо от земли»².

Исходя из марксистско-ленинского учения, требования единства пролетариев всех наций и подчинения национального вопроса общеклассовым задачам, коммунистические партии стран монополистического капитализма вырабатывают свою стратегию и тактику на современном этапе революционного движения.

Обострение национального вопроса в капиталистических странах связано с глубинными экономическими, социальными, политическими процессами, происходящими в системе государственно-монополистического капитализма, приведшего к кризису всей системы империализма. Борьба рабочего класса и его союзников за глубокие социальные преобразования включает в качестве составного элемента и стремление удовлетворить правильно понятые национальные интересы.

Требования по национальному вопросу рабочего класса, его коммунистического авангарда в многонациональных развитых капиталистических странах составляют часть общедемократической, антимонополистической программы. В соответствии с новыми историческими условиями ленинская идея соединения классовой борьбы за социализм с борьбой за уничтожение национального гнета осуществляется путем соединения борьбы за коренные антимонополистические преобразования, с борьбой за разрешение национального вопроса.

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, стр. 32

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 301.

Осуществление программ коренных антимонополистических преобразований, выдвигаемых коммунистическими партиями стран государственно-монополистического капитализма в экономической, социальной и политической сфере, даст возможность развязать узел национальных противоречий, обеспечит национальные интересы на современном этапе исторического развития. Деятельность коммунистических партий по защите и повышению жизненного уровня, гарантии занятости, социальное обеспечение, социальные права трудящихся отвечают также интересам национальных меньшинств.

Принципиальная, марксистско-ленинская позиция определяет отношение коммунистических партий к национальным движениям, принимающим различные формы в капиталистических странах. В тех индустриально развитых капиталистических странах, где существуют национальные движения, авангард пролетариата выступает в поддержку демократических начал в этих движениях, ведя одновременно борьбу против извращения национальных чувств, стремясь не допустить, чтобы эти движения были уведены на путь раскольнического, мелкобуржуазного национализма или оказались под воздействием буржуазных националистов, преследующих свои корыстные, эксплуататорские интересы.

В своей деятельности по вовлечению широких масс трудящихся в антимонополистическую борьбу коммунистические партии индустриально развитых капиталистических стран постоянно сталкиваются со стремлением государственно-монополистической олигархии отвлечь внимание масс от задач социального преобразования, толкнуть их на путь национальной замкнутости и обособленности.

Коммунистические партии выступают против хозяйственного раздробления государств. Они исходят из признания прогрессивного значения централизации, больших государств, но на демократической базе. В наблюдаемом ныне так называемом кризисе общин, о чем подробно говорится в книге на примере Канады и Бельгии, коммунистические партии выступают за единство своих стран и равноправие наций.

«На карту поставлены экономические и политические интересы рабочего класса,— говорится в программе Коммунистической партии Канады. Поэтому борьбу за

подлинно конфедеративную конституцию, подкрепленную биллем о правах, за преодоление экономического и социального неравенства, за осуществление коренных демократических преобразований должен возглавить рабочий класс, и прежде всего его профсоюзные центры в обеих частях страны. В ходе этой борьбы неизмеримо окрепнут братские узы между рабочими двух наций»¹.

Коммунистическая партия Бельгии отстаивает демократический федерализм, предусматривающий создание в каждой большой области ассамблеи, избираемой всеобщим голосованием, и ответственных перед нею исполнительных органов власти. Антимонополистическая направленность характеризует подход партии к решению общинных проблем. «Не может быть и речи об отделении борьбы против капиталистических монополий от борьбы против государственных структур, лучше всего отвечающих их интересам, и против находящихся у них на службе правительств, — говорится в резолюции XXI съезда Коммунистической партии Бельгии... В институционном плане нужно поставить перед собой такие цели, как осуществление демократического федерализма путем соглашения между прогрессивными силами обеих общин и трех областей; наделение региональных органов реальными полномочиями и средствами; избрание регионального совета путем всеобщих и прямых выборов; создание путем слияния коммун административных единиц, способных играть самостоятельную экономическую, социальную и политическую роль и стать центром подлинно демократической жизни»².

Разумеется, в условиях капитализма нельзя исключить возможность откола отдельных национальностей и возникновения новых государственных образований, но руководящим принципом коммунистического авангарда является стремление сплачивать, соединять, сливать трудящихся всех наций для единой совместной борьбы.

Английские и ирландские коммунисты занимают интернационалистические позиции в связи с кризисом в Ольстере. «Никакая нормализация положения в Северной Ирландии и прекращение там насилия невозможны, — говорится в заявлении представителей Коммунистических партий Ирландии и Великобритании, — если

¹ «The Road to Socialism in Canada». Toronto, 1972, p. 23.

² Цит. по: «Проблемы мира и социализма», 1974, № 9, стр. 57.

Лондон не будет выполнять своих обязанностей по созданию подлинно демократических условий для всех людей в Северной Ирландии»¹. Коммунисты выступают против политики британского империализма, стремящегося сохранить раскол ирландского рабочего движения, используя с этой целью религиозные распри протестантов и католиков, выступают против актов насилия. Коммунистическая партия Ирландии осуждает кровавые распри, террор протестантских «ультра», этих черносотенных банд, пользующихся попустительством находящихся в Северной Ирландии английских войск. Насильственные действия со стороны ряда военизированных отрядов католиков также не находят поддержку коммунистов, стремящихся не допустить ослабления рабочего класса в его политической борьбе против английского и ирландского крупного капитала. Коммунистическая партия Великобритании выступает против экономической дискриминации, которую осуществляет английский монополистический капитал в Шотландии, Уэльсе.

Коммунистическая партия Испании выступает за восстановление демократии в стране. Она заявила о своей готовности к совместной работе с прогрессивными политическими группировками. Разумеется, к подобным группировкам относятся и организации, требующие предоставления национального равноправия народам Страны басков, Галисии, Каталонии. Коммунисты поддерживают требования о национальной автономии этих районов в рамках демократической республики.

Серьезные национальные проблемы возникли в Западной Европе в связи с миграцией рабочих. Общее число иностранных рабочих и служащих, находившихся в западноевропейских индустриально развитых странах, превышало до экономического кризиса 10 млн. человек. Иностранные рабочие подвергаются дискриминации при найме на работу, оплата их труда ниже, чем местных рабочих, жилищные условия неизмеримо хуже, на них часто не распространяется трудовое законодательство, они первые жертвы безработицы. Цветное население фактически лишено гражданских прав. В Англии они являются гражданами второго сорта, а в Бельгии существует даже специальная «полиция для иностранцев».

¹ Цит. по: «Проблемы мира и социализма», 1974, № 8, стр. 78.

Расисты стремятся вызвать враждебность к иностранным рабочим со стороны местного населения, требуют высылки из страны людей с темным цветом кожи.

Коммунисты и другие прогрессивные силы западноевропейских стран предпринимают систематически меры, чтобы сорвать планы реакции, стремятся объединить рабочих разных национальностей вокруг задач антинеполитической борьбы. Коммунистическая партия Великобритании на своем XXXIII съезде (ноябрь 1973 г.) приняла резолюцию «Борьба против расизма в Великобритании». В ней говорится: «...Игнорировать расизм — значит поощрять его. Каждое проявление расизма должно получить решительный отпор». В резолюции отмечается, что буржуазная пресса, радио и телевидение способствуют росту расистских настроений. Фашистские и другие правые организации, пытаясь создать себе массовую базу, прибегают к расистской пропаганде.

«На нас, — говорится в резолюции, — лежит особая ответственность за искоренение расизма в рабочем движении и рабочем классе. Мы призываем каждого коммуниста, все организации нашей партии развернуть борьбу в общенациональном и местном масштабах, на предприятиях, в профсоюзах, в иммигрантских общинах, в антирасистских организациях. Надо вовлечь в нашу партию больше темнокожих граждан и втянуть их в самую активную работу в ней... Борьба против расизма сегодня находится в центре нашей битвы за демократию, за успехи единого движения рабочего класса, за социалистическую Великобританию»¹.

В результате усилий коммунистов и других прогрессивных сил складывается классовый союз местных рабочих и рабочих-эмигрантов. Между Всеобщей конфедерацией труда (Франция) и Всеобщей итальянской конфедерацией труда заключено соглашение о защите профсоюзами прав и требований итальянских трудящихся во Франции. Крупные профсоюзы ряда стран Западной Европы (ФРГ, Бельгии, Швеции) также выступили в защиту иммигрантов. Все чаще иностранные рабочие начинают принимать участие в забастовках.

Прогрессивные силы в капиталистических странах противодействуют ликвидации отличных друг от друга культур, которая осуществляется шовинистической реак-

¹ «Проблемы мира и социализма», 1974, № 3, стр. 68—69.

цией. Так, они выступают против уничтожения кельтского языка в Бретани, Шотландии, Уэльсе. В деятельности по сохранению и развитию национальных и региональных культур прогрессивные силы опираются ныне также на обязательства правительств, зафиксированных в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. «Государства-участники, — говорится в разделе «Сотрудничество в гуманитарных и других областях. Национальные меньшинства или региональные культуры», — признавая вклад, который национальные меньшинства или региональные культуры могут вносить в сотрудничество между ними в различных областях образования, намерены в случае, когда на их территории имеются такие меньшинства или культуры, способствовать этому вкладу, с учетом законных интересов их членов»¹.

Усиливаются позиции коммунистических партий в ряде движений национальных меньшинств. Установилось сотрудничество бельгийских коммунистов и левых социалистов в народном валлонском национальном движении. Большое значение имеет участие каталонских коммунистов в широком объединении антифашистских сил в Испании. Неразрывная связь борьбы за национальные права с борьбой за коренные демократические социальные преобразования позволяет баскской партии ЭТА стать одним из отрядов общей антимонополистической и антиимпериалистической борьбы в своих странах.

Вся современная действительность ведет к росту и углублению социального и интернационального содержания прогрессивных национальных движений.

Для рабочего класса индустриально развитых капиталистических стран возникли новые проблемы в связи с монополистической интеграцией, различными формами переплетения капиталов на международной арене. Рабочий класс западноевропейских стран подвергается ныне эксплуатации со стороны не только «своего» монополистического капитала, но и многонациональных корпораций, в большинстве которых господствуют американские монополии. Это усиливает социальный и национальный гнет в этих странах.

Коммунистические партии стремятся направить национальное возмущение трудящихся, вызываемое дей-

¹ «Правда», 2 августа 1975 г.

ствиями иностранного монополистического капитала, в общий революционный поток, ведут курс на интернационализацию борьбы рабочего класса. Они добиваются укрепления интернациональной солидарности рабочего класса Западной Европы и США.

В Декларации конференции коммунистических и рабочих партий капиталистических стран Европы, состоявшейся 26—28 января 1974 г. в Брюсселе, говорится о позициях западноевропейских компартий относительно ЕЭС. Пятнадцать лет членства в «Общем рынке» тесно связали с ним некоторые страны, и коммунистические партии в этих странах борются против его монополистической ориентации и ее последствий, за демократизацию ЕЭС. В других странах, недавно вступивших в «Общий рынок», компартии выступают за выход из него. В тех западноевропейских странах, которые не состоят членами «Общего рынка» и не ассоциированы с ним, компартии ведут борьбу против любых попыток включения в сферу влияния монополий, господствующих в ЕЭС. Несмотря на это разнообразие условий, компартии Западной Европы вновь подтверждают, что возможен и необходим общий ответ на политику монополистического капитала, и намерены действовать совместно, чтобы добиться подлинно демократического сотрудничества в Европе в интересах всех ее народов. Коммунистические партии стран — участников «Общего рынка» стремятся создать единство национальных отрядов рабочего класса в борьбе против «Европы трестов». Эта задача находится в центре международной деятельности коммунистов. Французские коммунисты стремятся установить такие контакты с социалистами, которые дадут возможность решить, какие меры срочно необходимы для противодействия гнетущему господству наднациональных монополий. За контакты, обсуждения и согласованные действия коммунистических, социалистических и рабочих партий, за развитие различных форм совместных действий всеевропейского характера против монополий высказались также Итальянская коммунистическая партия и Коммунистическая партия Великобритании во время двусторонней встречи в феврале 1973 г.

Лозунгами борьбы являются: участие рабочего класса и его профсоюзов в управлении «Общего рынка», предоставление рабочему классу и его национальным полити-

ческим организациям места в представительных организациях «Общего рынка», борьба за его демократизацию, против тенденций к наднационализму, противодействие реакционным, агрессивным аспектам деятельности «Общего рынка». Взаимодействие борьбы на национальном и интернациональном уровнях повышает накал классовой борьбы.

2.

Единство борьбы за национальную независимость и социальный прогресс в развивающихся странах

В нынешних исторических условиях ленинская идея соединения пролетарской классовой борьбы за социализм с антиимпериалистическим, национально-освободительным движением находит новые формы и проявления, вызывает новую стратегию и тактику прогрессивных сил.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXV съезде партии дан глубокий анализ серьезных сдвигов во внутренней жизни и международной политике развивающихся стран: перенесение центра тяжести в развитии промышленности на государственный сектор, ликвидация феодального землевладения, национализация иностранных предприятий, направленная на установление эффективного суверенитета молодых государств над своими природными ресурсами, формирование собственных кадров. «Во многих освободившихся странах происходит сложный процесс размежевания классовых сил, нарастает классовая борьба. Проявляется это по-разному. Новые прогрессивные сдвиги произошли в экономике и политической жизни арабских, африканских и азиатских стран социалистической ориентации. Есть и страны, где развитие пошло дальше по капиталистическому пути»¹.

Историческая роль национальных движений не остается неизменной. Национальное движение прогрессивно, если оно идет в русле антиимпериалистической борьбы, выдвигает и осуществляет прогрессивные соци-

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, стр. 14.

альные преобразования. Национальное движение, отгороженное от международного рабочего движения и мира социализма, идущее на беспринципные соглашения с империализмом, отказавшееся от проведения социальных преобразований, ведущее страну по пути бюрократически-буржуазного или военно-бюрократического буржуазного развития, превращается в орудие реакции.

Национально-освободительные движения, которые выступали на этапе борьбы за освобождение от колониальной зависимости как патриотическая сила, действуя вместе с демократическими организациями на общей платформе борьбы за независимость, могут после прихода к власти или продолжать вместе с демократическими организациями идти по пути социального переустройства страны, демократии и антиимпериалистической борьбы (как это наблюдается во многих странах, ориентирующихся на социализм), или встать на путь развития капитализма, при этом зависимого от империализма, свертывания социальных мероприятий, отстранения трудящихся от участия во внутривнутриполитической жизни. В последнем случае создаются условия для потенциального роста недовольства масс, ожидавших после получения независимости значительного улучшения их тяжелого материального положения.

Ныне, когда не только в основном исчезли прямые формы колониального гнета, но и многие из освободившихся стран стали активно выступать в защиту своих национальных интересов против неокOLONиализма, подлинно национально-освободительное движение приобрело ряд особенностей.

Империализм пытается одновременно помешать развитию стран социалистической ориентации, вернуть их на путь капитализма и новыми методами закрепить и усилить экономическую, финансовую, технологическую и политическую зависимость молодых государств, которые он смог удержать в орбите монополистического капитализма. Эта зависимость дает возможность навязывать низкие цены на минеральное сырье и другие предметы вывоза из развивающихся стран при высоких ценах на товары, поступающие из индустриально развитых капиталистических стран, устанавливать контроль над наиболее важными секторами экономики, захватывать внутренние рынки освободившихся стран.

Основными рычагами империалистической политики являются американские монополии, пользующиеся непосредственной экономической и военной поддержкой государства; западноевропейские монополии, действующие непосредственно и через межгосударственный интеграционный блок; выступающие на международной арене монополистические организации Японии.

Для осуществления своих стратегических замыслов империализм ищет опору, союзников внутри освободившихся стран. Стремясь не допустить перехода национально-освободительного движения на путь коренных социальных реформ, он препятствует приходу к власти представителей социальных сил — рабочих, крестьян, выступающих за глубокие преобразования. Империализм стремится сохранить систему неокOLONиализма с его экономическим и финансовым закабалением.

Мировая реакция делает ставку на те слои населения развивающихся стран, которые с получением их странами политической независимости считают задачи национального освобождения исчерпанными и которые, исходя из своих собственных классовых интересов, заинтересованы в приостановке дальнейшего развития национально-освободительного движения. К таким силам, отвернувшимся от революции, относится, во-первых, новая подкупленная и разложившаяся элита (чиновничья бюрократия, высшее военное командование, полицейские власти), пришедшая к власти и торопящаяся поживиться ее плодами. Империалисты и их идеологи прививают этой элите западный образ жизни, который в сочетании с местными традициями вождизма создает тип государственного деятеля, отчужденного от народных масс. В результате определившаяся в ряде освободившихся стран тенденция к изменению характера и ориентации власти ведет к трансформации также характера государственной собственности, которой распоряжается эта власть. Государственная собственность приобретает недемократический характер, оказывается подчиненной интересам нового военно-бюрократического слоя и иностранных монополий. От революции по мере ее углубления отворачиваются влиятельные прослойки местной буржуазии, торговцы и спекулянты. Врагами ее являются всевозможные посредники — агенты монополистического капитала. Монополистический капитал содействует формированию но-

вых буржуазных слоев. Отходит от революции и народа обуржуазившаяся часть интеллигенции, идеологически подчинившаяся буржуазному образу жизни.

Исторический опыт вновь подтверждает, что любое национальное движение следует рассматривать исходя из общей социально-политической обстановки, существующей в стране. Так, борьба курдского национального меньшинства на северо-востоке Ирака за равноправие и демократические свободы, принимавшие форму многолетних кровопролитных сражений, была оправдана, когда в Ираке существовал отсталый строй и во главе страны находились реакционные, проимпериалистические элементы, подвергавшие курдов притеснениям, лишавшие их демократических и национальных прав. Но сейчас в Ираке под руководством Совета революционного командования осуществляются социальные преобразования, проводится земельная реформа, крестьяне наделяются землей, принимаются меры по укреплению независимости страны от империализма. В марте 1970 г. правительство Ирака провозгласило манифест, который гарантирует курдскому меньшинству соблюдение его национальных и культурных прав, а в марте 1974 г. был принят закон об автономии района Курдистана. Это изменило обстановку. Вооруженные действия курдской повстанческой армии против правительственных войск в новых условиях объективно были направлены на сохранение феодальных порядков в Курдистане, срыв земельной реформы, создавали препятствия процессу обновления Ирака. Совместные усилия Демократической партии Курдистана, Коммунистической партии и других прогрессивных сил Ирака призваны обеспечить национальное развитие курдского народа.

В развивающихся странах, где сложность национального формирования из племенных групп, разнообразных этнических частей создают определенную напряженность, империализм стремится к разжиганию племенных и национальных конфликтов, вызывает эксцессы с целью разобщения антиимпериалистических сил. Идеологи империалистической буржуазии прилагают все силы, чтобы направить национальное движение в русло межнациональной и расовой розни, увести его от решения задач национального возрождения, которое только и возможно на основе социального прогресса.

Все это не избавляет неонационалистический мир от глубоких и усиливающихся противоречий между империализмом и правящими буржуазными слоями развивающихся стран. Вот почему марксистская оценка и критика буржуазно-бюрократической апологии национализма не исключают, однако, поддержки со стороны прогрессивных сил экономических и политических действий, направленных против империализма и неокOLONиализма, особенно таких решительных, как национализация собственности иностранного капитала, даже в том случае, когда они осуществляются находящимися у власти буржуазно-националистическими слоями. Национализация собственности международных монополий — характерная особенность нынешнего этапа национально-освободительной, антиимпериалистической борьбы.

Характерной особенностью являются также стремление развивающихся стран создавать региональные экономические объединения, их экономическая интеграция с целью противостоять натиску международных монополий. В западном полушарии, например, создана Латиноамериканская экономическая система (ЛИАЭС), провозгласившая стремление освободиться от опеки со стороны своего большого североамериканского соседа, осуществлять взаимодополняющую экономическую политику на латиноамериканском субконтиненте, проводить независимый курс в условиях мира и международного сотрудничества.

Как отмечается в докладе ЦК КПСС XXV съезду, «при нынешнем соотношении мировых классовых сил освободившиеся страны вполне могут противостоять империалистическому диктату, добиваться справедливых, то есть равноправных экономических отношений»¹.

Последовательными сторонниками национального и социального освобождения, носителями прогрессивных начал в национальных движениях являются передовые силы: рабочий класс, крестьянство, патриотически настроенные слои интеллигенции, возглавляемые коммунистическими партиями. Прогрессивный характер носят национальные устремления демократических, антиимпериалистических кругов мелкой буржуазии, патриотически настроенной части вооруженных сил.

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, стр. 15.

Передовые силы в развивающихся государствах, придя к власти, обеспечивают прогрессивное развитие своих стран, подлинную национальную независимость.

Многие страны — НДРЙ, Ирак, Сирия, Лаос, Гвинея, Гвинея-Бисау, Мозамбик, Ангола — осуществляют ряд социальных преобразований, которые в конечном счете при последовательном их осуществлении и опоре на массы могут привести их на путь социализма. Прогрессивные реформы проводят Индия, Перу, Эфиопия, Шри-Ланка и некоторые другие страны.

Борьба против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических, и одновременно борьба против неокOLONиализма в интересах народных масс, их подлинного национального освобождения является основным содержанием нынешнего национально-освободительного и социального движения в развивающихся странах.

Конкретные социальные и политические условия каждого региона, а вслед за этим специфика каждой страны определяют непосредственные задачи борьбы за национальное и социальное освобождение. Так, в Латинской Америке относительно высок удельный вес рабочего класса и растет его организованность. В некоторых странах пролетариат приобрел большое влияние на трудящихся. В Декларации Совещания коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна, состоявшегося в Гаване в июле — августе 1975 г., обосновано стратегическое положение о том, что путь к социализму в Латинской Америке неизбежно проходит через антиимпериалистическую борьбу, поскольку американский империализм — это фактор, объективно тормозящий политическое и социальное развитие Латинской Америки и что освобождение от империалистического господства является главным условием для будущего развития самых передовых форм общества, составной частью борьбы за социализм¹. Коммунистические партии стран Латинской Америки и Карибского бассейна указали на необходимость лишения политической власти олигархических реакционных кругов, связанных с империализмом. Авангардом национальных прогрессивных сил, ведущих антиимпериалистическую борьбу, являются

¹ См. «Правда», 5 августа 1975 г.

коммунисты. «Коммунистическое движение Латинской Америки — это самая распространенная и самая однородная политическая сила во всем западном полушарии»¹, — с полным основанием утверждает Ф. Кастро.

Коммунисты стран Латинской Америки считают необходимым создание широкого союза всех антиимпериалистических сил. Естественным союзником рабочего класса в революционном антиимпериалистическом движении и в борьбе с олигархией является прежде всего крестьянство, заинтересованное в избавлении от гнета иностранных монополий и латифундистов. Среди городских средних слоев имеются значительные группы, стоящие на антиимпериалистических позициях, противники крупной реакционной буржуазии. Не исчерпаны еще прогрессивные возможности некоторой части национальной буржуазии. Важным фактором в антиимпериалистическом и прогрессивном движении являются передовые, патристические элементы в вооруженных силах. В среде католической церкви также имеются люди, примыкающие к народному движению.

Нынешний этап народной борьбы, политика союза со всеми силами, занимающими антиимпериалистические позиции, находит свое проявление в поддержке и даже сотрудничестве коммунистов и других демократических организаций с националистическими правительствами, выступающими в защиту интересов своих стран и проводящими меры прогрессивного характера.

Злейшим врагом национально-освободительного движения является антикоммунизм, носитель всего отсталого, реакционного, часто прикрывающийся националистическими лозунгами. В условиях Латинской Америки особенно следует различать левые силы, действительно революционные, участвующие в общей борьбе с империализмом и олигархией, и псевдореволюционные левацкие элементы, своими антикоммунистическими и авантюристическими акциями наносящие ущерб революционному движению.

На большом и сложном в национальном и социально-политическом отношении Азиатском континенте в несоциалистических его странах усиливается стремление народных масс решить проблемы экономической слабо-

¹ «Правда», 5 августа 1975 г.

развитости, бедности, нищеты, безработицы, преодолеть вековую культурную и техническую отсталость. Прогрессивные силы в этих странах противостоят националистическим устремлениям реакционных буржуазных слоев, отсталым силам прошлого.

Реакция пускает в ход националистические лозунги и требования, имеющие к тому же в ряде стран религиозно-мусульманскую окраску, для разжигания национальной и религиозной вражды внутри стран и между ними с целью противодействовать назревшим социально-экономическим преобразованиям.

Силы империализма прибегают к любым акциям для сохранения своих пошатнувшихся позиций на континенте, широко используя при этом национальную рознь. Против подлинных интересов народов и революционного движения направлены подрывные действия маоистов и их агентуры, в одних случаях — псевдореволюционно-бунтарские, в других — сепаратистско-националистические.

Во многих странах Африки происходит перерастание национально-освободительной революции в социальную. Растет сознательность молодого рабочего класса, складываются демократические, прогрессивные организации — выразители чаяний и требований народов.

* * *

Центральное место в тактике разобщения прогрессивных сил современности занимают попытка раскола международного коммунистического и рабочего движения, стимулирование разногласий в мировом революционном движении. Империализм стремится к разобщению стран социалистического мира, к разъединению, раздроблению сил революции. Этой цели служит теория о «национальных марксизмах», о столкновении и соперничестве между ними.

В. И. Ленин раскрыл идейно-политическое родство, даже тождество оппортунизма и социал-шовинизма. В современных условиях это проявляется в идеологии правого ревизионизма, выступающего под националистическим флагом против единства международного коммунистического движения.

Идеологи империализма рассчитывают на ослабление

мирового социализма в результате шовинистических позиций маоизма, идеология и политика которого прямо враждебны марксизму-ленинизму.

Международное коммунистическое движение — это единая, однородная политическая сила, руководствующаяся марксизмом-ленинизмом. Для него внутренне присуще совпадение правильно понятого национального долга и классовых интернациональных забот каждого из его национальных отрядов, что исключает абсолютизацию национального элемента.

Ленинская внутренняя и внешняя политика Коммунистической партии Советского Союза направлена на всемерное расширение и укрепление интернациональной пролетарской солидарности. С особой силой в докладе на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул важность в наше время пролетарского интернационализма. «Это один из главных принципов марксизма-ленинизма. К сожалению, кое-кто начинает трактовать его таким образом, что от интернационализма фактически мало что остается. Находятся и такие деятели, которые даже открыто предлагают отказаться от интернационализма. По их мнению, тот интернационализм, который обосновали и отстаивали Маркс и Ленин, якобы устарел. С нашей же точки зрения, отказаться от пролетарского интернационализма означало бы лишить компартии и вообще рабочее движение мощного и испытанного оружия. Это была бы хорошая услуга классовому противнику, который, кстати сказать, активно координирует в международном масштабе свои антикоммунистические действия. Мы, советские коммунисты, считаем защиту пролетарского интернационализма святой обязанностью каждого марксиста-ленинца»¹. Последовательно осуществляемая политика мирного сосуществования, борьба за мир между народами способствуют интернационализации жизни на нашей планете. Распространение идей марксизма-ленинизма создает условия для идеологического преодоления национализма.

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, стр. 37—38.

Именной указатель

Абидин З. А. 243, 246
Абс Г. 86
Айюб-хан М. 246
Алард М. 129, 130
Али-хан Л. 246
Арифин З. 251
Ататюрк К. 199, 200
Аун Сан 199, 201
Афляк М. 213

Багдаш Х. 216
Бантинг Б. 183
Барака А. 113, 114
Бегин М. 98
Белла Р. Н. 240
Бертран Ж. 134, 135
Битс Ж. 128, 129
Бота Л. 176, 178, 179
Брежнев Л. И. 5, 7, 8, 9, 12, 20,
21, 39, 40, 69, 73, 74, 99, 190,
198, 265, 266, 273, 277, 281
Брутенц К. Н. 205, 206
Бумедьен Х. 227
Бюшман Ж. 164, 165

Ван дер Паал Р. 157
Ван дер Элст Ф. 157, 159, 160
Вильнер М. 100

Галеви Э. 175
Ганди М. 199, 200
Герцль Т. 75, 77, 82, 84
Герцог Д. 176, 177, 178, 179, 184
Гланг А. 243
Грегуар Ж. 127, 135
Громыко А. А. 22
Гэллап Дж. 29

Де Мейе Ж. 164, 165, 166
Джемила М. 261
Джинна М. 247
Джонсон Д. 134, 135
Драпо Ж. 121
Дрюмо М. 167
Дьерикс Л. 164
Дювьезар Е. 156

Жильсон М. 152

Икбал Д. 247
Иршад М. 243

Йорнссен В. 158

Кармаикл С. 107, 108
Кастро Ф. 278
Каштан У. 138
Кернер О. 110, 111
Кинг М. Л. 105, 106, 107, 108

Кинтнер В. 27, 33
Кириленко А. П. 37
Корбетт Э. 124, 129, 131, 134
Косыгин А. Н. 91
Крэб С. 25
Кук Р. 138
Курврэ В. 157
Куреши И. Х. 244, 247

Лажуа П. 126, 134
Ламонтень М. 133
Лапорт П. 135
Левек Р. 126, 127, 134, 135
Легер Ж. 129
Ленин В. И. 6, 7, 9, 13, 14, 16,
43, 44, 45, 76, 78, 79, 80, 81,
82, 83, 118, 119, 191, 192, 193,
196, 197, 200, 235, 250, 264,
266, 280, 281
Лесаж Ж. 124, 125, 126, 130,
131, 132, 134, 136

Ли Да-чжао 47
Ли Цзунь-жэнь 51
Лумер Х. 87
Лумумба П. 199

Маклинток Р. 30
Мао Цзэ-дун 45, 46, 47, 48, 49,
50, 51, 52, 53, 54, 60, 66, 67,
72
Маркс К. 6, 119, 173, 220, 249,
260, 266
Марлоу Дж. 205
Маталам 258
Маудуди А. 261, 262
Морен Ж. 136
Моро Р. 152
Мортон У. 132
Мумтаз М. Х. 242, 244
Мусякадзи К. 34, 35
Мюрдаль Г. 204

Насер Г. А. 199, 201, 202, 213,
214, 216, 232
Натсир М. 239, 247
Неру Дж. 199
Нордау М. 77

Осгуд Р. 27

Парвез Г. 240, 244, 252, 254
Пепин Ж. 131
Перен Ф. 152
Пирсон Л. 133, 137
Поссони С. 33

Рангкути Б. 247
Рафи уд-Дин 245
Рифаата К. ад-Д 253
Розенвальд У. 87

Сато Э. 35
Сетон-Уотсон Х. 24
Скотт Ф. 129
Смит А. Д. 123
Страус-Хюпе Р. 27, 33
Сумар 246
Сунь Ят-сен 46, 199, 200

Тамбо О. 190
Тахер И. 244, 245
Терфв Ж. 163
Тири И. 154
Тойнби А. 24
Тораби А. 240
Трюдо П. 135, 136, 137, 138,
139, 140, 141, 142, 143

Уайз М. 28
Уинстон Г. 101
Улькен З. 240
Уэлш Д. 182
Уолш С. 124, 144
Утэр Л. 155, 156

Форси Ю. 132, 139
Форстер Б. 184

Хармель М. 219
Хейдар З. 230
Хофмейер Дж. 176
Хун Кома 188

Цудэ М. 35

Чейз С. 24
Чжоу Энь-лай 57
Чокросуйосо А. 255

Шальтут М. 250, 253
Шапо М. 125
Шильтц Г. 157, 158

Эбан А. 98
Эйскенс Г. 166
Эмерсон Р. 204
Энгельс Ф. 6, 119, 173, 220, 249,
260

Ямани А. З. 223, 258, 259
Яхья Хан 64

Оглавление

Предисловие	5
Глава первая	11
ИМПЕРИАЛИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ	
1.	11
Обострение национального вопроса в капиталистическом мире	
2.	23
Теоретическое маневрирование и политическая практика империализма	
3.	36
Антисоветизм — орудие империализма	
Глава вторая	43
ШОВИНИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ МАОИЗМА НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИАЛИЗМА	
1.	43
Социально-исторические корни социал-шовинизма маоистов	
2.	59
Шовинизм во внешней политике	

Глава третья	75
РЕАКЦИОННАЯ АНТИНАРОДНАЯ СУЩНОСТЬ СИОНИЗМА	
1.	75
Ленинская критика сионизма	
2.	83
Современный сионизм — орудие империалистической реакции	
3.	91
Агрессивная политика сионизма и государства Израиль	
Глава четвертая	101
К ВОПРОСУ О РАСИЗМЕ В США	
1.	101
Расизм в США	
2.	105
Мартин Лютер Кинг и наступательная стратегия	
3.	109
Теория сепаратизма черного населения — орудие монополистической буржуазии	
4.	115
Антиреволюционность теорий «немедленной революции» и «выживания»	
Глава пятая	120
О КОНЦЕПЦИЯХ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ В КАНАДЕ	
1.	120
Социально-экономические аспекты кризиса федерации	
2.	122
«Тихая революция»: причины, цели и результаты	
3.	127
Отделение или новая конституция?	
4.	143
Коммунисты и национальный вопрос	
Глава шестая	146
НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В БЕЛЬГИИ	
1.	146
Генезис национального вопроса	
2.	151
Позиции националистов-валлонов и брюссельцев	
3.	156
Фламандский национализм	
4.	162
Государственно-унитаристский национализм	

5.	167
Борьба прогрессивных сил за демократическую федеральную Бельгию	
Глава седьмая	171
АПАРТЕИД В ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	
1.	171
Истоки апартеида	
2.	182
Апартеид — расистское оружие фашистского режима	
Глава восьмая	191
О ХАРАКТЕРЕ И РОЛИ НАЦИОНАЛИЗМА РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН	
1.	191
Ленинизм о национализме угнетенных наций	
2.	194
Национализм развивающихся стран и неоколониализм	
3.	199
Деятели национально-освободительных движений о национализме	
4.	202
Буржуазные концепции о национализме в развивающихся странах	
5.	205
О двух сторонах национализма развивающихся стран	
Глава девятая	207
АРАБСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ	
1.	207
Этапы эволюции	
2.	217
Национализм, ориентированный на капитализм	
3.	225
От антиимпериалистического национализма к ориентации на социализм	
Глава десятая	236
«МУСУЛЬМАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ»	
1.	236
Ислам и идейная борьба на современном Востоке	
2.	238
Тенденции модернизации мусульманской мысли	
3.	242
Теория «исламской экономики»	
4.	246
Теория «исламской демократии»	

5. 248
Теория «мусульманского социализма»

6. 256
Традиционалистские концепции

Глава одиннадцатая 265

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

1. 265

Антимонополистическая борьба и национальный вопрос

2. 273

Единство борьбы за национальную независимость и социальный прогресс в развивающихся странах

Именной указатель 282

**КРИТИКА
БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ
НАЦИОНАЛИЗМА
И РАСИЗМА**

**СОВРЕМЕННЫЙ
КАПИТАЛИЗМ И
ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА**

Заведующая редакцией
Т. А. Воскресенская

Редактор

О. И. Арав

Младший редактор

Л. А. Книна

Оформление серии художника

А. Б. Боброва

Художественный редактор

Е. А. Якубович

Технический редактор

Т. Г. Сергеева

Корректор

С. С. Новицкая

Сдано в набор 31 декабря 1975 г.
Подписано в печать 15 июня 1976 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 1. Условных печатных ли-
стов 15,12. Учетно-издательских ли-
стов 15,22. Тираж 12 000 экз. А 08114.
Заказ № 56. Цена 1 р. 12 к.

Издательство «Мысль». 117071. Мо-
сква, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знаме-
ни Ленинградская типография № 5
Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете Совета Минист-
ров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.